

НАСТОЯЩИМ ДЕТЕКТИВ

Ирина
Михалкова

Иллюзия игры

Annotation

Старый мошенник, удалившийся от дел, неожиданно получает в свое распоряжение талантливую ученицу. Ее способности, помноженные на его опыт, приводят к непредсказуемым последствиям.

В банде шулеров, которой управляет умный и жестокий Марк Паулс, появляется новичок. Идеи Андрея изобретательны и необычны. Но его последняя афера должна превзойти их все, ведь ее цель – крупнейшее московское казино. Если у шулеров все получится, они сорвут свой самый большой куш.

Все участники нового романа Елены Михалковой вступают в игру, каждый в свою, и все уверены в победе. Но что ждет победителя, не знает ни один из них. Чем закончится эта Игра?

- [Елена Михалкова](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Эпилог](#)
-

Елена Михалкова
Иллюзия игры

Глава 1

*Деньги пахнут.
Маленькие – потом.
А большие – кровью.*

Неизвестный автор

Лифт застрял между этажами, стоило мужчине достать ключи из портфеля. Кабина дернулась и замерла, ключи жалобно звякнули в его руке. Мужчина расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, поверочал головой на толстой шее и негромко выругался. Затем нажал на кнопку вызова лифтера. – Послушайте! – негодуяюще сказал он, плотно прижимая губы к динамику. – Что за безобразия?! Я застрял! – Ждите, техник скоро будет, – равнодушно ответил женский голос, и в динамике стало очень тихо. – Знаю я ваше «скоро»! До вечера здесь сидеть! Мужчина убрал ключи, огляделся, словно ожидая увидеть в кабине что-то новое, и, не увидев, бессмысленно выругался себе под нос. Сверху послышались громкие скрежещущие звуки, и внутрь упал свет. Задрав голову, мужчина увидел, что двери шахты немного разошлись. С платформы вниз на него смотрел парень лет восемнадцати в рабочей спецовке и низко нахлобученной красной кепке.

– Сейчас вас поднимем, не волнуйтесь! – бодро пообещал парень. – Айн момент!

– Да, вы уж постарайтесь! – потребовал узник, в глубине души приятно удивленный таким быстрым появлением лифтера.

Тот раскрыл чемоданчик и принялся возиться с дверьми, чем-то стуча и щелкая. Прошло пять минут. Человек, сидевший в лифте, закипал все сильнее. Ему ведь пообещали поднять его сейчас же! Черт знает что!

– Так-так-так... – озабоченно сказали наверху, перестав стучать и щелкать.

– Что такое?

– Вы понимаете, какое дело... – Лифтер снова наклонился, вытер лоб, немного приподняв свою кепку. – Все немножко серьезнее, чем мне сначала показалось.

– Да куда серьезнее – я уже почти сорок минут здесь торчу! – вознегодовал мужчина, вошедший в лифт меньше четверти часа назад. – Почему до сих пор не починили?!

– Коленчатая шестеренка сломалась, нужно ее заменить. Запасная – на другом объекте. А я, как назло, телефон забыл. Так что придется мне туда сходить, взять ее, принести сюда и поставить. Тогда сможем вас поднять.

– А нельзя попросить кого-нибудь, чтобы принесли эту вашу шестеренку?

– Можно, конечно. Вот только говорю же – телефон забыл! Номер напарника помню, а позвонить ему не могу.

– Господи, ну так возьмите мой телефон! – воскликнул мужчина. – Неужели так сложно догадаться?!

– В самом деле... – Парень смущенно улыбнулся. – Не додумался, извините.

Поднявшись на цыпочки, мужчина протянул вверх серебристый айфон.

– Осторожнее, не уроните, – брюзгливо попросил он.

– Ни в коем разе! – весело пообещали ему.

Чемоданчик исчез, двери шахты закрылись, и наступила тишина.

Когда прошло некоторое время, мужчина в лифте громко выразил свое недовольство. Выражал он его еще минут десять – до тех пор, пока лифт неожиданно не тронулся и не открыл двери на следующем этаже.

– Здравьете, – с ленивой усмешкой сказал ожидающий на площадке мужик с перепачканными в чем-то черном ладонями. – Извиняюсь, что долго: вызовов много.

– Вы кто? – настороженно поинтересовался мужчина, отчего-то не торопясь выходить из лифта.

– Лифтер. А вы кого ждали? Санта-Клауса?

Участковый подошел к троице милиционерам возле подъезда. Один из них что-то писал, сидя на корточках, подложив под лист папку. Другой диктовал, то и дело отвлекаясь на проходящих мимо девчонок в коротких юбках. Третий скучал.

– Восемь домов успел обойти, красавец! – поведал он участковому. – Везде одна схема: отключал лифт, затем выманивал телефон – и был таков. И не домохозяек ведь дожидался, а солидных людей.

– Солидные люди... – проворчал пишущий. – Все как один телефончики-то отдали. Домохозяйка, может, и не согласилась бы.

– Описание хоть есть? – спросил участковый.

– Да какое описание! Парень по возрасту студент. Ни примет, ничего... Кепка только красная.

– А чем мотивировал, что ему нужен телефон?

– Говорил, в лифте не хватает важной детали и нужно позвонить,

чтобы ее привезли.

– В лифте? – переспросил участковый. – Детали? Какой еще детали? Дверей, что ли?

Милиционеры переглянулись. По лицу первого расплзлась ухмылка, а второй хохотнул.

– Шестеренки, Коля! – объяснил третий, сдерживая смех. – Коленчатой!

В это время парень в спецовке вошел в квартиру на другом конце Москвы. На жердочке возле зеркала неподвижно сидел огромный красногрудый попугай, и невозможно было понять, чучело это или живая птица.

Парень поставил на пол чемоданчик с инструментами, снял яркую кепку. Выплюнул из-за щек ватные шарики, потер перед зеркалом брови и носогубные складки, счищая грим. Сдернул с головы тонкую, почти незаметную сеточку. И превратился в девчонку лет шестнадцати с гривкой темно-русых волос.

– Ну что, Прохор, – сказала девчонка, подмигнув попугаю. – По-моему, я только что сдала первый экзамен.

За восемь месяцев до описываемых событий

Когда хлопнула входная дверь, Ирка вертелась на кухне, сооружая себе немудреный салат из капусты. Во дворе соседка громко и назойливо звала кота, и за ее однообразным «Тии-и-иша! Тии-и-иша! Ти-и-и-иша!» она не услышала щелчка проворачиваемого ключа. Утратила бдительность, как сказала Лелька Гаврилова, когда физик на экзамене застиг ее с задранной юбкой, под которой к розовой Лелькиной ляжке была приклеена «шпора».

Дверь, служившая Ирке союзницей, хлопнула громко, предостерегающе, даже и не хлопнула, а хлобыстнула, и по этому предупреждению Ирка тут же все поняла. Бесшумно опустив нож на скатерть, она прокралась из кухни в коридор, быстро скользнула в свою комнату и набросила хлипкий крючок. Приколоченный еще два месяца назад, сейчас он показался ей совсем ненадежным, и она пожалела, что не поставила засов.

– Иришка, ты дома? – вкрадчиво позвал хриловатый мужской голос.

Ей даже не нужно было прислушиваться – все, что сейчас делает вошедший, Ирка отлично представляла. Вот проходит в грязных ботинках в кухню, видит на столе второпях брошенную посуду, и по лицу его расплывается гадкая ухмылка... Вот приближается к ее комнате, оставляя

за собой следы на полу. Одной рукой обязательно ведет по стене, подцепляя нечистыми пальцами отошедшие края обоев.

– Ири-и-шка! – еще ласковее окликнули ее. – Ты здесь, я знаю! И капустки порезала, умничка... Ну, выходи, поздоровайся с папой!

Лицо девочки исказила гримаса отвращения.

– «Здрасьте» будешь говорить или нет? – рявкнули совсем рядом, за дверью, и она отшатнулась, кусая губы. Отвечать было опасно, но молчать – еще опаснее.

– Здравствуйте, дядя Вова! – крикнула девочка, отступая к столу. – Я уроки делаю, дядя Вова.

Снаружи раздалось пыхтение. Ирка будто через стену видела отчима – как он стоит, покачиваясь, оттопырив нижнюю губу и наморщив лоб. Узел галстука сбился на сторону, по рубашке расплываются темные пятна. «Уходи! Уходи! – про себя яростно крикнула она. – Оставь меня в покое!»

– А что же ты не выйдешь? – укорили ее. – Некрасиво себя ведешь, Иришка. Не-веж-ли-во.

И в дверь деликатно постучали три раза, словно для того, чтобы преподать ей урок вежливости.

Она молчала, и стукнули сильнее. Еще раз, и еще... Это было что-то новое – прежде, если она запиралась, отчим с бранью уходил, а один раз уснул на коврикe возле ее комнаты. «Наверно, совсем пьяный, – успокаивающе сказала себе Ирка. – Сейчас опять уснет, как тогда».

Но третий удар заставил ее вздрогнуть.

– Открывай! – потребовал отчим, сбросив притворную ласковость. – Открой, дрянь! Я тя вежливости учить буду, пняла? Этикет, типа, пняла? Чего молчишь?

– Я занимаюсь, – громко ответила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Вот со мной и позанимаешься!

Он добавил что-то еще, и следом на дверь обрушился град пинков и ударов. Ирка с ужасом видела, как пляшет крючок, расшатываясь все сильнее. Наконец после очередного толчка он вылетел из петли, и в комнату ввалился дядя Вова.

Отчим выглядел в точности так, как Ирка и представляла: галстук сбит на сторону, рубашка взмокла, глаза налиты кровью. Он держался волосатыми лапами за дверной проем, покачиваясь вперед-назад.

– Ты что это, Ириша, себе позволяешь? – с тихой угрозой начал он. – А ну иди сюда!

– Дядя Вова, мне уроки надо делать, – с тоской проговорила девочка,

отводя взгляд, чтобы не видеть его лица.

– А чего в глаза не смотришь?! На меня смотри, я сказал! А глазки-то бегают, бегают... Врешь, значит, – удовлетворенно заключил отчим. – Не уроки ты делаешь, Ирина, ой не уроки. Говори, чем занимаешься! – внезапно заорал он.

Ирка молчала. «Главное – не спорить, – твердила она себе. – Не спорить. Он сейчас проорется и уснет, как всегда».

– Пороть вас, гаденьшей... – мечтательно протянул дядя Вова. – Волю дали, распустили... Совсем зарвалась, забыла, как отца с работы встречают.

– Какой ты мне отец?! – не выдержала Ирка.

– Такой! Какой есть! А если...

Неожиданно отчим осекся и уставился на нее, прищурившись. От его молчания девочке стало не по себе.

– А если не отец... – с другой интонацией проговорил дядя Вова, – так, значит...

Он сделал шаг, другой, и Ирка попятилась назад, уперлась спиной в стол.

– Подойдешь – закричу! – предупредила она.

– А кричать-то зачем? Не, кричать не надо... Мы с тобой все и без криков уладим...

Его бормотание перешло в шепот, и, приблизившись вплотную, он облапил Ирку и прижал к себе, обдав ее перегаром и чем-то кислым, похожим на запах протухших щей.

– Отпусти!

Ирка отчаянно извивалась и брыкалась, но ее держали крепко.

– Ах ты сладкая моя девочка! – Он шептал ей в ухо. – Не хочешь, значит, в папочку поиграть? Давай другие игры придумаем.

Рука его скользнула ей под платье.

– А будешь кричать, я матери расскажу, что ты ко мне первая полезла. Ходишь, попой крутишь, заигрываешь. Слаб человек, поддался искушению... Мать-то пожалей, каково ей придется?

Ирка застыла, прекратив вырываться.

– Вот и умничка, вот и славно, – обрадованно забормотал отчим. – Сарафанчик-то сними, лишний...

Он потянул вверх подол ее платья. В следующую секунду девчонка подалась назад, а затем резко ударила мужчину лбом в переносицу, подпрыгнув, как показывали мальчишки в школе, когда учили ее пасовать мяч. Раздался хруст, и отчим с ревом попятился, прижимая обе ладони к носу и зажмурив глаза. Из ноздрей у него хлестала кровь.

Ирка опрометью выскочила из комнаты и бросилась к наружной двери. Позади гремел уже не рев, а такая грязная брань, что она побоялась терять время и выскочила из квартиры в чем была – в стареньком платье и разношенных домашних сандалиях.

Девочка замедлила бег только тогда, когда стала спотыкаться от усталости. Тяжело дыша, она побрела по сонной разморенной улице, где навстречу ей попадались одни лишь бродячие кошки. Через час люди начнут возвращаться с работы, придет мать, и дядя Вова расскажет ей свою версию событий...

Она остановилась на перекрестке, растерянно огляделась вокруг, соображая, куда же ее занесло... Из подъезда напротив вышла седовласая женщина, окинула девочку строгим взглядом, и вдруг Ирка сообразила. «Это же Лелькин дом! Гавриловой!»

Спустя пару минут она уже стояла на третьем этаже и отчаянно давила на кнопку звонка.

Дверь открылась неожиданно, и заспанная Гаврилова недовольно уставилась на подругу:

– Лебеда! Ты чего трезвонишь? По телефону позвонить – не судьба, да?

– Нет у меня телефона, я его забыла, – сказала Ирка, облегченно улыбаясь оттого, что все закончилось. Гаврилова – друг, она выручит. – Лелька, слава богу, что ты дома!

– Ну, я тоже рада... Заходи. Чего случилось-то? Щас я кофе поставлю, и расскажешь.

Но дожидаться кофе Ирка не стала, бухнула с порога:

– Лель, я из дома ушла. Можно мне пока у тебя пожить? Хотя бы неделю. Я к себе не могу вернуться, меня отчим... – В последний момент она передумала и сказала не то, что собиралась: – Избить хотел.

– Ой! Ирка, да ты что?!

– Честно. Снова пьяный вернулся, дверь вышиб. Я убежала, даже взять ничего не успела.

– Ир, так тебе не ко мне надо было идти, а в милицию! На твоего дядю Вову дело заведут!

– Какая милиция, Лель? Какое дело? – устало спросила Ирка и села прямо на пол. – Кто мне поверит? Мне даже мать слова не дает сказать, говорит, я лгунья, все выдумываю...

– Ну надо хотя бы попытаться! Вставай, Ир! Поднимайся, тебе говорят! Я с тобой пойду, подтверждаю все, что ты скажешь.

Энтузиазм в Лелькином голосе и ее готовность немедленно отравиться

в отделение показались Ирке странными.

– Лель... – заподозрив истину, неуверенно спросила она. – Ты чего, не разрешишь мне у тебя остаться?

– Понимаешь, какое дело... – замялась Гаврилова. – Родители не разрешат. Ты ж у нас, типа, из неблагополучных, а маман моя от этого на дыбы становится.

Ира медленно поднялась, не сводя глаз с подруги.

– Лебеда, да ты наверняка приукрашиваешь! – преувеличенно бодро сказала Лелька. – Ну, выпил человек, с кем не бывает. Я ведь вижу, на тебе ни синяков, ни царапин. Если бы он тебя в самом деле избил, я бы тебя оставила, честное слово!

– Значит, с синяками и царапинами я могу к тебе прийти, правильно? – тихо, но жестко спросила Ирка, и по заматавшемуся взгляду Гавриловой поняла ответ. – Ясно. Ладно, пойду попрошу дядю Вову, чтобы он меня как следует избил. А потом сразу к тебе. Жди!

Выйдя из подъезда, она отряхнула испачканный подол, сделала несколько шагов в сторону дома, но бессильно опустилась на ступеньки. «Лучше здесь ночевать буду, только не туда». Она вспомнила, как потные руки шарили по ее телу, и ее передернуло.

Идти Ирке было некуда. Она мысленно перебрала одноклассников, но поняла, что везде ее ждет тот же прием, что и у Гавриловой. В лучшем случае чьи-нибудь сердобольные родители приютят ее на пару ночей. И все.

– И все, – вслух проговорила Ирка.

Получилось тоненько и жалко, как писк подзаборного котенка, и она рассердилась на себя: «Не смей ныть!» Но ныть хотелось, и хотелось забиться тем самым подзаборным котенком в подвал, выставить оттуда ободранную мордочку, пищать: «Возьмите... Пожалейте...»

Улица заполнилась людьми. Ирка долго сидела на ступеньках перед Лелькиным подъездом в каком-то странном состоянии между сном и явью, не замечая удивленных взглядов, а когда пришла в себя, уже сгустились сумерки. Она встала, потопталась и побрела к единственному оставшемуся в районе телефону-автомату.

Карточки не было, но ее выручил какой-то прохожий. Ирка набрала домашний и с колотящимся сердцем выслушала долгие гудки в трубке. Наконец ответила мать – привычным для нее резким голосом:

– Алло!

– Мам, это я, Ира...

Наступила пауза, а затем мать разразилась руганью. Постояв с

трубкой, изрыгающей поток диких, несусветных обвинений, девочка аккуратно положила ее на аппарат и пошла прочь.

Мысль о том, что ей все-таки есть к кому обратиться, пришла неожиданно: когда Ирка уже решила, что пойдет в милицию. И тут вспомнила про «дядю Мишу».

Мать упоминала о нем всего пару раз с тех пор, как они переехали и она вышла замуж. Никаким он был не дядей, а просто дальним родственником, уже пожилым. Ирка видела дядю Мишу один раз в жизни. Когда ей было лет десять, мать взяла ее с собой в гости. В квартире дальнего родственника оказалось интересно, но «гости» очень быстро закончились. Мать стала просить денег, упирая на то, что девочке не в чем ходить. В подтверждение она выпихивала Ирку вперед, перед очи «дяди», а Ирка, как неуступчивый осленок, упиралась и пятилась, и в итоге обе они свалились на пол, а родственник обидно хохотал и, кажется, выставил их из квартиры. Ирка смутно помнила окончание визита, а подробностей не удалось выяснить и позже – мать отказывалась говорить об этом.

Но сейчас она с удивлением поняла, что память ее сохранила облик двора, в котором они с матерью побывали шесть лет назад, и даже название улицы всплыло: «Новопесчаная». Неподалеку, кажется, был парк, вспомнила Ирка. Она найдет, точно найдет!

Вскинув голову и вытерев слезы, девочка одернула платье и побежала в сторону остановки.

Старичок в кургузом пиджачке не шел, а ковылял, прихрамывая на левую ногу и словно вдавливая при каждом шаге свою палку в асфальт. Апрельский вечер был на удивление теплым, но парк быстро обезлюдел. Хромой неторопливо брел мимо пустых скамеечек, вокруг которых ветер носил бумажный мусор, и что-то по-стариковски ворчал себе под нос.

Подростки возникли из ниоткуда. Четверо, будто сделанные по одному лекалу: кривые, жилистые, с коротко обритыми бугристыми головами. Один отбивал об асфальт полуспущенный футбольный мяч.

– Дед, закурить не найдется? – бросил первый.

– Не курю я, мальчики, – вздохнул старик, продолжая идти.

Но подростки вынудили его остановиться, встав перед ним полукругом.

– Вот ты непонятливый, дедуля, – хохотнул второй. – Разве тебя кто спрашивает, куришь ты или нет?

– Димон, по ходу дела нас нехило оскорбили, – лениво протянул третий, сплевывая старику под ноги. – Мальчиками обозвали. Дед, ты

совсем, что ли, нюх потерял, а?

Мяч с силой ударился о ноги старика и откатился в сторону.

Тот вздохнул, покачал головой:

– Ну простите, ребята, не знаю я, как к вам обращаться. Не хотел обидеть, честное слово.

Он заискивающе улыбнулся, но на его улыбку никто не ответил.

– «Ребята!» – передразнил последний, бросивший мяч. – Парни, он не сечет!

– Откупаться надо, дедуля!

– Денежку гони! Мани, лаве, ага?

Старик растерянно обвел взглядом компанию и по лицам понял, что вызывать к милосердию бесполезно.

– Я сейчас, сейчас, – засуетился он и полез в нагрудный карман. – Разве ж я не понимаю? Дело такое, молодое... Погулять хочется, барышень в кафе пригласить. А если я обидел вас, ребятки, вы уж простите старого дурака...

Трясущейся рукой он вытащил кошелек и протянул ближайшему подростку.

– Так бы сразу, – снисходительно бросил тот в ответ, делая шаг навстречу и собираясь забрать у старика деньги.

Но ему помешали. Что-то маленькое, быстрое с криком пронеслось и ударило его в грудь, отчего парень отлетел назад и едва сохранил равновесие. Старик вскинул брови, продолжая держать руку с кошельком вытянутой перед собой. Вся группа на мгновение застыла, и тут над головами включился фонарь, словно для того, чтобы придать выразительности этой картине.

«Маленькое и быстрое» оказалось девчонкой лет пятнадцати, невысокой, худой, похожей на голенастого воробья. Она встала в боевую стойку между стариком и подростками, выставив сжатые кулаки.

– Дядя Миша, – бросила девочка, не оборачиваясь, – идите, я с ними поговорю.

– Э-э-э... Кхм! Ира?! – Старик обрел дар речи и удивленно вглядывался в неожиданную заступницу.

– Идите, вам сказали! Да быстрее же!

– А он быстрее не может! – Тот, кого она толкнула, пришел в себя и уже скалил зубы – нагло, вызывающе, поняв, что противник не представляет опасности. – Еле ноги переставляет, того гляди, дуба даст прямо на ходу.

– Ты щас сам дуба дашь! – прошипела разъяренная Ирка. – Гады,

четверо на одного!

Но ее шипение никого не испугало.

– Че, пацаны, повеселимся? – подмигнул старший, рывком преодолел расстояние между собой и девочкой и почти небрежно, на ходу, ударил ее под дых.

Ирка согнулась пополам, хватая воздух ртом. Вокруг заржали. Про старика забыли – новое развлечение привлекло к себе всеобщее внимание.

– Грин, на мою долю оставь! – попросил кто-то, смеясь.

– Да пожалуйста!

– Эй, девка!

От второго удара она увернулась, попыталась отскочить в сторону, но сзади ее толкнули в круг. Толкнули лениво, вполсилы, но Ирка знала, что исход драки предрешен, и закончится она быстро. «Кричать надо! Людей звать!»

Осуществить это намерение ей не удалось: старик, который, оказывается, так никуда и не ушел, поднял трость и легонько постучал по плечу одного из подростков.

– Че? – Тот обернулся, недоверчиво уставился на него. – А, мумия! Блин, болезный, ну ты реально по-хорошему не понимаешь!

Он перехватил палку – точнее, попробовал перехватить... Но старик с необычным для его возраста проворством дернул посох на себя, а когда парень наклонился вперед, легонько стукнул его по шее. Послышался вопль, и подросток свалился на асфальт, обхватив руками затылок.

«Как он это сделал?» – промелькнула у Ирки в голове удивленная мысль. Больше она ни о чем подумать не успела, потому что события стали разворачиваться с невероятной быстротой.

Трое бросились на старика, но ни один не смог добежать до него: палка, раскрутившаяся в воздухе словно сама по себе, без участия хозяина, подрубила двоих под колени, а третьему влетела в пах. Раздался полный боли крик, и Ира попятилась назад, с изумлением обозревая поле боя.

Собственно, бой на этом закончился.

Вверху что-то негромко щелкнуло, и фонарь погас, будто решив, что его долг исполнен. Занавес темноты опустился над разыгравшейся сценой.

– Пойдем, – мрачно бросил дядя Миша. – Чего стоишь, рот раззявив?

От его голоса Ирка пришла в себя и бросилась следом за стариком. Один из валявшихся на асфальте поднял голову, провожая их взглядом, и приоткрыл рот от удивления.

Дед больше не хромал.

Дядя Миша шел так быстро, что Ирка едва успевала за ним. Лицо у

него было рассерженное, насупленное, и она не лезла с расспросами, хотя спросить очень хотелось. Но старик опередил ее.

– Откуда взялась? Зачем полезла? – зло спросил он, обернувшись.

Ирка, не веря своим глазам, смотрела на «дядю Мишу». Трясущийся от страха пенсионер куда-то пропал, уступив место недоброго вида человеку с жестким прищуром.

– Я из дома убежала, – выпалила она. – Ждала вас, потом решила в парк пойти, погулять. А там эти гады! Я просто хотела вас защитить!

– Только твоей защиты мне и не хватало, – скривился тот. – Отдал бы я дурачкам триста рублей да лопатник из кожи чебурашки, с меня бы не убыло. А теперь по всему району будут ходить слухи о старичке, который дерется посохом!

– Гэндальф Серый... – тихо сказала Ирка.

– Чего?

– Это такой колдун из книги Толкиена.

– Не читал! – отрезал старик.

Они остановились возле подъезда, и Ирка замерла. Если сейчас ей велят повернуться и уходить...

– Ты в гости ко мне напрашиваешься? – напрямик спросил дядя Миша.

Девочка молча кивнула, внутренне сжавшись. Дед наклонился, пристально посмотрел ей в глаза, и Ирка вытаращилась изо всех сил, будто играла в гляделки. Старик сдержал улыбку.

– Ладно, – подумав, нехотя проговорил он. – Идем. Но учти – сболтнешь кому лишнее слово о том, что видела...

Ирка отчаянно замотала головой:

– Дядя Миша, я ни за что!..

– И не называй меня дядей Мишей! – прервал ее старик. – Михаил Степанович мое имя. Можешь еще по фамилии обращаться, если выговоришь.

– А какая у вас фамилия? – осмелилась спросить Ирка.

– Грюннельвальд-Запричувидзе. Шучу, шучу! Гройс, вот какая.

«Гройс, Гройс», – несколько раз повторила про себя девочка, поднимаясь за ним по лестнице – воспользоваться лифтом Михаил Степанович отчего-то не захотел. Пятый этаж, шестой... На седьмом этаже он наконец остановился, а окончательно запыхавшаяся Ирка ухватилась за перила, поражаясь тому, что старик выглядит бодрячком после быстрого подъема.

– Лапти снимай, – распорядился Михаил Степанович, распахивая входную дверь. – И Прохора не трогай, он этого не любит.

Зажегся свет, и девочка в испуге отпрянула в сторону. На тумбочке перед зеркалом сидел огромный красногрудый попугай со страшным кривым клювом, похожим на ятаган, и смотрел на нее круглым смородиновым глазом. Длинные когти на морщинистых лапах напоминали крючья.

– Проша, у нас гости, – сообщил хозяин, и птица наклонила голову набок, словно поразившись тому, какое нелепое существо пришло к ним в дом.

– Это... кто? – выговорила Ира, никогда прежде таких птиц не видевшая. – Попугай, да?

Ятаган раскрылся, и из него донесся граммофонной хриплости звук:

– Пр-р-роша. Прр-рошу!

Ирка шарахнулась назад, ударилась о полку и зачем-то в ужасе сделала перед попугаем книксен. Тот склонил голову на другой бок, а в глазах его появилась отчетливая насмешка.

– Проходи-проходи, не бойся! – крикнул из комнаты Михаил Степанович. – Только вплотную к нему не приближайся.

Приблизиться к чудовищной птице вплотную девочка не согласилась бы даже за вознаграждение. Бокон, по стеночке, она просочилась мимо попугая, не сводившего с нее взгляда, и как только Прохор остался за спиной, бросилась в комнату.

– Садись.

Ирка послушно забралась на диван, подумав, подогнула под себя голые ноги.

– Рассказывай.

Ничего не утаивая, она рассказала все, что случилось за сегодняшний день, упомянув и про Ляльку, и про телефонный разговор с матерью. Повествование вышло намного короче, чем ожидалось, – должно быть, оттого, что Ирка описывала случившееся скупно, без прикрас и подробностей. Михаил Степанович сидел, прикрыв глаза, и по лицу его невозможно было понять, слушает он ее или нет.

Воспользовавшись этим, Ирка наконец-то как следует рассмотрела своего родственника. На вид ему было около семидесяти. Отросшая седая щетина, на улице казавшаяся неряшливой, под электрическим светом странным образом придала ему благообразия. Худое лицо, ввалившиеся щеки – однако изможденным Гройс вовсе не выглядел. «Бывший летчик», – отчего-то пришло в голову Ирке, она сама не могла бы сказать отчего. Было в его выправке и скупости жестов и слов что-то военное, отдававшее жесткой дисциплиной и беспрекословным повиновением.

Наконец он открыл глаза и взглянул на нее:

– Хорошо. Можешь остаться. Но брать тебя в нахлебницы не стану, не надейся. Так что готовься отрабатывать проживание.

Очевидно, на Иркином лице отразилось то, что она представила при слове «отрабатывать», потому что Михаил Степанович покачал головой:

– Не тем способом, о котором ты сейчас подумала. Для этого я уже слишком стар, а ты слишком мало похожа на взрослую женщину. Нет, барышня, тебе придется работать. Можешь считать, что ты будешь работать на меня.

– Гладить-убираться-готовить? – деловито перечислила Ирка. – Продукты носить, деньги считать. Попугая чистить... Что еще?

И тут Михаил Степанович засмеялся. Негромко и удовлетворенно, точно Ирке удалось развеселить его хорошей шуткой. Он смеялся, открывая ровные крепкие зубы с желтым налетом, какой бывает у застарелых курильщиков, и от дверей вторил ему хриплыми звуками незаметно пробравшийся в комнату попугай Прохор.

– Вы думаете, я не справлюсь? – несмело спросила Ирка, косясь на птицу. – Я все это дома делаю уже давно. Так что вы не сомневайтесь...

Старик махнул рукой, и девочка замолчала.

– Попугая чистить – это прекрасно... – пробормотал он. – Слышишь, Проша? Тебя собирались чистить.

От дверей раздался негодующий клекот.

– Успокойся, я растолкую нашей гостье, в чем она неправа.

Михаил Степанович поднялся, подошел к Ирке и присел перед ней на корточки.

– Ты уже взрослая девочка, совсем большая, – с легкой усмешкой сказал он. – Поэтому сейчас я объясню, чего жду от тебя. Ты выслушаешь, и если мое предложение тебя не устроит, встанешь и уйдешь. Если устроит, останешься и будешь делать все, что я потребую. Договорились?

Ирка кивнула. Она во все глаза смотрела на старика. В последней школе ей многое рассказали о возможностях трудоустройства для несовершеннолетних девушек, поэтому Ирка вовсе не была наивной. «Наверное, сейчас скажет, что он сутенер. И захочет, чтобы я работала проституткой».

– Когда-то давно я был мошенником, – спокойно и как-то очень просто сказал Михаил Степанович. – Не сказать, чтобы настоящим *артистом*, но неплохим. Азам своей профессии я могу научить и тебя, с поправкой на гендер. Твоя выгода – знания, моя – деньги, которые ты заработаешь для нас обоих. Все очень просто.

Ирка старательно обдумала сказанное, в том числе непонятную поправку на гендер, сдула упавшую на глаза челку и тоном отличницы, тянущей на уроке руку, спросила:

– Можно вопрос?

– Можно.

– Почему в парке вы хромали? Зачем?

Михаил Степанович одобрительно усмехнулся:

– Последние пятнадцать лет своей жизни я следую нехитрому правилу. И оно, должен сказать, еще ни разу меня не подводило. Запоминай: всегда кажись слабее, чем есть. Сильными хотят выглядеть только дураки. Но применяй это правило с умом и думай, что тебе важнее: впечатление или результат. Если первое, то можешь притворяться кем угодно. Если второе, старайся выглядеть слабой. Противник недооценит тебя и станет совершать ошибки. А уж женщинам сам бог велел этим пользоваться.

Ирка задумалась.

– Что, не веришь мне?

Она покачала головой:

– Верю. Вот только...

– Что?

– Вы сказали – «можешь притворяться кем угодно». Но как? Разве я смогу?

Вместо ответа старик встал и отошел к стене. Ссутулился, постоял немного спиной к Ирке, а затем повернулся.

За несколько секунд, что девочка не видела его лица, с Михаилом Степановичем произошли разительные перемены. Подумав, Ирка решила, что изменился весь его облик, а не черты. Теперь перед ней стоял кокетливый молодящийся старичок, пришедший на танцплощадку в санатории, и для полноты образа ему не хватало лишь ностальгической гвоздички в петлице. Вихляющие движения, постоянная глуповатая улыбочка... Он подошел к ней, склонился в галантном полупоклоне:

– Па-азвольте пригласить вас на вальс!

Девочка прыснула.

Михаил Степанович качнул головой, и старикашка растаял, словно его и не было.

– Поняла? Если я могу, то и ты сможешь. Главное здесь – наблюдательность и тренировки. Идика сюда. – Михаил Степанович подвел Ирку к зеркалу. – Посмотри внимательно.

Ничего нового зеркало не показало: мелкая тощая школьница с незапоминающимися чертами. Нос приплюснутый, уши оттопыренные –

вот и все приметы. Вроде бы всё на месте, глаза-губы-щеки, а отвернешься – и не вспомнишь. Разве что волосы неплохие – темно-русые, длинные и прямые, густые, как июньская трава.

– Посмотрела, – сказала Ирка. – Не нравится.

– Это потому, что ты совсем еще дурочка, – беззлобно констатировал старик. – У тебя отличное лицо. Нужно лишь научиться с ним работать.

Глава 2

Казино переливалось огнями, заманивало спортивным автомобилем, который можно было выиграть в лотерею – нужно лишь войти и сделать ставку. Похожая на пулю машина, водруженная перед входом с колоннами, заставляла зевак останавливаться и рассматривать серебристый корпус.

Андрей тоже хотел остановиться, но его с силой дернули за локоть.

– С ума сошел, мальчишка? – процедил вполголоса Марк. – Ты еще успеешь засветить свою рожу на камерах.

– Извини... – пробормотал Андрей, ругая себя за глупость – мог бы и сам сообразить.

Они не должны привлекать к себе внимания – всего лишь очередные посетители только что открывшегося казино, которых больше интересует игра, чем розыгрыши для простаков. Раньше Андрей думал, что у клиентов и в самом деле есть шанс получить машину, но Марк объяснил: выигрышный билет достанется кому-то из «своих», пришедших под видом гостя. «Честной игры здесь не бывает».

Они прошли мимо охранников в полутемный зал, где тут же возникла очаровательно улыбающаяся девушка:

– Добрый вечер, господа, добрый вечер, рады вас видеть!

Марк небрежно кивнул:

– Где у вас покерные столы?

– Прошу вас!

В мгновение ока появилась вторая девушка, очень похожая на первую, и, сияя такой же радужной улыбкой, проводила их к покеру.

Марк купил фишки, взял бокал шампанского с подноса официанта, и повел Андрея по залу, то и дело наклоняясь к нему, словно объясняя правила игры. Фланируя среди гостей, Андрей заметил Ваську и Юрку. Первый с непринужденным видом стоял возле рулетки, второй разговаривал о чем-то с крупье у соседнего стола. «Как раз покерный!» Андрей незаметно указал Марку в сторону младшего из братьев.

– Вижу, – спокойно ответил тот. – Юрка молодец, правильно выбрал. Объясни почему.

– Марк, может, сразу к столу? – попросил Андрей.

– Скажи, почему Юра выбрал именно этого дилера, – чуть холоднее повторил Марк, и Андрей понял, что отвертеться не удастся.

Он внимательно посмотрел на парнишку, раздающего карты перед

младшим Храповым, пробежался взглядом по другим крупье. Ему никак не удавалось приучить себя называть их на американский лад – дилерами.

– За остальными покерными столами работают девушки – это раз, – начал Андрей. – Они увереннее чувствуют себя в общении с мужчинами, их труднее отвлечь. Этот крупье – из новеньких, тех, кого специально готовили к открытию. Он волнуется, хоть и старается это скрыть. Слишком внимательно смотрит на карты, на инспектора покосился несколько раз... Да, ему не по себе. Если выбирать слабое звено, то он лучше прочих годится на эту роль.

Марк кивнул:

– Ну что ж, у тебя будет отличная возможность проверить, прав ты или нет.

Они подошли к столу, присели, и Марк тут же затеял разговор с крупье. Имя того было написано на бейдже: Савва. Андрей, согласно исполняемой им роли, с любопытством оглядывался вокруг, задавал глупые вопросы и лучился радостью оттого, что ему позволили проиграть немного денег.

– Сынок, ты, главное, сначала оглядись, – с отеческой заботой увещевал его Марк. – Не торопись, все успеется. Правда, Савва?

Крупье улыбнулся, сдал карты, и игра началась.

На то, что ему выпало, Андрей почти не смотрел. Это не имело никакого значения. Он играл, не задумываясь, действуя автоматически, полностью освободив ум для наблюдений за тем, что происходит в зале.

Васька переместился от рулетки к бару и сидел там, потихоньку цедя пиво. Льняной пиджак, густые усы – в таком виде старший Храпов стал похож на известного режиссера. Заметив взгляд Андрея, он закинул ногу на ногу и лениво зевнул.

Повинуясь этому сигналу, Андрей повернул голову в сторону входа. Так и есть! Лощеный длинноволосый блондин, тонкий, как трость, только что вошел в зал и остановился, разглядывая играющих. «Ему лорнета не хватает... Или ромашки в петлице. Артист!»

Лощеный, продефилировав мимо, в нерешительности остановился возле соседнего стола.

– Сыграть? Не сыграть? – задумчиво протянул он с легким прибалтийским акцентом. – Красавица, у вас счастливая рука?

– Я надеюсь, – улыбнулась девушка в униформе. Улыбнулась искренне, от души.

Андрей почувствовал легкую зависть. Арнольду всегда все улыбались. Чудаковатый, но безобидный, он как-то очень быстро располагал к себе

людей. И производил впечатление такой оторванности от реальной жизни, что его хотелось опекать и беречь от мошенников, наверняка слетающихся на доверчивого иностранца, как пчелы на цветок.

Из всей их группы Арнольд был единственным, кто почти не изменял внешность – разве что время от времени отращивал щегольскую бородку. Здесь он еще не успел примелькаться, и они рассчитывали исчезнуть раньше, чем это произойдет.

Потому что Арнольд был им нужен. Именно ему отводилась главная роль в половине операций. По-хорошему, думал Андрей, его стоило бы назвать не артистом, а фокусником. Тонкие длинные пальцы могли творить с колодой сказочные вещи, и Марк шутил, что в старости их «иностранец» сможет зарабатывать, развлекая зевак на рыночной площади.

Однако на этот раз у эстонца была совсем другая роль. А главная отводилась Андрею.

– Пожалуй, рискну! – громко объявил Арнольд, и Андрей отогнал посторонние мысли, сосредоточился.

Второй сигнал был дан. «Пора начинать».

Игра постепенно набирала обороты. Инспектор, следивший за тремя столами, внимательно смотрел, как повышаются ставки за их столом – Марк, горячась, уже подвинул новую стопку фишек. Юра, проигравший все, сообщил, что выбывает, Андрей попросил сдать ему карты. Взглянул – и почесал за ухом, будто в растерянности.

Дядя не раз говорил ему: покер – отличная игра! Не тот, в который режутся, придя в гости, и не тот, который устраивают в специальных местах для серьезных ставок и серьезных игроков. Такой покер, конечно, тоже хорош. Но покер в казино – отдельная история. А все потому, что у игрока есть возможность взять карты в руки.

Василий допил пиво, поставил бокал на стойку и неторопливо побрел в сторону покерных столов. Внимательный наблюдатель заметил бы, что его немного пошатывает.

– Слышь, а вот я не понял... – начал Юрка, обращаясь к крупье. – Почему я уже полчаса сижу, а мне никто даже шампусика не предложил?

За соседним Арнольд, огорченно вздохнув, поднялся и стал рассказывать девушке, какой флеш выпал ему однажды в таллинском казино летом две тысячи пятого года.

– Я тучу бабла проиграл в твоём заведении, а ко мне такое отношение! – кипятился Храпов.

Инспектор, наклонившись к нему, что-то успокоительно сказал и сделал знак официанту.

– Мне не нужно сейчас, мне нужно раньше! – Клиент икнул. – Где халдеи?

Между делом сосредоточенный Андрей отметил, что Юрка играет свою роль безупречно. Простоватый и нагловатый мужик, падкий на дармовщину, и к тому же из тех, кто не умеет проигрывать. Головная боль любого менеджера казино.

Шампанское уже стояло перед младшим Храповым на столе, а он все говорил и говорил громким, уверенным голосом, и утихомиривать его было делом бесполезным. Свои претензии Юрка обращал исключительно к Савве, полностью игнорируя озабоченного инспектора, и крупье уже пару раз сбился, сдавая карты, под градом его обвинений.

Храпов балансировал на грани. Он не мог позволить, чтобы охрана выставила его раньше времени, и виртуозно удерживался в рамках допустимого.

Василий приближался. Ему оставался с десяток шагов до стола, где сидели Андрей и Марк. Ставки взлетели так высоко, что их игра стала привлекать внимание. Это уже было совершенно лишним – группе хватало и тех, кто сейчас следил за ними с помощью камер. Почти все движения рассчитывались исходя из того, что наблюдение ведется *сверху*.

– Черт! – громко сказал Андрей, ударив ладонью по сукну, и поймал предупреждающий взгляд крупье. Но парнишка ничего не сказал, хотя правила обязывали его сделать замечание нарушившему правила гостю, раз инспектор был занят.

А тому действительно было не до игроков – Юрка попробовал шампанского и теперь возмущался еще громче. Вася Храпов, пошатываясь, шел к столам. Стоило ему поравняться с Арнольдом, как тот сделал шаг назад, маша руками перед лицом девушки-крупье, и наткнулся на Василия.

– Черт! – Храпов отпрянул, едва не сбив пробежавшего мимо официанта. – Глаза на заднице, да?

– О-о-о! – Арнольд ухитрился даже в восклицание добавить акцент. – Грубиян! Как это... Новый русский?

Между ними моментально разгорелась перепалка. Инспектор, устав от спора с Юрой, махнул рукой, и к нему от входа заспешила охрана.

– Савва, вы сегодня первый день как открылись? И уже такой бардак? – недовольно спросил Марк, отодвигаясь от шумного соседа.

– Третий... – рассеянно ответил крупье.

– Ставлю все! – вмешался Андрей.

– Спасибо, ставки сделаны, ставок больше нет!

За спиной Марка послышался звон разбитого бокала, и парнишка

непроизвольно отвел взгляд от игроков. Он работал первый день, и все шло не так, как должно было идти. Конечно, их учили справляться с неожиданными ситуациями, но он никак не думал, что останется один на один с возмущенным игроком. Да и эти двое, отец с сыном, вели себя так напористо, что он немного оробел. Савва не мог понять, почему его никак не сменяют – то ли время не вышло, то ли инспектор, переключив внимание на скандального гостя, совсем забыл про своего подопечного.

Расчет Юры, выбравшего именно Савву, и Андрея, подтвердившего его решение, оказался точен: парнишка отвлекся, он не мог управлять игрой. Контролер, сидящий у экрана камер наблюдения и следивший за гостями, переключился на потенциальную драку – сработал человеческий фактор, о котором твердил Марк. Поэтому за те несколько секунд, что крупье смотрел в сторону, они с Андреем смогли осуществить то, ради чего пришли сегодня в казино. *Пробой.*

Две карты скользнули из рук Марка к Андрею, а тот перебросил две своих. Момент перехода заметил бы лишь человек, не сводивший с них глаз. Но таких в зале не нашлось.

– Стрит! – радостно сообщил Андрей, когда карты были открыты. – Похоже, сегодня мой день.

Дилер Савва механически придвинул к нему выигранные фишки, про себя подсчитывая сумму, на которую этот парень, явно впервые пришедший в казино, обыграл их заведение. «Правду говорят, новичкам везет», – подумал он, глядя в спину Андрею. Тот уже обналичивал выигрыш, а получив деньги, сразу ушел, не задержавшись ни на рулетке, ни возле автоматов. Одновременно с ним покинул казино и его «отец».

Протестующего Юру вежливо, но непреклонно попросили оставить игровую зону, и тот, ворча, вынужден был повиноваться. Вспыхнувшая было ссора между Арнольдом и Василием закончилась ничем: завидев охрану, оба разошлись в разные стороны и вскоре исчезли.

Если бы профессионал просмотрел запись с камеры наблюдения, он без труда смог отследить, в какой момент начался этот хорошо срежиссированный спектакль и где была его кульминация. Именно это и произошло спустя несколько часов, как только старшему по смене сообщили, сколько проиграл один из покерных столов. Но к этому моменту все участники игры уже покинули город.

– «Пробой» был неплох! – ухмыльнулся Юрка Храпов, войдя в комнату и со стуком поставив на стол бутылку коньяка. – Пацана можно поздравить?

Он плюхнулся в кресло, оглядел собравшихся. Белокурый Арнольд, изящно облокотившись на книжную полку, листал художественный альбом. Васька, успевший сбрить усы, расставлял стопки, а возле окна Марк за что-то отчитывал Андрея. Тот стоял, насупившись, упрямо наклонив лобастую башку, и Юрка хмыкнул про себя.

Паренек был первым, кто, похоже, не слишком боялся Марка. Или хорошо скрывал свой страх. И это было необычным. Все остальные не просто признавали старшинство Марка Паулса – они опасались его, как люди разумные опасаются гремучей змеи, даже если она не успела никого укусить. Просто из инстинкта самосохранения.

Сколько лет Паулсу, никто не знал. Арнольд считал, что сорок, Юрка был уверен, что не меньше пятидесяти. Узкогубый, поджарый, всегда загорелый, он чем-то напоминал индейца. Волосы на голове сбрасывал наголо – узкий его череп, вытянутый, как дыня, поражал идеальной формой. Был Марк расчетлив, коварен, азартен и очень жесток.

Храпову довелось однажды услышать историю о том, как некий латыш «обул» подпольное ленинградское казино на огромную сумму. Это были времена, когда с шулерами никто не церемонился: пойманного игрока избили до полусмерти и изрезали ему лицо, выпытывая, куда он спрятал деньги. Его бы прикончили в назидание прочим, но каким-то образом тот выбрался из каменного подвала, где его держали, и исчез в лесах. В подвале спустя короткое время нашли четыре трупа – трое задушены, у одного череп раскроен топором.

Юрка не знал, имеет ли эта история отношение к Марку Паулсу. Он не знал даже, латыш ли тот – Марк говорил без всякого акцента и никогда не упоминал о том, где родился и вырос. На щеках его, если приглядеться, просматривались тонкие узкие змейки застарелых шрамов, но мало ли откуда могут взяться шрамы у человека...

Братьев Храповых Марк подобрал восемь лет назад, когда они по глупости влезли в солидную игру, поставив на кон все, что имели. Солидная игра оказалась подставной, братья проигрались, и тут-то, подобно доброму волшебнику, появился Паулс. Он закрыл их долги, а Юрку и Василия взял к себе в помощники. Арнольд к этому времени уже работал с Паулсом, причем он пришел к Марку на место своего старшего брата, убитого случайно при каких-то темных обстоятельствах.

И вот – мальчишка. Новый член их группы. Им действительно не хватало человека, но все полагали, что Паулс возьмет кого-нибудь из опытных, проверенных людей. Однако Марк решил иначе.

Юрка знал, что двадцатилетний Бондарев сам больше года работал

крупье, или, как стало принято говорить теперь, дилером. Порядки казино были известны ему изнутри. Его дядя, известный киевский «катала», решил приспособить племянника для дела и пару лет «образовывал» мальчишку, пока не свалился с опухолью, от которой и помер в два месяца. Но перед смертью он успел поговорить с Марком Паулсом.

При мысли о том, что Марк решил оказать умирающему последнюю услугу, на глаза Юрки Храпова наворачивались слезы. От смеха. Паулс никогда ничего не делал без выгоды для себя. Если он согласился взять парнишку, то вовсе не из милости, а потому, что собирался использовать его. Но в чем – этого Юрка пока не мог понять.

«Пробой» прошел успешно, Бондарев показал себя хорошо. Он действительно был ловким малым, как и говорил его дядя. Пока парнишка казался спокойным и здравомыслящим, и самое главное! – он почти не боялся Марка. Слушался, хотел ему понравиться, но – не боялся.

«Это он поначалу, – решил Храпов, исподтишка рассматривая стриженного темноглазого крепыша. – От непонимания, с кем связался. Быстро обломает Марк мальчишечку, лишь бы не сожрал в процессе».

Паулс закончил разговор, подошел к столу:

– Что, братцы, нет повода не выпить?

Его дружно поддержали. В кармане у каждого лежала пачка купюр, полученная после вчерашней игры.

– Хорошо сработали. Чисто. Наш малыш допустил пару ошибок, но мы с ним все обсудили, он обещал исправиться.

В дверь позвонили. Андрей встрепнулся, но Юрка его успокоил:

– Сиди. Это Коврига пришел, свой.

Коврига оказался щуплым мужичком в косоворотке, которая была велика ему на два размера.

– Опять ты как жертва гуманитарной помощи, – фыркнул Василий.

– Молча завидуй, – огрызнулся мужичок.

– Рассказывай, что для нас есть. – Марк недовольно взглянул на обоих.

– Есть еще один пробой. В Екатеринбурге на следующей неделе открывается казино, все дилеры – свежие. Идет?

Марк задумался.

– Идет, пожалуй, – наконец решил он. – Точно свежие?

– Сто процентов. Специально набирали мальчиков-девочек, вы их раскрутите на раз.

Арнольд взял со стола игральную карту, щелкнул пальцами, и карта исчезла, будто растворилась в воздухе. Андрей восхищенно присвистнул.

– Не свисти, – одернул его Василий. – Примета плохая. Если игрок с

картой в руке, нельзя свистеть или под руку говорить. И черта поминать тоже.

– Ясно. Больше не буду.

Все выпили. Первая стопка всегда шла за фарт, за удачу, за легкую руку и лисье чутьё. Разлили по второй, и Василий обратился к Ковриге:

– Сань, давно ты узнал про новое казино?

– Сегодня. – Он чуть помедлил перед ответом. – Птица на хвосте принесла. Завтра реклама во всех местных газетах будет. Предлагаю не мелочиться, играть по-хорошему.

– Ох, боюсь я что-то туда соваться, – задумчиво протянул Юрка. – Засветили мы свои рожи вчера. Может, сделать перерыв?

– Какой перерыв? Какой перерыв? – загорячился Коврига. – Такой случай представился! Там одних покерных – семь столов. Картинки чисто перекинули? – обратился он к Паулсу.

Тот, поколебавшись, кивнул. Мальчишка и впрямь сыграл безупречно: считал все знаки, составил комбинацию, попал точно в ту секунду, когда дилер отвлекся. Выглядел он неотесанным, а вот пальцы у него оказались ловкие.

– Чего же еще вам надо?! Возьмете денежку, мои – двенадцать процентиков, как обычно.

Андрей недоверчиво взглянул на Паулса. Двенадцать процентов? За то, чтобы рассказать о новости, которая завтра будет во всех газетах?

– Уговорил, – сказал Марк. – Второй пробой провернем – и отдохнем немного, расслабимся. Все согласны?

Ответом ему было негромкое бурчание. Паулс спрашивал риторически, поскольку решения всегда принимал сам, единолично. Юрке не нравилась затея идти на второе дело, он и сам бы не мог сказать почему. Казалось бы, все складывалось удачно – а вот поди ж ты, не лежала у него душа к этому казино.

Но послушаться Марка он не мог, поэтому послушно кивнул вместе с остальными.

Все прошло даже легче, чем в первый раз. Правда, дилер Бондареву и Паулсу достался сосредоточенный, внимательный. Но стараниями Арнольда и Васьки он все-таки отвлекся, а Марк так жестикулировал, что обмен картами прошел незамеченным.

Они сорвали куш в два раза больше предыдущего. Андрей старался подражать Паулсу, который держался бесстрастно, но он видел, что глаза у Марка возбужденно блестят, и сам не смог удержаться от торжествующего:

– Мы их сделали, Марк, мы их сделали!

Выйдя из казино, они сразу сели в подъехавшее такси.

– В аэропорт, – распорядился Паулс.

Из аэропорта они уехали на другой машине – осторожный Марк всегда заметал следы. Покружившись по городу, подъехали аккуратно к отходу поезда, и вскоре уже входили в купе, где братья Храповы валялись на полках. Рядом с Юркой удивившийся Андрей увидел Ковригу – все в той же косоворотке, встрепанного, нервного.

– Думали, опоздаете! – поделился Юрка. – Арнольд в соседнем купе.

– В вагоне чисто? – подозрительно спросил Паулс.

– Вроде никого. Командировочные да семейные.

– Долю мою давай, мне с вами ехать не с руки! – поторопил Коврига Паулса.

Тот по-волчьи зыркнул на него, но ничего не сказал – только отсчитал деньги.

– Что мое – то мое, что не мое – то ваше! – Мужичок скатал купюры в трубочку и сунул ее, не скрываясь, во внутренний карман своего странного одеяния. – Счастливенько вам оставаться, ребятки! – пожелал он и шутовски раскланялся на все стороны. – Вернее сказать, ехать!

Когда за ним закрылась дверь, все вздохнули с облегчением.

Васька свесился сверху:

– Что, можем отметить? Зовем Арнольда?

– Рано! – отрезал Марк. – Сначала до Москвы надо добраться без приключений.

Все были возбуждены, но старались выглядеть сдержанными.

«Как будто маски нацепили», – подумал Андрей.

Самый молодой, он казался спокойнее остальных, и так оно и было на самом деле. Волнение, охватившее его при виде выигранных фишек, прошло, стоило им оказаться с деньгами в руках. К тому же Бондарева не отпускало странное чувство, которое он никак не мог определить. Но оно ему не нравилось.

«Это с непривычки».

Ночью Андрей проснулся оттого, что вагон сильно качнуло. Поезд замедлил ход. Под суетливый громкий перестук колес парень открыл глаза.

Он увидел, что дверь купе отъезжает в сторону, и успел, щурясь, разглядеть в контровом свете фигуру проводницы. Затем она отступила, и внутри оказался человек – или двое, Бондарев так и не успел понять. Он привстал, но в нос ударила струя какого-то едкого вещества, и голова наполнилась тяжелой, мутной водой. Его тянуло на дно, в пугающую

черноту, просвечивающую зеленым. В последний момент перед глазами мелькнула карта – трефовая дама, легкомысленно улыбнувшаяся ему. Дама с громким треском раскрыла веер, и от этого оглушительного звука Андрей окончательно провалился в забытие.

Когда он пришел в себя, Марк Паулс стоял к нему спиной, наклонившись над открытой сумкой. Юрка ворочал шеей, словно проверяя, не сломана ли она, и лицо у него было перекошено, а Василий, кожа которого приобрела пепельно-серый оттенок, лежал на полке и тяжело дышал. На губах у него пузырилась пена.

– Врача надо, – дернулся Андрей, едва взглянув на старшего Храпова.

Паулс обернулся к нему с таким выражением, что Бондарев опустил обратно. Рот у Марка перекошило, угол глаза дергался. Крупные капли пота блестели на коричневом черепе, стекали по лбу, нависали над губой.

– Сиди! – прохрипел он. – Врача ему еще!

– Василию плохо... – попробовал возразить Андрей.

Но Паулс наклонился к нему ближе, и в черных глазах сверкнуло бешенство:

– Щенок! Заткнись, слушай старших! Сиди молча, понял?

– Хорошо, – спокойно согласился парень. – Я понял тебя, Марк. Сижу молча.

Несколько секунд Паулс, не мигая, смотрел на него, затем отвернулся и снова принялся рыться в сумке. Юра встал и с видимым трудом перебрался на койку Андрея.

– Нельзя сейчас врача, – тихо сказал он. – Оклемаемся, будем выбираться отсюда. А если чужого человека привести, через двадцать минут здесь будет наряд.

– Я понял, – так же тихо ответил Андрей. – Все деньги у нас забрали?

– Все, что было. Небольшая часть у Арнольда, к нему в купе не сунулись, побоялись посторонних. Но сколько там? Так, слезы одни.

Бондарев подумал. Думать было трудно, потому что слезились глаза и к тому же стало отчаянно, как при жестокой ангине, драть горло. Но какая-то мысль крутилась в голове, и наконец он выудил ее на поверхность:

– А проводница? Она им дверь открыла! Я видел, она стояла в проеме...

– Ну и что? Допустим, прижмешь ты ее, нож к горлу приставишь, она и признается, что пошла на это за две штуки грина. Заберешь ты у нее эти две штуки, если она по дурости не сообразила их скинуть или припрятать. А потом-то что?

Андрей вынужден был признать, что ничего.

– Хватит языками чесать, – одернул их Марк, закрывая сумку. – Собирайтесь пора, скоро станция.

Братья Храповы не выразили удивления, только Василий тяжело вздохнул и перевалился набок. Юрка пересел и обтер полотенцем его серое лицо.

– Мы выходим, не доехав до Москвы? – уточнил Андрей.

– А ты как думал? Надо возвращаться.

– Зачем?

Марк рывком натянул футболку, вытер краем пот.

– Думаешь, я такое дело без последствий оставлю? – недобро прищурился он. – Чтобы все знали, что Марка Паулса может кинуть любая шваль? Нет, Андрюша... Пока я ворье не накажу, беспредельщиков этих, о новом деле и речи не будет.

– Так ты знаешь тех, кто нас вырубил? – Андрей совсем перестал понимать, что происходит. – Я думал...

Юрка невесело усмехнулся.

– Не знаю, что ты думал, – жестко бросил Марк, – но объясню тебе как дурачку: без наводки такие дела не делаются.

– Навели на нас, Андрей, понимаешь? – выговорил неожиданно Василий, приподнимая голову. – К гадалке ходить не надо. Все знали: куда поедem, сколько возьмем, сколько человек будет.

Вопрос «А кто?!» вертелся у Бондарева на языке, хоть он и понимал, что задавать его не следует. Как вдруг голова немного прояснилась, и Андрей сам понял ответ.

– Коврига... – удивленно сказал он.

– Вот именно. – Марк выглянул в окно, где виднелись купола какого-то городка. – Саня, тварь жадная! Свою долю срубил, еще и нашу захотел. Дадим ему столько, чтобы подавился...

К дому Ковриги они подошли поздно ночью. Василий поднял голову, отсчитал, шевеля губами, нужный этаж.

– Не спит, – пробормотал он, – денежки считает.

Они стояли втроем: Марк, Андрей и Василий Храпов. Арнольда и Юрки с ними не было: Паулс отправил их в Москву «для подготовки плацдарма», как он выразился.

– Зачем мы сюда пришли? – тихо спросил Андрей, не обращаясь ни к кому в отдельности. – Коврига нам в жизни не откроет. Проще выследить его, когда он выйдет из дома.

– Почему не откроет? – усмехнулся Марк. – Откроет, никуда не денется. Он, дурашка, думает, что мы ни о чем не догадались.

– Вроде как оно само сделалось, – хмыкнул Василий. – Налетели ветры злые и сорвали черну шапку. А он только направление указал.

– Ладно, пошли. Чего впустую балаболить?

Они поднялись на третий этаж. Марк шел впереди, за ним – Андрей, Храпов замыкали шествие. Один раз, когда этажом выше хлопнула дверь и раздался женский голос, они остановились, выжидая. Женщина проговорила что-то недовольным тоном, хлопнула крышка мусоропровода, и на лестнице вновь стало тихо.

– Пошли, – приказал Марк. – Так, Вась, встань здесь, чтобы он тебя не видел. А ты, малыш, иди сюда, поближе.

Поймав вопросительный взгляд Андрея, пояснил с нехорошей улыбочкой:

– Ты-то у него точно подозрений не вызовешь.

И нажал на кнопку звонка.

Бондарев был уверен, что им не откроют. Он слышал шарканье шагов в квартире, чувствовал, как дышит ему в плечо спрятавшийся сзади Васька Храпов, и думал, что зря они все это затеяли. Только насторожат Ковригу. Он уверен, что группа Паулса уже в Москве, и чувствует себя в безопасности, а они, получается, предупреждают его...

Только Андрей решил, что еще пара секунд – и можно уходить, как щелкнул открываемый засов. Они вошли в полутемный коридор. Коврига стоял посреди и выглядел до крайности нелепо в длинных шортах и короткой драной майке, едва прикрывающей ему живот.

– Здорово, Сань, – бодро сказал Марк. – Прости, что поздно... Тут одно дельце к тебе наклонилось.

– Здорово... – с искренним, как показалось Андрею, удивлением пробормотал мужичок.

– Вот что я тебе сказать хотел...

Произнося эти слова, Марк шагнул вперед и молча выбросил правую руку. Коврига охнул, присел, в глазах его мелькнуло недоумение, которое сменилось болью. «Нехило он его приложил, – подумал Андрей. – Всю печень отбил, наверное».

Против своей воли он почувствовал жалость к дурачку Ковриге. Сейчас ему еще и Храпов добавит, он тоже в ярости, как и Марк. «Сам бить не буду», – решил Бондарев.

Коврига никак не мог прийти в себя после удара – он привалился к стене и сполз по ней, прикрыв глаза. Руки его были прижаты к животу. Все

трое в молчании смотрели на него. Паулс сделал шаг в сторону, и Андрей увидел, что между пальцев у Ковриги торчит черная рукоятка ножа.

Сзади негромко щелкнула дверь: Васька Храпов запер ее изнутри. Но Бондарев даже не услышал этого – он смотрел на тело, и на лице его было написано такое же удивление, как и у мертвого Сашки.

– Вынь перо! – приказал Марк Андрею и, видя, что тот стоит неподвижно, повысил голос: – Вынь, тебе сказано! Хочешь улику здесь оставить?

Бондарев подчинился, действуя совершенно машинально. Он присел на корточки, отвел руку Ковриги и с усилием потянул на себя нож. Лезвие вышло, блеснув при тусклом свете сталью, и из раны выплеснулась кровь.

– Давай сюда!

Откуда-то сзади то ли Васька, то ли сам Марк сунул пакет («зачем пакет?.. шуршит...»), и нож упал в него. Пакет тотчас же прибрали, и Андрей поднялся.

– Давай в комнату, надо глянуть, что там, – распорядился Паулс.

Он подтолкнул Бондарева вперед. Андрей прошел несколько шагов и сел на стул. Его обычное спокойствие превратилось в оцепенение: он плохо понимал обращенные к нему слова и никак не мог до конца осознать, что произошло только что на его глазах. Коврига... Потом Марк ударил его... И труп, с ножом в животе.

– Вот оно, нашел!

Из состояния протрации Андрея вывел голос Василия. Тот с торжествующим видом бросил на стол толстую пачку денег. Бондарев только теперь обратил внимание что Храпов в перчатках.

– Еще смотри, – бросил Марк. – Наверняка у него не одна записка, а больше.

Через десять минут Василий выудил из разобранного пылесоса пакет, в котором просматривалась пачка.

– Ай, Вася, голова! – похвалил его Паулс. – Что, все обыскали? Тогда пошли, ребята.

– Куда пошли? – подал голос Андрей – первый раз за все время.

– Не куда, а откуда, – с неожиданной ласковостью отозвался Марк. – Отсюда. Что нам здесь делать?

– А Саня? – глупо спросил Андрей.

Марк переглянулся с Василием.

– Ну хочешь, с собой его забери, – предложил он, и Васька хохотнул. – Только зачем тебе? Он ведь жадный был, Коврига. И процент брал большой, грабительский, можно сказать, процент! Пойдем, Андрюша. Мы

здесь свое дело сделали.

– А как же те, кто напал на нас в поезде?

Марк с сожалением посмотрел на него.

– Здесь-то их нет, верно? – мягко, словно говоря с ребенком, объяснил он.

– Все, хорош сопли жевать, топай на выход, – вмешался Василий. – Нечего здесь торчать.

Всю обратную дорогу Андрей не мог избавиться от наваждения – ему мерещилось, будто оставленный один Коврига пытается вытащить нож из живота. Он не мог понять, зачем понадобилось убивать безобидного мужичка. «Пусть трусливый, пусть предатель, но убивать-то зачем?!»

Он сидел у окна в квартире, куда они приехали после убийства, и смотрел в окно. Ему было тошно.

– Малыш, – позвал его Марк. – Держи, чтобы тебя совесть меньше мучила.

Он ловко перебросил ему пачку денег.

– И выкинь ты Саню из головы. Говорю же, процент он брал высокий.

– Можно было не платить этот высокий процент, – без выражения сказал Андрей, глядя на сложенные вдвое купюры.

– Если не платить, тебя в другой раз ни в одно казино здесь не пустят, – возразил Василий. – А сейчас, глядишь, очередной «вертушок» подумает, прежде чем цены задирать.

У Андрея что-то включилось в голове. Он посмотрел на Храпова, потом на деньги, потом снова на Храпова.

– Вы его не из-за ограбления убили... – медленно сказал он. – Не было никакого ограбления. Это все подстава. Ваши люди дверь открыли, из баллончика прыснули, деньги забрали. А ты потом придумал, будто это Коврига на нас отморозков навел. Тебе не хотелось ему платить двенадцать процентов. Да и Саниными запасами на квартире неплохо поживились.

– Соображаешь, – похвалил его Марк, ничуть не возмущенный обвинениями. – Только почему же мы убили? Ты его убил, малыш.

– Я? – переспросил Андрей.

– А кто же? Нож с твоими пальчиками – имеется, да и наследил ты по квартире немало. Если милиция будет разбираться и найдет отпечатки, то к кому они придут? Правильно, к тебе. Ты, конечно, можешь сказать, что не убивал, что тебя, как говорят в фильмах, подставили! Но, боюсь, тебе никто не поверит.

Бондарев с минуту смотрел на него. Потом глухо спросил:

– Марк, зачем тебе это?

– Как зачем? – удивился тот. – Ты, малыш, не в куличики поиграть пришел. У нас другие игры. И соскочить с них ты можешь, только если я тебя отпущу. Мало ли что тебе в голову придет! Может, завтра ты решишь сдать Марка Паулса вместе со всеми его друзьями-приятелями! Придумаешь, что мы вместе казино оципывали... Или к хозяевам рулетки придешь, предложишь показать, кто и как чистит им покерные столы. Бывали уже такие случаи, людей за копейку сдавали. Нет, малыш, такой фокус у тебя не выйдет. А попробуешь – отправишься на зону. Мне тебя выгораживать резона не будет.

– Я бы и так этого не сделал... – проговорил Андрей.

– Так бы не сделал, – Паулс подчеркнул «бы», – а теперь точно не сделаешь. Иди спать, Андрюша, завтра в столицу поедем.

Глава 3

По рынку плыла длинноволосая девица в короткой кожаной курточке. Хлопала ресницами, выдувала пузыри жвачки, ненадолго задерживалась возле развалов.

- Что ищешь, красавица?
- Девушка, чем вам помочь?
- Да вы примерьте!

Наконец она остановилась возле пестро одетой продавщицы цыганского вида, сидевшей в окружении мехов.

- Я хочу шубку, – капризно сказала красавица, и продавщица вскочила:
- Какую тебе, слушай? Любую выбирай! До того все хорошие! Посмотри, какой мех, пощупай!

Наманикюренными пальчиками девица осторожно трогала мех, поджимала губки. Цыганка бесом вилась вокруг нее, поблескивала золотыми зубами:

- Скажи, что хочешь, – все подберем! Так оденем тебя – твой мужчина ахнет! Упадет и станет ноги целовать!
- Норку хочу, – решила девица. – Нет, рысь! Вот с таким воротником. И она показала, с каким.

Продавщица проворно стащила шубу с вешалки, выбрала ту, где мелкие кусочки меха были сшиты кое-как: покупательница все равно ничего не смыслит в шубах, ей можно подсунуть любое барахло.

- Посмотри, какая красота! – залилась она соловьем, поднося шубу на вытянутых руках. – Твой размер, вижу, как влитая сядет! Повесь курточку сюда, надевай шубку!

Девица кивнула и вынула из кармана курточки пачку купюр, перетянутую резинкой. Постояла в нерешительности, будто не понимая, что ей делать с деньгами.

- Сумочку-то не взяла... – пробормотала она. – А, ладно!

И небрежно сунула пачку обратно в карман. Сняла куртку, повесила на вешалку в углу павильона.

- Давайте вашу шубку, – разрешила девушка. – Посмотрим, как сидит.

Она принялась вертеться перед зеркалом, не обращая внимания на то, что происходит за ее спиной.

Цыганка, не веря своей удаче, скользнула к вешалке и встала так, чтобы не попадать в поле зрения покупательницы. Рука с перстнями

нырнула в ближний карман. Пальцы нащупали пачку купюр, и продавщица ловко вытащила ее, проделав все быстро и незаметно. Оставалось лишь сунуть деньги в складки юбки.

– Э, дамочка! Ты это чего?!

Цыганка дернулась, но было поздно: ее руку, в которой было зажато украденное, перехватили мертвой хваткой. Непонятно откуда появившийся хмурый амбал крепко держал ее, а второй, помельче, снимал на любительскую камеру.

– Что, меня хотела обокрасть? – ахнула девица, забыв про шубу. – А-а-а! Воровка! Костя, она твои деньги забрала!

Цыганка извивалась змеей и шипела.

– Полицию надо вызвать, – веско проговорил мужчина, не отпуская ее. – Дело завести. Мы тебя, голубушку, закроем.

– Лет пять дадут, – подтвердил второй, с камерой. – Свидетели, улики... Вот, называется, сходили за шубкой, снимали Диану. До чего ж нечестные люди кругом, – укоризненно обратился он к цыганке. – Все обмануть норовят. Кость, скажи мне телефон местного отделения...

– Давайте по-хорошему уладим, мальчики! – взмолилась продавщица. – Бес попутал, честное слово!

– Ты еще «честное пионерское» скажи!

– Вот те крест, все отдам!

– Конечно, отдашь, – усмехнулся амбал. – Куда ты денешься?

– Да нет, красивый, ты не понял: возьми откуп, в милицию не ходи.

Девица подошла ближе, нахмурила лобик:

– Твои деньги? Откупиться хочешь? И сколько дашь?

– Десять тысяч, – мигом ответила женщина.

– Пф! Славик, звони в отделение!

– Двадцать! Пятьдесят! Слышишь, пятьдесят тысяч отдам тебе!

Цыганка не хуже остальных продавцов на рынке знала, что местное отделение милиции существует на их деньги. С клиентом можно делать что угодно. Например, эту девицу, приди она с заявлением о краже, никто и слушать бы не стал. Повесила куртку с деньгами там, где люди ходят? Значит, сама раззява. Мало ли кто мог пройти и вытащить их из кармана! А продавщица ни при чем, не обязана она следить за чужим имуществом.

Так всегда и бывало. Однако сейчас женщине не удалось бы отвертеться, и она это понимала. Ее схватили с деньгами в руке, есть запись на камере, свидетели... Ох, нехорошо вышло, нехорошо...

– Пятьдесят тысяч, – твердо повторила она. – Больше нет.

– Черт с тобой, – смилостивился мужчина, отпуская ее. – Давай

деньги. И побыстрее, пока я не передумал! Дианочка, ты согласна? – нежно обратился он к девице.

– Ну не знаю... Если только она сразу отдаст, и мы уйдем! Не хочу с ней рядом стоять!

Цыганка отсчитала пятьдесят тысяч, которые тут же исчезли в кармане амбала. Парень с камерой незаметно растворился в суматошной рыночной толпе. Девица сдернула куртку с вешалки и подхватила друга под локоть:

– Пошли отсюда! Здесь одно ворье!

Только через несколько минут ошеломленная произошедшим продавщица сообразила, что покупательница так и ушла в шубе. Она бросилась искать девицу, но парочка уже исчезла.

В машине с темными стеклами, стоящей в переулке неподалеку от рынка, девушка делила деньги.

– Саня, держи! – Она протянула сидевшему на заднем сиденье сложенные вдвое купюры. – Олежек, а это твое. Ну что, мальчики, сегодня еще работаем?

– Как скажешь, Ир! – Парень, игравший роль ее мускулистого приятеля, бросил взгляд назад. Там лежали две шубы из норки и одна из рысьего меха. – У нас еще каракуль остался неохваченным.

– И соболю, – поддакнул Саня.

Троица дружно рассмеялась. С утра они успели обработать четыре рынка и унести шубы с трех из них.

– Давайте ковать железо, пока горячо, – решила девушка, подумав. – Пообедаем – и на юг, там как раз сейчас две ярмарки. Только, мальчики, работать нужно чуть потише. Олежек, ты так возмутился, что народ мог сбежаться со всего рынка.

– Понял, учту. Извини, переиграл малость, увлекся.

В голосе парня прозвучало искреннее раскаяние. Иру они слушались беспрекословно, хотя каждый был намного старше. Но девочка уже не раз доказала, что умеет принимать верные решения, и именно она была старшей в их маленькой команде.

Олега Ирка нашла сама. Они жили в одном доме, Ира знала его с детства и почти не сомневалась, что он согласится на ее предложение. Она поставила условие: нужен второй исполнитель, и через пару дней Олег привел щуплого Саню.

Она научила обоих, что нужно делать. Но основная часть работы все равно оставалась на ней, и вовсе не потому, что она играла глупую неискушенную покупательницу. Главная сложность заключалась в поиске

«своего» продавца, и с этим никто, кроме девушки, справиться не мог.

«Итак, запоминай, – учил ее Михаил Степанович. – Первый этап маленького дела всегда начинается с верного выбора. Ты должна определить человека, которого оставишь без денег. Того, кого мы называем лохом. Бывают природные лохи, которых кидают все и всегда, и это самый простой вариант. Но именно потому он годится только для дешевоков. Есть те, кого провести сложнее, кто внимателен и подозрителен, – и вот с ними-то и можно играть».

Ирка старательно обдумывала все, что ей говорят, рисовала какие-то схемы. Взяла в библиотеке учебник по психологии, но Гройс заставил ее вернуть книжку, не читая:

– Это мусор. А то, что не мусор, тебе пока рано. Сначала заставляй работать собственные мозги, а затем уж читай книги. Наблюдай за людьми, представляй, что они чувствуют, о чем мечтают, кому симпатизируют, а кого не любят. Ты удивишься, когда увидишь, как много можно узнать, всего лишь открыв глаза. И особое внимание обращай на привычки. Можешь записывать свои наблюдения – систематизация еще никому не мешала.

Ирка следовала всем советам старика. Объектами ее внимания стали сначала одноклассники, потом учителя. Михаил Степанович несколько раз встречал ее после школы, они садились в первый подошедший автобус и ехали по маршруту. Наклонившись к девочке, Гройс негромко разговаривал с ней.

– Смотри – видишь, вошла женщина с сумками? Простое задание: скажи, что она станет делать спустя пять минут?

Ирка озадаченно приглядывалась к женщине. Толстая краснолицая тетка, две рыночные сумки оттягивают руки. В одной – картошка и мясо, в другой – перепачканная землей свекла и капуста.

– Борщ варить, – бормотала Ирка. – Михаил Степанович, я не знаю!

– А ты подумай. И не просто подумай, а представь себя на ее месте. Посмотри, как она одета, какая обувь у нее на ногах. Попробуй предположить, куда она едет. Работай, работай, не ленись!

Ирка очень старалась. Поджала губы, подражая женщине. Вообразила, что она пошла на рынок слишком поздно, хотя собиралась с утра, и мясо ей досталось не лучшее, и в очереди поругалась с какой-то старухой из тех, что в каждой бочке затычка. Ноги болят и опухают – вон как уродливо выпирают мизинцы. Машины нет, приходится на общественном транспорте, где ни одна сволочь не уступит места.

Женщина прищурилась, оглядывая сидящих. Повела носом, будто

принюхиваясь. Девушка прищурилась вслед за ней, ощутила тяжесть двух сумок в руках, посмотрела на пассажиров, благополучно смотревших в окно, и неожиданно для самой себя сказала:

– Она хочет устроить скандал.

– Вот и я так думаю... – согласился Гройс, одобрительно кивнув. – Очень уж на взводе, еле сдерживается. Если к тому же...

При этих словах автобус резко затормозил, всех пассажиров качнуло вперед, а из сумки краснолицей тетке вывалилась и прокатилась по полу крупная шишковатая картофелина. Ирка проследила за ней взглядом.

– Посмотрите, какие девушки нынче пошли, – вдруг громко сказала тетка в никуда. – В наше-то время таких не воспитывали. Не было такого, чтобы человек стоял, а эдакая сопля сидела как принцесса!

У нее получилось – «принцесса».

Ирка с Михаилом Степановичем переглянулись.

– Садитесь, мадам, садитесь! – учтиво предложил старик, вставая.

– Какая я тебе мадам! – оскорбленно взвизгнула тетка. – Ты смотри, с кем разговариваешь! В революцию вас не перестреляли, так вы теперь наши места занимаете, мадамкаете тут!

Ира покраснела и встала вслед за Гройсом. Люди вокруг оглядывались, кто-то покрутил пальцем у виска. А тетка, уже плюхнувшись на их место, продолжала выкрикивать что-то про революцию, и в этом словесном потоке оставалось все меньше от связной речи.

На ближайшей остановке Ирка и Михаил Степанович поспешно выскочили из автобуса.

– Видишь? – сказал старик. – Она хотела поскандалить, мы были правы. Ее так распирало, что даже когда ее желание исполнилось, то есть место все-таки уступили, она уже не смогла остановиться. Если бы внутри работал щипач, такая ситуация была бы для него натуральным подарком.

– А кто такой щипач?

– Карманник. Этому я тебя учить не буду, – покачал головой Михаил Степанович, опережая вертевшийся на языке у Ирки вопрос. – Во-первых, сам не умею. Во-вторых, тебе этим заниматься ни к чему.

– Почему?

– А ты согласна шарить по чужим карманам? – с интересом спросил старик.

Ирка подумала и отрицательно покачала головой.

– Ну вот, – с удовлетворением, как ей показалось, ответил Гройс. – Потому и не буду.

Идея с рынком пришла Ирке в голову, когда она отправилась покупать себе кроссовки. Старик (про себя она стала называть его дедом) прямо сказал, что одевать девочку он не будет.

– Харчи, так и быть, мои, но только поначалу. Не для того я тебя учу, чтобы ты на моей шее сидела.

К изумлению Ирки, на следующий день после ее появления он ушел из дома рано утром и вернулся с сумкой, набитой ее собственной одеждой. На осторожные Иркины расспросы отвечать не стал, лишь распорядился коротко: «Разбери шмотье, бардака в доме не устраивай».

Но вещей было немного, и ей пришлось задуматься о пополнении гардероба. Тут-то и встал вопрос о том, откуда брать деньги.

– Дам тебе займы, – согласился дед. – Вернешь через месяц. Не вернешь – отправишься домой.

На рынке экономная Ирка долго присматривалась к спортивным костюмам, решительно прошла мимо прелестных летних сарафанов и наконец остановилась, чтобы выбрать практичные кроссовки. Пара, которая ей приглянулась, стоила тысячу сто рублей.

Расплачиваясь, она отдала полторы тысячи и принялась ждать сдачу.

– Девушка, носите на здоровье, – мило улыбнувшись, сказала ей женщина за прилавком, протянув коробку.

Ирка потопталась немного, затем решила напомнить:

– Вы мне еще четыреста рублей должны.

– Откуда же четыреста? – невозмутимо спросила женщина. – Ты мне тысячу дала, я тебе сто рублей скидки сделала. Носи на здоровье!

Ирка пристально взглянула на ее довольное лицо и увидела всю сцену со стороны: плохо одетая замарашка с коробкой в руках мнетя перед красивой толстой бабой. Та ни секунды не сомневалась в своей безнаказанности. Доказать, что она дала три купюры по пятьсот рублей, а не две, Ирка не могла.

Ее охватила бессильная злость. Жаловаться деду нельзя, кричать, что ее обжулили, – стыдно, да и глупо. Сообщать каждому входящему покупателю об обмане? Ирка представила это и поняла, что будет выглядеть жалко. Но уйти просто так было совершенно невозможно...

– Верните мне деньги за товар! – вдруг сказала она, ставя коробку на прилавок. – Я его не беру.

– С чего это? – удивилась женщина.

– Обувь мне мала. Вот чек.

– Ты только что примеряла! Все было впору!

– Нет, не было, – настаивала Ирка. – Было тесно! Я думала, разношу,

но теперь понимаю, что не получится. Давайте деньги обратно.

– Да ради бога! – Поняв, что переубедить паршивку не удастся, женщина достала тысячу и презрительно бросила ее на коробку.

Ирка молниеносно цапнула деньги, подхватила коробку и бросилась бежать.

– Э-э-э-й! – заорали ей вслед. – Стой, воровка!

Но девочка была уже далеко.

Отдышавшись в первом же укромном дворе, она переобулась, выкинула старые сандалии и принялась размышлять. «Можно ли извлечь из ситуации пользу?» – вот чему учил ее Михаил Степанович. На первый взгляд, польза не извлекалась. «Разве что шестьсот рублей сэкономила в итоге», – подумала Ирка с невеселой усмешкой.

Но что-то крутилось у нее в мыслях, не отпускало. «Первый этап маленького дела всегда начинается с верного выбора». Лицо торговки, обманувшей Ирку, встало у девочки перед глазами...

«Верный выбор...» И вдруг она поняла, что это значит.

Жадность – вот тот крючок, на который можно подцепить человека. Жадность и готовность обмануть другого. В Иркиной голове, словно кусочки мозаики, складывался образ будущей жертвы: алчная, действующая быстро, не задумываясь (дед сказал бы умное слово «импульсивная»), трусливая... И обязательно – женщина.

План был готов.

Однако Ирке потребовалось больше полугода, чтобы воплотить его в жизнь.

– Ты, Ирка, чистый пластилин, – огорошил ее старик вскоре после происшествия с кроссовками.

Девочка стояла перед зеркалом и пыталась подкрасить ресницы остатками подсохшей туши.

– Почему это я пластилин? – обиделась она.

– Потому что лицо у тебя мягкое, пластичное, невыразительное. И нечего голову опускать, не понимаешь ты своего счастья. Сегодня поедем с тобой к одной редкой тетеньке, будем у нее учиться.

– А как же школа?

– А вот это, дорогая моя, и будет твоя школа. Школа имени Зои Семеновны.

Редкая тетенька оказалась привлекательной узколицей женщиной неопределенного возраста, похожей на лису. С Михаилом Степановичем они расцеловались как старые знакомые, на девочку Зоя Семеновна

взглянула с любопытством.

– Смену растишь? – полушутливо поинтересовалась она у старика.

– Родственнице помогаю, – в тон ей отозвался Михаил Степанович. –

Поработаешь с ней, Зоя?

– Конечно. Как обещала.

Ирку усадили перед ярко освещенным зеркалом, и обучение началось.

– Сначала я покажу, что можно сделать с твоим лицом, – сказала Зоя Семеновна, надевая очки и жестом фокусника отодвигая крышку столешницы, под которой оказались заполненные косметикой ящики. – А потом и начнем, помолясь.

Ирка не верила своим глазам. Сперва ее сделали взрослой, затем состарили, изменили форму губ, последовательно превратили в красавицу, дурнушку и копию всемирно известной актрисы, и наконец, смыли все, не оставив ни грамма косметики. Первый раз в жизни она поняла выражение «лицо как чистый лист».

– А я так смогу? – Девочка жадно рассматривала баночки, кисти, карандаши и разнообразные тюбики, лежащие перед ней. – Вот так, чтобы как Монро?

– Сможешь, если будешь хорошо учиться, – без улыбки ответила Зоя Семеновна. – Но когда ты научишься, тебе не захочется этим пользоваться.

Ирка недоверчиво посмотрела на женщину. С ума та сошла, что ли? Как это – не захочется пользоваться? Да она будет каждое утро рисовать на себе Анджелину Джоли! Монику Белуччи будет рисовать, чтобы в школе все умерли от зависти! Ей давно хотелось, чтобы Костя Лапин из одиннадцатого «В» обратил на нее внимание, и теперь, честное слово, она своего добьется!

Полтора месяца подряд каждый день Ирка после школы ехала к Зое Семеновне. На первых занятиях лепила непослушными пальцами из гипса и – словно в насмешку! – из пластилина, слушала про «золотое сечение» – зачем?! – и занималась вещами, на первый взгляд не имеющими никакого отношения к макияжу и гриму. Но вскоре она уже рисовала себе брови и скулы, с помощью специальных мягких шариков формировала щеки, со смехом наклеивала усики, а на носу лепила бородавку, которую сама же и мастерил из подручных материалов. Зоя Семеновна лишь изредка роняла слова одобрения, но внутренне была очень довольна: девчонка все схватывала на лету и не боялась экспериментировать.

Они примеряли десятки париков, гримировали белые пластиковые головы, жутковатым рядом выстроившиеся у Зои Семеновны на подоконнике, оттачивали на бесцветном Иркином личике пять базовых

образов, которые преображали ее. По утрам, собираясь в школу, девочка понемножку применяла новые знания: каждый раз чуть по-другому *выстраивала* лицо, меняя акценты. Мысль превратить себя в Мэрилин Монро больше не приходила ей в голову – она стала нравиться себе такой, какая есть.

С Михаилом Степановичем они занимались теперь только по выходным. Впрочем, это были и не занятия, а долгие прогулки, во время которых Гройс что-то рассказывал, объяснял, а Ирка слушала и запоминала.

Она не замечала, что старик постоянно исподтишка наблюдает за ней. К концу первого месяца он признался сам себе, что девочка удивляет его. Он взял Ирку к себе в минуту душевной слабости, без особой надежды на то, что из этой затеи выйдет что-нибудь путное. Просто пожалел ее, честно говоря. Такая она была несчастная, такая затравленная, когда стояла у подъезда и что-то объясняла ему про свою семью, боясь, что ее прогонят... И вместе с тем так безрассудно храбро бросилась ему на помощь в парке, что Михаил Степанович, хоть и сердился на девчонку за это, все-таки не мог не отдать должное ее смелости.

Она казалась ему совсем маленькой для ее шестнадцати лет. Ровесницы – юные красотки, расцветающие женщины, а эта – хилый заморыш. И характер у нее был совсем девчоночий, полудетский. С боязливой привязчивостью недолюбленного ребенка Ирка ходила за ним по пятам, очень старалась угодить и торопилась по-собачьи исполнить любое указание.

И в то же время старик видел, что внутри нее есть стерженек – тот самый, который позволил ей ударить отчима, а затем дать отпор парням в парке. Фактически предоставленная себе самой с десяти лет, Ирка много, запойно читала и старалась хорошо учиться, хотя матери это было безразлично. Она продолжала читать, и поселившись у Гройса – библиотека у него скопилась весьма неплохая.

За несколько месяцев спокойной жизни у старика Ирка похорошела, распрямилась, как цветок, прибитый к земле градом. Они частенько выбирались в кино: девочка обожала фильмы, тащила Гройса на любую гадость, которая шла в соседнем кинотеатре, и он подчинялся, чувствуя в этом особое удовольствие – находиться рядом с восторженной натурой, бьющей через край. «Ни дать ни взять щенок с хозяином», – усмехался Михаил Степанович, не замечая, что ждет этих походов почти с таким же нетерпением, как и сама Ирка.

Однажды он приехал вместе с ней на «урок» к Зое Семеновне, и

девочка радостно показала, чему научилась. Она дурачилась, играла и лишь много позже поняла, что это был первый экзамен, проверка на способность усвоения материала. Старик, кажется, был доволен и, пока Ирка смывала грим, увел Зою на кухню.

Девочка управилась быстро и пошла искать взрослых. Когда она подходила к комнате, из-за приоткрытой двери послышался голос Зои Семеновны:

– Миша, все понимаю, умненькая девочка, богатый материал... Только скажи честно – тебе-то это зачем?

«Богатый материал» встал как вкопанный и затаил дыхание, прислушиваясь. В комнате помолчали, потом послышался звук отодвигаемого стула, и голос старика донесся от окна.

– Старый я уже, Зоя... Не в том смысле, что лет мне много. Хотя много, что уж тут возрастом кокетничать...

– Да и перед кем? – хмыкнула женщина.

– Вот именно. Так что не в годах дело. А в том, что не вписываюсь я в нынешний формат, как принято говорить. Но жить-то на что-то надо, верно? Ты сама говоришь, девочка способная. Сегодня я ей помогу, завтра она мне.

– Уже решил, какой процент возьмешь? – с непонятым Ирке ехидством спросила Зоя. – А если оставят тебя без процента? Молодые – они ведь как щучки!

– Значит, не судьба. Не каркай, там видно будет.

Девочка бесшумно отступила и скрылась в дальней комнате, обдумывая услышанное.

– Ир! Иринка, подожди!

Был конец мая, и девочка бежала из школы к остановке – Зоя Семеновна обещала показать ей что-то новенькое. Ирка торопилась и даже не услышала, что сзади ее громко зовут.

К тому же по имени одноклассники обращались к ней редко, все больше звали Леbedой – от фамилии «Лебедева». Поэтому девочка обернулась только тогда, когда ее уже почти догнали. Перед ней стоял запыхавшийся Костя Лапин и белозубо улыбался:

– Зову тебя, зову! Думал, ты в наушниках.

– Нет... – чуть удивленно ответила Ира. Костя никогда прежде не заговаривал с ней первым, и совсем удивительным было то, что он бежал за ней. – У меня нет наушников. Я не слушаю музыку.

– А зря! Слушай, мы сейчас идем классом в парк, типа отметить конец

этой каторги... – Костя махнул рукой в сторону школы. – Хочешь с нами? Ваши тоже идут – Гаврилова, Сенежкина и еще кто-то.

Ирка смотрела на Лапина, раздираемая противоречивыми эмоциями. Она очень хотела, чтобы однажды все случилось именно так – он догнал бы ее и куда-нибудь пригласил. Но Зоя Семеновна, и ее «новенькое», и дед, который обязательно взглянет разочарованно, хоть ничего и не скажет...

– Извини, Костя. – Она с сожалением покачала головой. – У меня сегодня дела. В другой раз, хорошо?

– Ир, другого раза может и не быть, – проронил Лапин. Парень не ожидал отказа и не хотел быть предметом шуток приятелей, видевших, как он рванул за Лебедой.

Ирка бросила на него взгляд, в котором что-то промелькнуло: не сочувствие, не сожаление, но что именно – Костя не понял. Пожала плечами:

– Значит, не судьба.

– Сегодня с тобой позанимаюсь не я, – с порога удивила ее Зоя Семеновна. – Проходи, Веруня ждет.

Веруня сидела на диване – не женщина, а глыба, с мощной шеей и выпирающим вперед животом, – и звучно хохотала, слушая радио. Ирке показалось, что от ее смеха даже потолок сотрясается, ходит волнами, как выбиваемое одеяло. Огромная, избыточная, громкоголосая женщина, на фоне которой и Зоя Семеновна, и сама Ирка казались крошечными.

– А-а, это ты наша девочка! – воскликнула Веруня, выключая радио. – Ну здравствуй, здравствуй. Иди сюда, моя радость! Иди сюда, моя крошка!

Толстуха повелительно похлопала рядом с собой по дивану.

У Ирки возникло ощущение, что она – собачка, которую подзывает любвеобильная хозяйка. Оно только усилилось, когда Веруня заставила ее открыть рот и несколько раз высунуть язык. Ирка скосила глаза на Зою Семеновну, наблюдающую за этим действием издали, и постаралась, чтобы в них читался вопрос.

Но на него ответила не хозяйка, а гостя.

– Связочки-связочки... – пробормотала она. – Горлышко нужно тренировать.

И вдруг запела – высоким, необычайно сильным голосом:

– А-а-а-а-а-ве Мари-и-и-ия...

Ирка даже вздрогнула.

– Вот этим мы с тобой и займемся, – оборвав пение, сказала Веруня.

– В церкви будем голосить?! – изумилась Ирка.

Обе женщины засмеялись.

– В церкви – точно нет, – пообещала Веруня. – Но голосить – обязательно, обязательно! А также гнусавить, скрипеть, прищептывать, ворковать и прочее, прочее, прочее.

И начались новые упражнения. Ирку заставляли представлять себя огромным мячом, из которого понемногу выходит воздух, заставляли зевать, не открывая рта, чтобы запомнить ощущение «купола» – поднимающегося нёба, учили петь «из живота», форсировать звук, говорить фальцетом и басом.

– Рот открыт, челюсть свободна! – командовала Веруня. – Не забудь про опору. Двигай только языком! Ии-и-и-и... Поехали!

Ирку заставляли артикулировать так, что к концу занятия у нее болели щеки и заплетался язык. Заплетался в буквальном смысле, и по вечерам она не могла толком пересказать деду, что они делали с «учительницей». Попугай слушал ее очень внимательно, и девочке казалось, что она читает злорадство в его круглых глазах, словно он хотел сказать: «Ну-ка, попробуй говорить по-человечески, как я!»

– У тебя сегодня нечистоплотный голос, – отчитывала Веруня Ирку на следующее утро. – Надо снимать зажимы. Садись в кресло, я покажу тебе...

Девочка училась расслабляться. К упражнениям на расслабление вскоре прибавились занятия осанкой: Веруня настаивала на том, что только правильное положение тела дает хороший, чистый голос.

– Дыхание идет из диафрагмы, короткий вдох – длинный выдох! – Она сопровождала свою речь плавными взмахами полных рук. – Ты не должна давиться звуком!

Когда с осанкой было покончено, перешли к подражаниям. Наклоняли голову, сгибались пополам, чтобы звук становился ниже, визжали, слушали старческие голоса и детские, подражали интонациям – это у девочки получалось лучше всего. Веруня нещадно гоняла ученицу, и под конец Ирка едва не сорвала голос.

Три дня она ходила охрипшая и пила гоголь-моголь. Потом еще сутки молчала. Потом несмело заговорила – сперва шепотом, затем громче, еще громче...

– Принимай товар! – на всю квартиру рассмеялась Веруня, сдавая Ирку Зое Семеновне. – Певицей ей не быть, актрисой она тоже не станет, но кое-что мы из нее выжали! Так? – бодро обратилась она к Ирке.

Девочка лишь согласно кивнула, подумав, что словечко «выжали» очень верно отражает то, что сделала с ней за два месяца голосистая Веруня.

Пора было переходить к следующему этапу.

– То, что ты можешь приклеить усы Чарли Чаплина, само по себе ничего тебе не даст, – сказал ей Михаил Степанович. – Ты должна быть естественна в своем образе, кого бы ни изображала. Это сложно, но в нашей с тобой... м-м-м-м... работе без этого никуда.

И вот тут им помогла Иркина любовь к кино. Девочка была артистична от природы, и, кроме того, легко схватывала образы. Она подражала интонациям, копировала походку, манеры, речь. Многие фильмы Ирка смотрела не по одному разу, и тем легче давалась ей «игра в дублера», как она это называла. Дублер не мог заменить актера, но он мог притвориться им ненадолго – достаточно, чтобы обмануть неискушенного зрителя.

Ее первым по-настоящему сложным образом стал «лифтер». Его облик она придумала сама, включая красную кепку. Михаил Степанович научил ее останавливать лифты и дал инструмент.

– Если тебя поймают, – предупредил он, – пойдешь под статью.

– Не поймают, – с великолепным равнодушием ответила Ирка.

Ее действительно не поймали. Но денег от телефонов, сданных перекупщику, они выручили не так много, как она рассчитывала, и очень быстро Ирке пришлось придумать новую аферу – с шубами. Ее она разработала самостоятельно. А с третьей помог Михаил Степанович.

Суть этой аферы была совсем проста. С компьютера старика девушка вышла в Интернет и зарегистрировалась на сайте знакомств, выбрав себе ник «Богиня Страсти и Ласки». Поначалу «и Ласки» не было, но, к Иркиному негодованию, оказалось, что богинями страсти мнят себя многие – среди посетительниц сайта их было не меньше сотни.

Вспомнив прочитанные любовные романы, Ирка пообещала в анкете быть сладострастной кошечкой, покорной деткой, а также всем, чем захочется ее покорителю. Разместила на сайте настоящую фотографию: черный парик а-ля Ума Турман из «Криминального чтива», ярко накрашенные пухлые губы, соблазнительно выставленное плечико. В бюстгальтер Ирка без зазрения совести напихала ваты, изведя на это весь имевшийся в доме запас.

Покорители не замедлили явиться. Они спрашивали ее настоящее имя, предлагали встретиться и весело провести время. Среди написавших были несколько Черных Котов, пара Больших Мальчиков и один Мускулистый Тигр. Ники других потенциальных покорителей заставили Ирку покраснеть.

На этом этапе к ее работе подключился Михаил Степанович.

– Ты пока не в состоянии разобраться, кто тебе пишет, – строго сказал он, когда она пыталась возражать. – Мозгов у тебя хватает, а вот опыта маловато. Нарвешься на психа – и что тогда? Вспомни правило о верном выборе.

Старик внимательно читал всю переписку, в которую Богиня Страсти и Ласки вступала с желающими познакомиться. Непристойные предложения перестали смущать Ирку уже через пару дней обитания на сайте.

– Вот этого исключай, – распорядился Гройс. – Смотри, какие мерзости он тебе пишет. Здоровый мужчина, даже сильно жаждущий секса, так выражаться не станет.

Он разбирал письма с невозмутимостью патологоанатома, и девочка быстро переняла такой же тон и перестала краснеть, когда дед зачитывал очередные физиологические подробности.

– Этот – годится, – одобрял Михаил Степанович нового претендента в покорители. – А это как пить дать женщина развлекается.

– Почему женщина?

– Чувствую по стилю. Не отвечай, не трать времени.

Портрет намеченной жертвы они нарисовали совместно.

– Мужичонка лет сорока – пятидесяти, женатый, зарабатывающий средне, ищущий не столько услуг проститутки, сколько возможности пощекотать себе нервы без отрицательных последствий. Платить за секс он не готов, поэтому ты должна будешь представить дело так, будто тебе самой необходима эта встреча, – предупредил Михаил Степанович. – Вот такая ты неумная дамочка!

– Дед, а так бывает? – задумчиво спросила Ирка.

– Не бывает, – немедленно ответил Михаил Степанович, пропустив «деда» мимо ушей. – Женщины совсем по-другому устроены. Если только женщина не больна, она никогда не будет встречаться с кем попало, чтобы удовлетворить инстинкты.

Он говорил с Иркой так, как будто она сама – не женщина. Но от этого ей почему-то было проще.

– Подожди... На что же тогда мы рассчитываем?

Михаил Степанович усмехнулся:

– Дело в том, девочка моя, что мужчины хотят верить в обратное. Их самомнение так велико, что они не видят в происходящем ничего удивительного. Ты всего лишь дашь им то, чего они ждут: незнакомку, готовую бесплатно отдаться на сеновале только потому, что вы обменялись десятком писем неприличного содержания.

Ирка присмотрела гостиницу на окраине, все приготовила. Они

двадцать раз проговорили с дедом, что нужно делать. И все-таки волнение не отпускало ее.

«Парнем я уже была, – сказала она себе, надевая парик и пробуя, устойчива ли нога в туфле на высоком каблуке. – Попробую быть женщиной».

Маскировка нужна была Ирке не для привлекательности, а для того, чтобы ее не узнали. Простой, даже примитивный план предполагал, что на мужчину потребуется произвести впечатление лишь на начальном этапе, чтобы он увидел именно то, что ожидал.

Осечек не было, все проходило очень быстро. От Ирки даже не требовалось актерской игры. Она встречала мужчину в условленном месте, подходила и представлялась. Низкий хриловатый голос, каблуки, падающие на лицо волосы – у ее спутника не возникало никаких подозрений. Богиня Страсти и Ласки предлагала без промедления пройти в ближайшую гостиницу и снять там номер. Жертва, вдохновленная открывающимися перспективами, охотно соглашалась, и Ирка вела ее к небольшому домику, гордо именовавшему себя отелем.

Цену за номер им выставляли несусветную. Но Богиня еще в начале встречи говорила, что не занимается проституцией, поэтому выбранные ею Мускулистые Тигры и Большие Мальчики раскошеливались, пусть и скрипя зубами. В конце концов, им не придется платить за секс! Ирка часто дышала, льнула к спутнику, изображая вожделение, и тот уже предвкушал, что его ждет... И вдруг перед самым номером она останавливалась, огорченно говорила, что плохо себя чувствует, и быстро уходила. Остолбеневший герой-любовник, выскочив за ней на улицу, никого не обнаруживал.

Кляня идиотку на чем свет стоит, он возвращался к портье, но тот разводил руками – извините, номер оплачен, ничем не могу помочь. Нет, мы не возвращаем деньги. Гость может использовать номер в течение целых пяти часов по своему усмотрению.

«Гость», бранясь, уходил. Полученные деньги Ирка делила с портье: ей – шестьдесят процентов, ему – сорок. Вся операция занимала полчаса.

Неделю Ирка побыла Богиней, затем сменила ник и провела отбор по новой. Дельце она свернула, когда обнаглевший портье потребовал шестьдесят процентов вместо сорока, упирая на то, что вся брань обманутых клиентов достается ему, а значит, он морально страдает.

– Ты еще молока себе попроси за вредность, – фыркнула Ирка, после чего исчезла и больше не появлялась.

Глава 4

За окнами свирепствовал октябрьский ветер, дождь колошматил по стеклам и крыше, выбивал ожесточенную дробь по крыльцу. Дверь распахнулась, ветер взвыл с такой яростью, будто упустил добычу, и в комнату ввалился Андрей Бондарев с пакетами, набитыми продуктами.

– Видали?! – выдохнул он, стаскивая дождевик, с которого текло на пол. – Едва не сдуло, пока шел! Не могли нормальный подземный гараж построить, идиоты?!

Ругательство Бондарева относилось к хозяевам коттеджа в ближнем Подмоскowie, где они сидели уже неделю. Полупустой дом с гаражом в саду нашел Марк, он же снял его через третьи руки, рассчитывая сделать два крупных «пробоя» – и исчезнуть. Наметили казино, распределили роли, «свой» человек подсказал, где за столами будут стоять новички.

Однако весь план полетел к черту: за два дня до первого намеченного дела Паулс узнал, что крупье полностью сменили, поставив вместо желторотых студентов опытных дилеров. А во втором казино, куда Васька Храпов сунулся было с разведкой местности, установили новые камеры. Скрипнув зубами, Марк решил отказаться от первоначального плана.

– Еще две недели все будут стоять на ушах, проверять аппаратуру, – сказал он. – Нет, сейчас туда лезть никак нельзя. Надо придумать что-то новое.

Поэтому вся группа, кроме Андрея, безвылазно сидела в доме, ожидая, пока Марк придумает что-то новое. Юрка предложил уехать и все бросить, но Паулс так рыкнул на него, что младший Храпов тут же притих, притаился в уголке – и больше *не отвечивал*. Арнольд без усталости занимался на втором этаже с самодельными гириями и штангами, поглощая невероятное количество еды и каких-то специальных добавок, Юрка с Васькой резались в карты, а Андрей добровольно взял на себя обязанности повара и закупал на рынках продукты, а потом стряпал что-то на кухне, негромко напевая себе под нос.

Причина яростной вспышки Паулса была ему хорошо известна. Как, впрочем, и остальным. Марк не раз говорил о том, что хочет иметь легальный бизнес, и наконец-то ему подвернулся подходящий проект: небольшой отель на черноморском побережье, который владелец собирался продавать.

– Стану, дети мои, уважаемым человеком... – мечтательно говорил

Паулс, и на его худом вытянутом лице, по которому, словно следы от потоков слез, тоненько струились шрамы, появлялось мечтательное выражение. – Горничные у меня будут вышколенные, номера – чистейшие. Лучший, на пятом этаже, с видом на море – мой. А в номере – джакузи!

– Зачем тебе джакузи, если рядом море? – усмехнулся Арнольд, услышав это.

– Не переносу морскую воду, – поморщился Паулс. – Это для кефирников.

– Кто такие кефирники? – тихо спросил Андрей у Юрки.

– Бздыхи, – так же тихо пояснил тот и, взглянув на непонимающее лицо Бондарева, добавил: – Ну, отдыхающие. Курортники.

– Почему бздыхи? – рассмеялся Андрей.

– А фиг его знает почему. Так в Сочи всю жизнь, сколько себя помню, туристов называют.

Марк рассчитал, сколько ему не хватает для покупки вожденной гостиницы, и планировал осуществить лучшую сделку своей жизни, распотрошив пару московских казино. Поэтому теперь он пребывал в бешенстве. Понимая это, члены группы старались не попадаться ему под горячую руку.

Вернувшись из кухни, Бондарев вытер лужу, натекшую с дождевика, и открыл ноутбук, задумчиво рассматривая какие-то фотографии.

– Марк, похоже, имеется тема, – сказал он наконец. – Погляди сюда...

Паулс не двинулся с места, и тогда Андрей сам перебрался к нему за стол.

– Есть такой банк, – неторопливо сказал он, будто бы не замечая пренебрежительного отношения Марка. – Называется «Азия-банк». У него филиал в Алтуфьево. Я там раз пять проезжал.

Паулс ничем не показал, что слышит его слова.

– В этом банке работают очень легкомысленные люди, – продолжал Бондарев. – Филиал снимает помещение на первом этаже жилого дома. Рядом – продуктовый магазин и аптека. Есть главный вход, через который в банк попадают клиенты, а есть черный, через который заходят сотрудники и охрана.

Марк молчал. Но Юрка и Васька, сидевшие на подоконнике, стали кидать карты медленнее.

– Во внутреннем помещении трое охранников и всегда есть клиенты. Но у черного входа охранник всего один. И я пару раз видел, как он курит у дверей снаружи.

– Ну и что это значит? – не выдержал Василий.

– Это значит, что у них очень паршиво с дисциплиной, – повернулся к нему Бондарев. – Я сделал несколько снимков, можешь посмотреть...

– Не смотри, – буркнул Паулс, не поднимая головы. – Снимки он сделал! Из машины фотографировал, корреспондент? Засветил тачку. Забудь о своей теме.

– Машину я оставлял на соседней улице, – нимало не обидевшись, ответил Андрей. – Шел пешком, останавливался, будто прикурить. И снимал. Пару раз щелкнул из-за букета цветов – вроде как я на свидание с девушкой иду и остановился, чтобы розу поправить. Камера, конечно, мыльница, но кое-что понять можно.

Марк посмотрел сначала на мальчишку, потом перевел взгляд на экран компьютера.

– Вот, смотри, – обрадовался Андрей. – Все очень просто: из черного хода через служебное помещение можно попасть в главный зал, но можно завернуть раньше – и тогда ты окажешься там, где сидит кассир.

– Не окажешься. У кассира впереди бронированное стекло, а сзади укрепленная дверь. Если очень повезет, можешь вломиться к оператору, но в таких небольших банках у операторов не бывает больше двухсот – трехсот штук. У него много не возьмешь. Забудь, малыш, иди вари суп.

Василий обидно засмеялся.

– Расклад по комнатам я сделал для полноты картины, – негромко сказал Бондарев. – А коридор сфотографировал, чтобы понять, где стоят камеры слежения. Так вот: они стоят перед дверью кассира и входом в служебное помещение. Над дверью черного входа камер нет.

Василий перестал смеяться и уставился на Андрея:

– И что с того?

– Утром приезжает инкассаторская машина, которая привозит деньги в банк. Вечером она приезжает снова и увозит дневную выручку банка. В машине всегда двое инкассаторов, которые показывают охраннику документы и проходят внутрь.

– И еще водила, который торчит за бронированным стеклом и может открывать огонь на поражение, – подал голос Арнольд, спустившийся со второго этажа. – Он наблюдает за своими и, случись что, придет на помощь.

– Если у него будут причины приходить им на помощь, – возразил Андрей. – Но если он видит, что инкассаторы благополучно зашли в банк, то вряд ли он будет выскакивать из машины и мчаться за ними, стреляя налево и направо. Глупо было бы, правда?

Наступило молчание.

- Один охранник? – вдруг переспросил Марк.
  - Да. Обрати внимание, как на снимках стоят машины. Нам нужно будет встать здесь и здесь. – Андрей показал. – Мы перегордим дорогу, чтобы инкассаторская машина не могла подъехать вплотную. Такое частенько бывает, на это никто не обращает внимания.
  - Нам понадобятся две дополнительные машины, – буркнул Паулс.
  - А Василий на что? Если навыков не утратил, конечно.
  - Уж я-то сделаю! – бросил уязвленный Храпов, когда-то занимавшийся угоном автомашин. – В лучшем виде!
  - Тогда тем более нет проблем. Оружия не надо, трупов не будет, никого не засветим. На всю операцию – максимум двадцать минут.
- В комнате снова повисла тишина. Четверо мужчин изучали выведенный на экран фотоснимок обычного двора с козырьком подъезда над ним. Паулс первым нарушил молчание.
- Я смотрю, ты все продумал, умник, – совсем другим тоном сказал он. – Давай выкладывай твой план целиком.

Три недели спустя

Операция была назначена на понедельник. В субботу вечером, рассевшись вокруг стола, все повторили в десятый раз. Каждый отчитался за свою часть работы.

– Василий ждет в машине, Арнольд с Марком – запасные в фургоне, мы с Юрой работаем на входе. – Андрей расставил на столе фигурки, сделанные из пластилина. – Если не можем подъехать, разворачиваемся и уезжаем. Рисковать нам ни к чему: если не получится с этим банком, получится с другим. Согласны?

Все, кроме Марка Паулса, кивнули. Тот про себя забавлялся, наблюдая за мальчишкой, но не мог не признать, что мозги у него работают отлично.

По молчаливому соглашению подготовкой и контролем операции Бондарев занимался, не выходя из дома. По вечерам от скуки он гонял на своем мобильном телефоне каких-то червячков, азартно вопя каждый раз, когда червячок врезался в стену. «Умник-умник, а дурачок, – высказался Василий, застав Бондарева за этим занятием в первый раз. – Как пацан, чесслово!»

Каждый день на протяжении трех недель Арнольд и братья Храповы по очереди несли вахту: дежурили возле банка, отмечая смену охраны и время приезда инкассаторов. Они выбрали охранника, который обещал доставить меньше всего хлопот, а Василий облазил все окрестные дворы, намечая возможные пути отхода, если что-то пойдет не так.

– Фургон подготовлен? – спросил Андрей.
– Все проверено: номера, лобовуха, двери, – лениво отчитался Арнольд.
– Юр, форма?
– Три комплекта в фургоне, шеф! – отрапортовал тот, шутовски отдав честь.
– Надо сюда их принести и завтра весь день разносить.
– Это еще зачем? – удивился Юрка.
– Затем, что свеженадетая форма отличается от поношенной! Ты думаешь, охранник в новенькой форме щеголяет, только со склада?
Юрка почесал в затылке и вынужден был признать правоту Бондарева:
– Ну ты, блин, голова... Умный! Усё, шеф, меня уже здесь нет!
Он лихо отсалютовал и промаршировал к двери. Андрей усмехнулся, глядя ему вслед.

Из всей группы Юрка был самым легкомысленным и дурашливым. Выглядел он всегда простовато, и небритая его физиономия в российских реалиях вписывалась в любую окружающую среду, будь то сельпо в глухой провинции или казино в столице. От остальных членов группы Юрку отличало непритворное добродушие. Бондарев никак не мог понять, каким образом младшего Храпова занесло в банду Паулса. Решил, что Юрий из тех, кого всегда несет по течению. Марк подхватил его – и на берег Юрке уже не выбраться.

Его брат Василий обыкновенно бывал мрачноват и угрюм, как мужик с похмелья, но эта угрюмость могла мгновенно смениться какой-то лихой, разухабистой веселостью. Но даже когда он веселился, из глаз не пропадала злость, словно и радовался он кому-то назло.

Расслабленный Арнольд, в отличие от Юрки, привлекал к себе внимание везде, где бы ни находился. Слишком красив, ярк, настоящая редкая птица. Если его спрашивали, чем он занимается, Арнольд сообщал, что он – дизайнер, и эта профессия ему очень шла. Смотря на него, Андрей всегда удивлялся, что связывает такого человека с Паулсом.

В Марке постоянно ощущалось сильнейшее напряжение, которое изредка прорывалось, как накопившийся гной, и выплескивалось на окружающих. Этих вспышек боялись все, потому что Паулс становился неуправляем. Узкие глаза тускло сверкали на смуглом лице, губы кривились, придавая бесстрастному лицу циничное выражение, а пальцы правой руки сжимались, будто Марк тренировался с эспандером. Эти конвульсивные сжатия больше всего не нравились Андрею.

Редкие приступы ярости сменялись у Марка периодами благодушия.

Тогда он шутил, делился планами и снисходительно поучал «молодежь». В нем просыпалось обаяние, которому трудно было противостоять, и частенько в такие дни разыгрывались шулерские партии – кто кого успешнее облапошит. Победителем всегда выходил Арнольд.

– О чем задумался, умник?

Бондарев вздрогнул – бесшумно подошедший Паулс опустил руку ему на плечо.

– О глупостях... Об игре...

– Сыграть хочешь? Раскинуть картишки?

– Э-э-э, нет, – отказался Андрей. – Хочу мозги отвлечь, загрузить чем-нибудь таким, чтобы как следует расслабились. О! – Он просиял. – Марк, не дашь телефон на десять минут? Я б сыграл...

Свой собственный телефон Бондарев ухитрился утопить. Сразу за их участком начиналась болотистая низина, которую в один из скучных дней они с Юркой попытались исследовать. Телефон упал в черную жижу, та благодарно хлюпнула – и разве что не облизнулась, как сказал потом Юрка. Андрей повздыхал над пропавшим телефоном и купил новый, совсем простой.

– Не надо было житья! – подал старший Храпов осуждающий голос. – Взял дешевку!

– Сглупил... – нехотя признался Андрей. – Ну дайте телефончик!

– Опять будешь червяками баловаться...

– Ну, буду... А что такого?

В конце концов Паулс выдал ему телефон, и обрадованный Бондарев уселся в угол – резаться «в червяков». «Мальчишка мальчишкой, – подумал Марк, глядя на него. – Дурачок еще. Но мозговитый. Такую башку беречь надо».

Он ушел на кухню, а когда вернулся, Андрей уже играл на телефоне старшего Храпова, сопровождая каждую победу громкими выкриками. Затем наступил черед телефона Юрки, за ним – Арнольда. Выиграв, Андрей станцевал посреди комнаты короткий, но эффектный танец победителя червячков, и отправился спать.

– Совсем освоился пацан, – вслед ему негромко, чтобы не услышал, сказал Василий. – Можно было на дело с Саней его не привязывать.

– Потому и освоился, что привязали, – усмехнулся Марк. – Ну все, отбой! Завтра отдыхаем, ничего не делаем. Чтобы к понедельнику все были как огурчики!

Понедельник, раннее утро

Охранник по имени Шурик курил возле банка, с наслаждением выпуская струйки дыма во влажный осенний воздух. Смена только началась, его ждали часы однообразной работы, которую Шурик ненавидел, но ему и в голову не приходило сменить ее на что-нибудь другое. Кассиров и прочих работников своего банка он тихо презирал, называл «эти тетки» и для общения с ними изобрел особенный тон, который сам считал деловым: разговаривать нужно было скучающе, глядя в сторону и немного вниз. Тетки отчего-то начинали нервничать, повышали голос, и тогда Шурик демонстративно перекатывал жвачку во рту, потешаясь про себя над реакцией возмущенных женщин. Правда, такое удовольствие выпадало ему нечасто.

Курить конечно же не разрешалось, но Шурик чихал на запреты. Все чихали, и он тоже. Ничего страшного в этом тихом дворе случиться не могло, а на крайний случай у него в кобуре имелось оружие.

Шурик глубоко затынулся, поглядывая на фургончик, только что въехавший во двор. Судя по рекламе сосисок и колбас на бортах машины, фургончик должен был разгрузиться возле соседнего продуктового, но водитель перепутал дворы.

– Ну ты дурак... Развелось вас за баранкой, придурков, – посетовал охранник.

Шофер, очевидно, понял свою ошибку, потому что резко сдал назад, заехав на стоянку возле банка, и продолжал пятиться, приближаясь к подъезду. Шура со злостью выплюнул сигарету, наблюдая за его странным маневром, и вполголоса выругался.

– Нашел где разворачиваться! Проваливай отсюда!

Однако водитель, не замечая возмущенного Шурика, по-прежнему пятился, озабоченно крутя головой во все стороны. Машина подъехала почти вплотную, и охранник, шагнувший было навстречу фургону, вынужден был отскочить на крыльцо.

– Да ты офигел!.. – начал он.

И тут задние дверцы фургончика внезапно распахнулись.

Шурик не успел даже схватиться за кобуру – его втащили внутрь, ударили по голове, и последнее, что он успел почувствовать – это липкий скотч на своем лице и резкий технический запах.

Дверцы захлопнулись практически беззвучно, фургон тут же отъехал и встал в стороне под деревьями, никому не мешая. У черного входа банка он оставил двух «охранников», один из которых скользнул внутрь, а второй остался стоять на крыльце. Две неприметных легковушки одна за другой вынырнули неизвестно откуда и заняли места возле банка. Такие же

неприметные водители выскочили из них и мигом исчезли, не привлекая к себе внимания.

Двор затих.

Ровно шесть минут спустя на площадку неторопливо въехала машина инкассаторов. Шофер, обнаружив, что к банку опять никак не подъехать, беззлобно обругал сотрудников, занявших все места, и остановился в двадцати метрах от входа.

Двое инкассаторов выскочили наружу и направились к банку, как делали много раз. Все было тихо, спокойно, и ничто не нарушало привычной взгляду картинки. Охранник курил возле крыльца, прикрыв лицо от ветра, и приоткрытую дверь мотало сквозняком. В глубине виднелся второй, похоже, проверявший сигнализацию, и один из инкассаторов успел мельком удивиться тому, что на такую работу бросили не техника, а охранника.

Водитель видел, как охранник с сигаретой кивнул, небрежно глянул документы и зашел следом за ребятами в банк, прикрыв за собой дверь.

Прошла ровно минута.

Дверь распахнулась.

Из банка выскочили два охранника с сумками в руках, пересекли двор и нырнули в фургончик. В следующий миг оттуда выбросили связанного человека, и фургончик рванул с места в карьер, проскочив перед носом инкассаторской машины. Водитель последней еще ничего не успел понять, как вдруг невесть откуда взявшаяся черная «девятка» без номеров загородила проезд, а ее шофер стремительно исчез в ближайшем проходном дворе.

Все перемещения заняли три минуты.

Спустя несколько секунд из банка вывалился инкассатор, за ним второй, и тут же взревела сигнализация. Внутри вскрикнули, забегали, двор заполнился людьми, среди которых почему-то преобладали женщины.

– Деньги украли! – выкрикнул кто-то, и этот крик словно послужил сигналом к еще большей суматохе и воплям, сквозь которые тщетно пытались прорваться с вопросами инкассаторы и охранники.

Водитель инкассаторской машины невозмутимо набрал номер, по которому должен был звонить в подобных случаях, и доложил о ЧП. Закончив доклад, он посмотрел на двух женщин, приводящих в чувство бездыханного парня, взгляделся в «девятку», перегородившую проезд, оценил, как грамотно ему ограничили возможность подъехать к черному входу, и прищелкнул языком:

– Вот уроды! Умники, мать вашу!

Следователям не пришлось ломать головы, чтобы понять, как все произошло. Охранник Шура, придя в себя, показал, что в фургончике с рекламой колбасы и сосисок было четыре человека. Двое затащили его внутрь и оглушили, двое в форме охраны вышли наружу, никем не замеченные, и заняли место Шурика. Когда инкассаторы подошли к банку, первый лже-охранник не вызвал у них никаких подозрений. Поэтому они безбоязненно вошли внутрь, как делали обычно, и там в узком коридоре их встретил второй «охранник» с электрошокером в руках.

Грабители действовали молниеносно: одного инкассатора вывели из строя ударом сзади, второго – разрядом тока. Схватили сумки и скрылись, предварительно перекрыв путь любому желающему въехать и выехать. Действия банды были рассчитаны по минутам, а знание привычек охраны заставляло задуматься о том, что за банком наблюдали, и не один день.

– Записи с камер есть?

Записей с камер не было. Потому что не было и самих камер. Банк экономил на охране, к тому же никто не предполагал, что его будут грабить с черного хода.

– Не предполагали, значит? – со всей доступной ему язвительностью осведомился следователь, которому поручили дело. – А что так?

– Обычно с центрального приходят, – стеснительно объяснили ему. – Ну, руки вверх, всем лежать, это ограбление... Вы же знаете. И вообще, это не нас ограбили, а инкассаторов! Нужно было лучше деньги защищать!

– Да не им нужно было деньги защищать! – не выдержал следователь. – А вам не жадничать! И охрану нанимать нормальную, а не этих... – Он выразился в адрес охранников крайне нелестно. – Странно не то, что вас ограбили, а то, что этого не сделали раньше!

Следователь вспомнил открытую охранником Шурой дверь и в сердцах сплюнул за окно.

Оперативники работали со свидетелями, искали владельцев собак, которые могли бы запомнить номера, гуляя со своими питомцами... Но следователь догадывался, что вся эта работа – впустую. На руках была всего одна улика, в которую он вцепился как клещ, – в его практике уже был как-то раз похожий случай, и тогда улика позволила раскрутить дело до конца. Однако там он имел дело с плохо организованным убийством, а здесь – с хорошо подготовленным ограблением... «Человек пять поработало, не меньше, – подсчитал следователь. – Водила – за рулем, двое в фургоне вырубает охранника, еще двое встают у двери. Нет, один у двери, второй внутри. Правильно они решили: если бы поставили двоих снаружи, инкассаторы насторожились бы. А так они их заперли в коридоре

как в ловушке: спереди один, сзади второй».

Следователь неожиданно вышел из себя и громко рявкнул:

– Кто-нибудь скажет мне, наконец, сколько денег было в сумке? Сколько они взяли? А?!

– Десять «кислых»! – присвистнул Василий, не в силах отвести взгляд от ровных пачек, лежащих строгими рядами на столе. – Ну ничего себе! Да мы красавцы!

Юрка и Арнольд, разделявшие его мнение, довольно рассмеялись.

– Десять триста сорок! – поправил его Марк, только что закончивший подсчет. – Не надо преуменьшать наши заслуги.

Он был очень доволен. Больше десяти миллионов выручки с минимальными затратами: угон трех машин, форма, несколько недель слежки. Красиво все сделали! Не оставили ни одного трупа, не допустили ни единой ошибки. Бондарев действительно все рассчитал правильно.

Паулс взглянул на парнишку, который с торжественным видом принимал поздравления и раскланивался. Сейчас, после того как они избавились от фургона, все чувствовали себя героями, победителями! Арнольд уже откупоривал коньяк, хотя Юрка предложил не выпендриваться и разлить водки. «Пусть пошумят, – снисходительно подумал Марк. – Заслужили».

– Эй, умник! – позвал он Андрея. – А у тебя голова неплохо варит. Придумай-ка что-нибудь еще!

Бондарев мигом стал серьезным и отмахнулся от Юрки, пытавшегося водрузить ему на голову подобие венка из ободранных яблоневых веток.

– С банком?

– Почему сразу с банком? Не наш профиль. Хотя...

– Лучше с казино, – подал голос Василий. – Чего-нибудь эдакое, чего до нас еще никто не делал.

– Чего-нибудь эдакое... – повторил задумчиво Андрей.

Он шагнул в сторону, словно выходя из круга всеобщего веселья, и застыл возле окна.

Остальные члены группы переглянулись.

– Умник! – окликнул Василий. – Не зависай! Предохранители перегорят! Иди сюда, расслабься.

– Я тебе игрушку дам, червей погоняешь, – покровительственно добавил Юрка.

Бондарев продолжал молчать. Юрка пожал плечами, показывая, что сделал все от него зависящее, но тут Андрей обернулся, и в глазах его

блеснул огонек:

– А ведь, пожалуй, кое-какая идея имеется... Только нам потребуется еще один человек.

Глава 5

– Дед, я кое о чем подумала...

Ира сидела перед компьютером, сосредоточенно глядя на экран. Последнюю неделю она была какая-то притихшая, и Михаил Степанович даже несколько встревожился: «Влюбилась, что ли?» Он с тревогой замечал, что девочка взрослеет на глазах, и несмотря на обычную внешнюю уверенность, в душе чувствовал себя беспокойно.

– Почему мы совсем не используем компьютер?

Гройс едва не рассмеялся, почувствовав облегчение.

– Ты поэтому такая задумчивая? Озадачилась?

– Озадачилась, – призналась девушка.

– Почему же не используем? Если бы не сайты, на которых ты знакомилась, мы бы последнее дельце никак не смогли проверить. Все, что нужно, мы с тобой ищем в Интернете, как раньше в библиотеках искали. Очень даже используем!

Ирка нахмурилась. То, что говорил дед, было верно... но она имела в виду другое. Ирка помолчала, подыскивая слова, и постаралась объяснить:

– У тебя получается, что компьютер – это инструмент. А мне кажется, что это такое же место для нашей работы, как рынок, или квартира, или лифт... Только подумай, сколько денег перетекает между банками и клиентами! Мы могли бы...

– Не могли бы! – прервал ее Гройс. – Это совсем другая сфера, в которой ты ничего не понимаешь. Да и я тоже! Там столько технических аспектов, что только специалист может увести деньги.

Но Ирка осталась недовольна его ответом.

– Там, дед, за этими компьютерами сидят такие же люди, как и те, что ходят по улицам, – в конце концов сказала она. – Честное слово, ничем не отличаются! Значит, играть с ними можно так же, как с прочими.

– Да тебе-то откуда знать? – рассмеялся Гройс.

– Ты мне сам так говорил – что все люди в целом похожи.

– Я тебе говорил об этом, имея в виду исторический контекст! Вспомни!

– Неважно, – заупрямилась Ирка. – Это и к нынешним людям относится, современным!

Попугай, сидевший в клетке и внимательно слушавший их разговор, открыл клюв и что-то одобрительно крикнул.

– Вот и Прохор меня поддерживает!

– Прохор у нас приспособленец и подхалим, – заметил Михаил Степанович, строго покосившись на птицу. – Продался за еду.

– Прр-р-ряжа! – неожиданно выкрикнул тот, прохаживаясь по палке, и издал серию нечленораздельных, очень громких звуков.

– «Прр-р-ряжа!» – передразнил Гройс. – Абырвалг! Так и не научился толком разговаривать, красноголовый! Продался-продался, нечего тебе возразить.

Кормление попугая Ирка понемногу взяла в свои руки. Поначалу она панически боялась огромной птицы устрашающего вида, тем более что дед предупредил ее: при желании ара легко может оттяпать человеку палец. Ирка очень старалась не вызвать у Прохора такого желания.

Попугай попал к Михаилу Степановичу много лет назад. Он был в числе несчастных птиц, ввозимых контрабандой. Прохор долго пролежал связанный в тесном ящике и когда наконец был освобожден таможенниками, решительно ненавидел все человечество. Гройс тщательно ухаживал за птицей, подолгу разговаривал с ней, однако потребовалось несколько лет, чтобы попугай перестал проявлять агрессию к людям.

Зато к тому времени, когда Ирка появилась в доме Михаила Степановича, попугай в хозяйине души не чаял – как и хозяин в нем. Прохор свободно перемещался по квартире, где для него в разных местах были приколочены «жердочки» – Ирка считала, что не жердочки, а настоящие жерди. Несмотря на страх, она не могла не любоваться птицей: сочно-голубое оперение, перья на крыльях ярко-желтые, голова и грудь насыщенного красного цвета, а перышки на лбу окрашены зеленым. Радужная, невероятная птица – и не будь у попугая такого клюва, Ирка давно бы уже попробовала завести с ним дружбу.

Однако как только стало ясно, что выгонять ее из квартиры не собираются, девочка принялась постепенно завоевывать расположение красавца.

Михаил Степанович кормил питомца специальными смесями для попугаев, балуя его иногда орехами, ягодами и фруктами. Ирка посидела некоторое время на форумах любителей ара, почитала о повадках и кормлении птиц и однажды утром очень осторожно предложила Прохору овсяную кашу.

– Что это ты делаешь? – озадачился Гройс.

– Тс-с-с! Не мешай!

Старик уже приготовился спасти девчонку от рассерженного попугая, но Прохор, распробовав угощение, с удовольствием съел всю

предложенную порцию и сидел, лучась довольством, поводя влево-вправо клювом, измазанным в овсянке.

Вскоре после этого Михаил Степанович, вернувшись домой, услышал из ванной громкие крики – человека и попугая вперемешку. Вбежав в комнату, он обнаружил, что Прохор сидит на доске, перекинутой над ванной, хлопает крыльями, а Ирка поливает его сверху из душа и хохочет. Очень скоро «полив попугая» превратился в ритуал, и дважды в неделю Прохор с удовольствием купался.

– Ты, Проша, меня понимаешь! – Ирка погладила птицу по голове. – Ничего, мы еще покажем, что я права!

Ирка решила, что во Всемирной сети, как и везде, лучше всего играть на чужих недостатках. Жадность, трусость, патологическое любопытство – вот те лужайки, на которых она может выращивать свои маленькие аферы, расцветающие недолгими цветами и быстро сворачивающиеся. Девушка потратила неделю на то, чтобы разобраться в системе интернет-платежей, и за это время в голове ее сложился определенный план. На этот раз – многоходовка.

Для начала она посетила один из женских форумов, где участницы живо обсуждали свою семейную жизнь. Выбрала трех девушек, не скрывавших ни своих имен, ни имен мужей. «Пашка вчера притащил мне букет роз! – писала участница Ника Сергиенко. – Вроде и причин нет. Может, вину заглаживает? Я вот думаю: мне уже насторожиться или еще рано?»

Почтовый адрес всех троих, включая Нику Сергиенко, был указан в профайле. Ирка составила короткое письмо и разслала его по адресам, из осторожности выйдя в Сеть не из дома, а из ближайшего интернет-кафе.

В письме, стараясь подражать слогу рекламных рассылок, она написала, что фирма «Истина» предоставляет услуги по выдаче заинтересованным лицам информации о паролях, используемых их близкими и друзьями. Достаточно прислать свой логин и пароль, и с их помощью сотрудники фирмы смогут установить пароли всех, с кем вы вступаете в переписку. «Может быть, Ваш компаньон нечестен с Вами? – грозно вопрошала Ирка. – Или Вы подозреваете, что Ваши сотрудники шпионят в пользу конкурента? Или не доверяете супруге? „Истина“ поможет Вам найти ответы на все вопросы!»

Две из трех женщин откликнулись на ее письмо в тот же день, и Ирка получила логины и пароли. Она вошла в почтовые ящики обеих, внимательно изучила все письма и у Ники Сергиенко обнаружила то, что искала – переписку с банком, в котором у госпожи Сергиенко была

заведена кредитная карта.

Ирка скопировала себе письма банка и после ночи работы над ними составила собственное письмо, в котором от имени банка объясняла, что произошел системный сбой и для того чтобы счет не был заблокирован, клиенту необходимо передать все данные в центральный офис. «Вы можете сделать это лично, приехав по нижеуказанному адресу, или же ответив на это письмо», – написала она.

Расчет Ирки был прост: Ника Сергиенко ни за что не захочет ехать в банк и предпочтет переслать пароли и коды письмом. Подумав, она дописала, что клиенту необходимо оповестить банк в ближайшие двадцать четыре часа, в противном случае доступ к счету будет закрыт во избежание мошенничеств. Нажала на «отправить» и стала ждать ответа.

Но именно на финальной стадии ее впервые охватила неуверенность. «Эта женщина ни за что не пришлет мне коды и пароли. Пусть она глупая, но не настолько!»

«Прислала же она тебе пароли от собственной почты», – возражал внутренний голос, настроенный более оптимистично.

«Но теперь речь идет о деньгах, а это уже серьезно. Сергиенко обязательно посоветуется с мужем, и он объяснит ей, что письмо от банка – подделка».

Ирку ни секунды не беспокоило, что ее могут поймать. Ее волновало лишь то, что она может не справиться с заданием, которое сама на себя взяла.

Она проверяла почту каждый час. Писем не было. С каждым часом она все больше теряла надежду на ответ.

Письмо от Ники Сергиенко пришло рано утром. В нем содержались пароль и пин-код от «личного кабинета», с помощью которого можно было осуществлять все операции с деньгами, лежащими на счете.

Увидев это, Ирка не поверила своим глазам. Только теперь она поняла, насколько мало сама верила в успех своей затеи. Ее первым побуждением было немедленно перевести часть суммы на счет Гройса, но она заставила себя закрыть компьютер и успокоиться.

«Главное – не торопиться».

Она постаралась припомнить все, что читала об интернет-платежах и переводах. Выходило, что владелица счета сможет определить, куда ушли ее деньги. «Значит, если она напишет заявление, милиция быстро выйдет на деда. Нет, так не годится! Надо сделать по-другому...»

Ирке очень хотелось закончить начатое, но рассудительность взяла верх: она поняла, что оказалась на поле для игры, на котором ей

катастрофически не хватает опыта и знаний. Поэтому она пошла к деду, мирно сидевшему в кресле с книжкой Фейхтвангера, и рассказала обо всем.

Михаил Степанович долго молчал, и Ирка начала тревожиться. Неужели она все-таки что-то сделала не так?

– Дед, я писала не с домашнего компьютера, – осторожно начала она, решив, что он обеспокоен из-за возможности вычислить их по адресу.

Но старик покачал головой. Мысли его были заняты совсем другим.

«Сама придумала, что нужно сделать. Выбрала круглых дурочек, развела на интерес. Вытащила из них информацию. А ведь ей всего семнадцать исполнилось неделю назад...»

– Ириша, ты молодец, – сказал он наконец. – Ты удивительная умница.

Девушка вспыхнула и расцвела – не только от похвалы, но еще больше – от «Ириши»: Михаил Степанович прежде не обращался к ней так.

– Но ведь мне не удалось довести дело до конца, – возразила она. – Я подумала, что нужно оплатить с ее счета какой-нибудь товар, получить его, а затем вернуть или продать за наличные. Но побоялась делать это без тебя.

– Правильно побоялась, это слишком сложный путь. Все куда проще: на фальшивый паспорт ты открываешь счет, с которого потом снимаешь наличные.

– Но... у меня нет фальшивого паспорта, – с таким искренним огорчением протянула девушка, что Михаил Степанович рассмеялся.

– Тебе он пока и не нужен.

– Как же мы переведем деньги?

– Мы не будем их переводить.

Лицо у Ирки вытянулось, а Гройс невозмутимо продолжал:

– Ты осуществила самую сложную часть работы – открыла дверь в шкафчик, где лежат деньги. Нам не обязательно их брать, чтобы убедиться в том, что мы можем это сделать. И без этого понятно, что можем. Поэтому давай пока оставим их на месте.

– Но почему?

– Потому что те сто тысяч, которые мы получим, не стоят такой суеты. Считай, что я не хочу засвечивать паспорт.

Ирка, подумав, кивнула. Деньги – ерунда... Ее победа заключалась в другом – в похвале деда, в том, что она справилась!

– Надо бы отметить твой успех, – добавил Гройс, читая ее мысли. – Давай-ка выберемся куда-нибудь, а? Как ты на это смотришь?

– Ура! Хорошо смотрю! Ой, только не в кафе! – спохватилась Ира, не любившая и не понимавшая коллективных публичных приемов пищи.

– Не в кафе? Хорошо. Тогда пойдём туда, где ты сможешь посмотреть

игру.

Дверь под вывеской «Зеленый луг» им открыл швейцар, и Ире стало не по себе. Зачем они здесь? Дед настоял, чтобы она оделась просто, но теперь джинсы и рубашка казались девушке совсем неподходящей одеждой для такого места, где на входе стоят представительные швейцары с испытующим взглядом.

– Успокойся, – сказал Михаил Степанович, взяв ее под руку. – А на Сидора не обращай внимания. Он уже лет десять стоит на дежурстве и всех знает.

– На каком дежурстве? – вполголоса спросила Ирка, все-таки обернувшись на того, кого дед назвал таким смешным именем. – И почему он Сидор?

Швейцар ответил ей улыбкой и неожиданно подмигнул.

– Сидор, потому что его фамилия Сидорчук. У него прекрасная память на лица – говорят, помнит буквально всех, кто хоть раз сюда приходил. Отсеивает *нежелательных* гостей.

Гройс подчеркнул «нежелательных», и Ирка забеспокоилась:

– А мы? Мы-то с тобой какие?

Михаил Степанович только усмехнулся:

– Пойдем. Сперва присмотримся, а там и сыграть можно.

Над зелеными бильярдными столами поднимался сигаретный дым. Курили, заметила Ирка, не игроки, а зрители. Разговаривали здесь вполголоса. То и дело раздавались оглушительно громкие удары. В клубе были и студенты, толпившиеся большими компаниями вокруг двух столов, и женщины, игравшие подчеркнуто сосредоточенно, но больше всего было мужчин средних лет, скромно одетых. Ирка тут же перестала стесняться своих джинсов и рубашки, тем более, что никто не обращал на них с дедом внимания – все были увлечены партиями.

Гройс протиснулся к столу, за которым играли двое мужчин столь разительно отличавшейся наружности, что они не могли не привлечь внимания. Первый – низенький, толстый, почти колобок, гримасничающий и размахивающий руками. Черные глаза его живо блестели, и весь он был живой, подскакивающий, как мячик, и суетливый. Второй – настоящий викинг: высокий, белокурый, с красивым загорелым лицом. Этот выглядел спокойным и невозмутимым, говорил мало, держался так, словно вокруг не было ни одного зрителя. Но на подошедшую девушку бросил молниеносный изучающий взгляд, словно прострелил, и так же быстро осмотрел Михаила Степановича. «Все он замечает, – подумала Ирка. –

Только притворяется».

Викинг склонился над сукном, примеряясь ударить.

– Играй прямого клапштоссом! – громко посоветовал кто-то.

– Оттяжкой его, оттяжкой... – пробормотали около Ирки.

Викинг ударил, и шар влетел в лузу. Колобок страдальчески схватился за голову и изобразил на лице отчаяние.

– Дед, зачем он гримасничает? – шепотом спросила девушка. – Я же вижу, что он играет на публику. Для чего?

– Дурачком прикидывается. Это – Беня Фельдман, известная личность. Странно, что его сюда пустили.

– А кто второй?

– Имени не помню, но он – шпилевой. Таких еще жуками называют. Но не хастлер, нет. Ты их не путай.

– Как же я их спутаю, если не знаю, кто они такие? – рассмеялась Ира. – Расскажешь?

– Пойдем-ка...

Они выбрались из толпы зрителей, окруживших соперников плотным кольцом, и Гройс отвел девушку за столик в отдалении, из-за которого они могли наблюдать за игроками.

– Хастлер – это бильярдный мошенник, – пояснил он, делая знак официанту. – Словечко нынешнее, а в мое время таких называли *чесало*. Он разводит других на игру, притворяется, что сам играет плохо, и в конце концов обыгрывает всех. А шпилевой – просто очень сильный игрок. Не спортсмен, любитель. Но такие любители зачастую играют почище профессионалов.

Подошел официант, и Михаил Степанович, не глядя в меню, заказал салаты и для себя – коньяка, а для Ирки – слабенький коктейль.

– Должно быть, Беня сейчас играет честно, а раньше за ним много грешков водилось.

Ирка задумалась. Кое-что оставалось неясным.

– Дед, а как можно жульничать в бильярд? – неуверенно спросила она. – Это же не карты, тут шары не подменишь и крапленный стол с собой носить не будешь.

– Стол можно подменить, – усмехнулся старик и в ответ на недоуменный взгляд девочки пояснил: – На мокром и на сухом сукне шар катится по-разному. Опытный игрок это всегда учтет, а то и сам случайно пиво прольет в таком месте, где заказать другой стол ну никак не получается. Раньше, говорят, могли смазать кий соперника салом, чтобы скользил, проскакивал. Еще, бывает, передвигают шар перед ударом –

ставят на более выигрышную позицию. Тут уже чистая ловкость рук: как бы случайно кием его коснуться или обшлагом рукава, который слишком сильно накрахмален... Но это все так, ерунда, приемчики, а самое главное, как и везде, – понимать человека, с которым играешь. Хастлер должен уметь любого игрока вывести из себя: взволновался, занервничал – хуже играешь, мажешь мимо лузы. Под руку сказал – сбил человека с удара. Фельдман самый настоящий хастлер, оттого и все его ужимки.

Он поискал глазами по залу, указал подбородком:

– Вон, видишь того студентика?

Ирка присмотрелась. Неподалеку от них, прислонившись к стене, стоял высокий, хорошо одетый молодой человек с породистым лицом и с высокомерной усмешкой наблюдал за игрой.

– Смотрит, губы кривит, – продолжал Михаил Степанович, – гадает, зачем блондин с таким шутком гороховым связался. А сам простой вещи не понимает: Беня – артист, он не просто играет, а почву для будущих дел готовит. Сейчас он красавцу проиграет, а в следующей партии студента разведет на хорошие деньги и обдерет как липку. Видишь, как выгодно ему казаться шутком?

– А этот, шпилевой? – заинтересованно спросила Ира, переведя взгляд на викинга.

– А что он? Сейчас сделает партию – и исчезнет до следующего раза. Хотя...

Гройс прищурился, глядя на второго игрока.

– Что-то меня смущает в этом красавце, – пробормотал он. – Но что – не пойму. Вроде бы честный игрок, и раньше я его где-то встречал, а вот поди ж ты! Ей-богу, ни за какие коврижки не стал бы сейчас с ним играть, даже будь я Беня. Эх, старость, память плохая. Да и бог с ним! Хочешь шары покатать? Из меня, конечно, игрок средненький, но пару уроков дать могу.

Ирка с воодушевлением согласилась. Они пошли искать стол и не видели, каким внимательным взглядом проводил их «викинг».

Домой возвращались около десяти, шли пешком по теплым улицам, и Михаил Степанович всю дорогу травил байки про бильярдистов. Он чувствовал себя в ударе. Ирка смеялась, не верила, и старик, нарочито горячась, убеждал, что все истинная правда, все так и было.

Они поднялись пешком до седьмого этажа – Гройс не признавал лифтов и приучил Ирку ходить по лестнице. На площадке стоял человек, увидев которого, девушка замерла и вцепилась в руку старика. А потом

отпустила.

– Здравствуй, Ирина, – сказала ее мать, повернувшись и убрав руку с кнопки звонка. Со стариком она не поздоровалась, словно его здесь не было.

– Мам... – Ирка не двинулась с места. – Что ты здесь делаешь?

– Тебя жду. Хватит по чужим квартирам шататься, пойдем домой.

Михаил Степанович усмехнулся:

– Что-то ты, Валя, поздно спохватилась о чужих квартирах. Ириша у меня с той весны живет.

– Вот пожила – и будет, – сухо сказала мать, сверкнув на него черными глазами. Посмотрела на девушку, и голос ее смягчился: – Ирин, я виновата. Ну прости! Возвращайся, не вороти нос от родного человека. А то уже и между соседями пошли сплетни, и тетя Света спрашивает, куда ты пропала... Не по-людски получается.

– А как же... – голос девушки дрогнул, – а как же дядя Вова? Хочешь, чтобы мы с ним помирились?

– Я его выгнала. Нету его больше и никогда не будет. Пойдем, Ирин...

Валентина не смотрела на старика, но он кожей ощущал исходящую от нее враждебность. «До чего красивая баба, – против воли подумал Гройс. – Заберет ведь у меня девчонку, стерва...»

Михаил Степанович внезапно почувствовал, что ему необходимо опереться о палку. Он представил, что девочка сейчас согласится, повернется к нему, и взгляд у нее будет извиняющийся, а он понимающе кивнет и еще скажет что-нибудь шутливое напоследок. Она, конечно, будет заходить каждый день... поначалу... а потом реже, потом еще реже...

Он не мог ее отпустить. Он слишком много вложил в нее, черт возьми! Кажется, совсем немного времени прошло с тех пор, как он подобрал хнычущего оборвыша, а сегодня на нее уже оборачивались мужчины в бильярдном клубе! Она поумнела, повзрослела, она даже двигаться стала иначе! Он все в ней изменил, все! Она не смеет его оставлять.

Ирка наконец посмотрела на него. Взгляд у нее был не извиняющийся, а затравленный.

«Бедная девочка! Что же я на нее взваливаю...»

– Ириша, – мягко сказал Михаил Степанович Гройс. – Ты иди. Забежишь завтра, искупаем Прохора. Иди, дружок.

Она стояла, и он подтолкнул ее к матери.

– Иди, – повторил он. – Вещички свои потом заберешь.

Ирка обернулась к старику, снова посмотрела на мать.

– Вещички мы сейчас заберем, – поправила Валентина. – Так оно всем

спокойнее будет. Правильно, Ир?

Она не хотела ничего оставлять в квартире Гройса, ни одной тряпочки, ни одной шмотки, за которой дочь потом могла бы вернуться. Будь ее воля, она и самого старика отправила бы куда-нибудь подальше... Старая сволочь, гнида! Едва не украл у нее ребенка!

– Извини, мам, – сказала Ирка, отступая на шаг назад. – Я... я не могу. Ты иди, а я останусь.

– Где останешься? – глупо спросила мать.

– Здесь. С дедушкой.

– С дедушкой? – переспросила Валентина, не сразу понимая. И тут до нее дошло, о ком говорит ее дочь. – Ах, с дедушкой! – зловеще повторила она.

Ее мирный всепрощенческий настрой мигом испарился. Она унизилась, пошла к дочери, которая за все это время ни разу не соизволила позвонить, настроилась привести ее домой как заблудшую овечку... И что же? Вместо того чтобы припасть к матери и расплакаться, Ирка заявляет ей, что останется! Стоит перед ней, сама на себя не похожая, – морда бледная, глаза темные, – и упрямится.

Валентину охватила злость, тем более сильная, что она отлично представляла себе последствия невозвращения Ирки. По дому и так ходят слухи, а одна из соседок, грубая старуха, при встрече прямо спросила Валентину, куда пропала ее дочь. Куда-куда... Не их дело! Валька врала, что Ирка поехала погостить к родственнику, но вранье это работало до поры до времени – всем понятно, что по году у родственников, даже самых любимых, не гостят.

Конечно, на сплетни можно было бы наплевать... Но Валентина относилась к людям, которые принимают мнение окружающих близко к сердцу. К тому же после побега Ирки ей пришлось взвалить на себя домашние дела, а Валя чистосердечно полагала, что это неправильно: негоже ей, работающей женщине, ползать по дому с тряпкой при наличии почти взрослой дочери. Был у нее и еще один тайный расчет. После расставания с Владимиром у Валентины начались не самые лучшие времена. Денег не хватало. Доходы дочери могли стать палочкой-выручалочкой, а по слухам, Ирка зарабатывала неплохо. Правда, Валя не знала, как именно, но ее это не слишком интересовало.

– Пойдем! – Она ухватила Ирку под локоть. Черт с ними, с вещами, потом сама приедет и заберет их.

Но девушка, к изумлению Вали, вырвалась:

– Мама, я не пойду!

Валентина уставилась на нее, не веря своим глазам. Но Ирка вскинула подбородок, крепко сжала губы, и стало ясно, что утащить ее от Гройса будет невозможно – ни уговорами, ни силой.

– Вот оно как... – протянула Валька. – Нашла, значит, себе родственничка! Решила вольной жизнью пожить, так? Школу закончила, в институт не поступила – и гуляй душа! Раз матери нет, значит, все можно?

Пронзительный ее голос уже разносился по подъезду.

– Бросила мать, продала? Нечего, нечего глаза отводить! Продала – за деньги, за свободу, за пьянки-гулянки!

Ирка хотела возразить, потому что дед молчал, только почему-то прислонился к стене, когда она сказала про дедушку, но Валентина не дала ей вставить ни слова:

– Ты хоть знаешь, дура, с кем связалась? Я жалела тебя, молчала! Но теперь-то все скажу. Ты, «дедушка», – издевательски обратилась она к Гройсу, – наверное, внушеньке не рассказал о том, за что под следствием ходил. Так расскажи, сделай милость! Пусть знает, с кем живет!

Девушка пожала плечами, но мать не обратила на это внимания.

– Расскажи, расскажи, – настаивала она. – Пусть знает, что ты человека убил!

– Что?! – вырвалось у Ирки.

– Не знала? Как же так? Ай-яй-яй... Не боишься, что он и тебя прирежет ночью?

– А ну хватит! – Гройс шагнул вперед, и Валентина осеклась. Женщина она была храбрая, наглая и не боялась в жизни ни одного мужчины. Но во взгляде старика было что-то такое, что заставило ее замолчать.

– Пойдем, Ириша, – сказал Михаил Степанович.

Валентина посторонилась, и старик неторопливо отпер дверь. Пока он возился с ключами, никто не проронил ни слова. Они вошли, и Гройс закрыл дверь на засов, как делал всегда.

– Что-то мне ужинать хочется, – сказал он, разуваясь. – Давай-ка, дружок, на кухню.

Ирка поставила на стол тарелку каши и уселась с чашкой чая напротив Михаила Степановича. Тот неторопливо ел, со стариковской методичностью выкладывая на край тарелки кусочки тыквы – Ирка прекрасно варила пшеничную кашу с тыквой, и он любил съедать ее в самом конце, оставляя «на вкусненькое».

– Дед, – спросила Ирка, – за что ты его убил?

Старик хмыкнул.

– Почему же сразу «его»? Может, я уколошил жену?

Девушка поразмыслила немного и неуверенно сказала:

– Ты не был женат.

– Причина, – согласился Гройс.

И принялся молча доедать кашу. Ирка сидела, болтала ложкой в чашке, где не было сахара, но вопросов больше не задавала. Старик доел, но вставать из-за стола не торопился.

– Права ты, Ириша, – сказал он наконец. – Мужика я убил. На бабу рука бы не поднялась. Уже больше пятнадцати лет прошло.

Ирка встала, заварила сладкий чай в стакане и поставила перед Гройсом.

– У меня тогда был удачный год, несколько неплохих дел... Я был, если со стороны посмотреть, богатый человек с деньгами. Куда я с ними пошел? Конечно же в катран. Так раньше называли все подпольные казино. Мой катран находился на одной известной квартире. Известной среди знающих людей, обычных-то человечков там и не бывало. Проигрался я, понятное дело, в пух и прах – мне в азартных играх отродясь не везло. Но дело не в этом.

Со мной вместе за одним столом играли двое, и чем больше я на них смотрел, тем больше мне казалось, что игра у них идет не простая. Делали вид, будто только что за столом познакомились, но вот что-то мне в их беседе не нравилось. Показалось, что они друг друга знают куда лучше, чем хотят показать. И повадки у них были непонятные: то ли опытные игроки, косящие под блатных, то ли в самом деле блатные. Я тогда счел за лучшее уйти от греха подальше, нюху доверился. До сих пор не знаю, правильно сделал или нет. Но перед тем как уйти, шепнул пару слов хозяину квартирки – настоящему хозяину, который вел всю игру. Мы с Гришей не прятельствовали, но он меня пару раз выручал, и я не мог уйти просто так, ничего ему не сказав. Ну он и раскатал этих двоих...

– Что значит «раскатал»? – нахмурилась девушка. – Убил?

– Бог с тобой! Нет, зачем убивать? Он отпустил их с выигрышем, затем дождался возвращения и посадил к ним за стол такого артиста, который десять минут поглядывал на этих приятелей, а затем с точностью до минуты сказал ему, что они делали за столом.

– А зачем артист? Не проще было подключить видеокамеру?

– Запись с камеры должен смотреть специалист, профан ничего не поймет. А Гриша хотел не просто вывести своих гостей на чистую воду, но и выгоду поиметь. Как только стало ясно, что прибыли какие-то игроки

залетные, наглые, правил в чужом доме не соблюдающие, так их тут же и подстригли.

– Обыграли? – понимающе спросила Ирка.

– Не просто обыграли, а раздели догола. Пять человек сидели за столом, из них трое были шулера такого класса, до которого тем двоим еще расти и расти! Гриша решил проучить чужаков и не поскупился. Причем развели их по старинке: двое «подсадных» прикинулись азартными неумехами, которых обыграть – раз плюнуть, а третий – опытным, но не слишком. Ну, та парочка и купилась.

Старик начал мелкими глоточками отпивать остывший чай, погружившись в задумчивость.

– А что потом? – не выдержала Ирка.

– Они ушли, но спустя несколько дней решили вернуться, чтобы отыграться. Тут уже Гриша их не пустил! Не удержался, дал понять пришлым, что их красиво сделали. Я бы на его месте тоже не удержался, наверное. Эти двое исчезли, будто вода в песок ушла, и полгода о них никто ничего не слышал. А потом – на тебе! – встречаю одного, который помладше, в другом казино – на этот раз самом настоящем. Я его сразу узнал, он меня тоже, но виду оба не подали. Я, как и тогда, проигрался, только теперь уже в рулетку, и решил уходить.

Михаил Степанович вздохнул и признался:

– Ума мне не хватило, да и осторожности тоже. Не подумал, что шулер может такую злобу затаить. Картежники – народ особый, среди них совсем отморозенные попадают редко. Как он узнал, что это именно я их выдал – ума не приложу! Но как-то узнал...

– Что он сделал?

– Проводил меня до подъезда – и ведь качественно проводил, я ничего не заметил, – а когда я вошел, дверцу придержал, скользнул за мной и давай душить. Крепкий он был, здоровый, вцепился, как питбуль. И убивал он меня, Ириша, деловито, но не без удовольствия.

Старик снова замолчал.

– Как же ты с ним справился? – осторожно спросила девушка.

Гройс невесело усмехнулся:

– Батарейка помогла. Перевалил я его через себя, и вошел он головой в железяку. Я только хруст услышал. Пока лежал, приходил в себя, сосед-собачник вывел гулять своего пуделя и наткнулся на нас. Он же и ментов вызвал. Ну а потом все просто – следствие, суд, признали необходимую самооборону. Вот так вот.

– А тот, второй? С которым он играл?

– Второго я больше не видел, и в деле он не фигурировал. Как раз тогда я и начал с палкой ходить – на всякий случай. Имелся у меня один знакомый, и годик мы с ним позанимались. Потом уж я сам... Было время, я себе даже хитрую палочку заказал: пустая, а внутри длинное острие. Кнопку потайную на ручке нажал – оно выдвинулось. Но потом я эту палочку убрал подальше в кладовку, а себе купил простую.

– Почему?

Старик посмотрел на Ирку исподлобья.

– Чем опаснее твое оружие, тем сильнее твой страх, – сказал он. – Объяснять не буду, сама поймешь.

Глава 6

Десять месяцев спустя

В городе Воронеже на тихой улочке, находившейся, однако, недалеко от центра, стоял скромный двухэтажный домик. Первый этаж его давным-давно сдавался под офисы и всякого рода магазинчики, но ни один из них почему-то не задерживался надолго в двух маленьких комнатках с закопченными стеклами. Если временные хозяева меняли окна, ставя чистенькие стеклопакеты, спустя короткое время те все равно становились черными. И даже уборщицы говорили: ставь – не ставь, мой – не мой, все бесполезно. Правда, у некоторых возникало подозрение, что уборщицы таким нехитрым образом находили оправдание своей бездеятельности, но эти некоторые держали свои подозрения при себе. Поскольку даже посредственную уборщицу в городе Воронеже найти было отчего-то непросто, а уж о хорошей и мечтать не приходилось. В этом-то домике над закопченными окошками и появилась в начале мая скромная вывеска: «Гладиолусы. Продажа луковиц». Окрестные жители и те, кто проходил мимо, заглянув внутрь, обнаруживали в ближней комнатке широкий стол, на котором стояли ящики с желтыми луковичками, а в дальней – большие ящики, проложенные газетами.

На столе красовался ценник: одна луковица – шестьдесят рублей.

При взгляде на ценник окрестные жители, а также те, кто просто проходил мимо, теряли дар речи и округляли глаза. Потому что на соседнем рынке, где в любой день можно было купить рассаду, точно такие же луковицы продавали по три рубля, или по два, если брать оптом.

За столиком сидел благообразного вида старичок с бородкой, перед ним лежал солидных размеров калькулятор. Возле ящиков постоянно находилась рыжая деваха: что-то раскладывала, проветривала – в общем, суежилась.

Скептически настроенные жители, усмехаясь, осведомлялись у старичка, в чем причина такой высокой стоимости его товара. Они ожидали услышать в ответ, что это уникальный голландский сорт, или что луковицы невероятно легко прорастают, или цветут три месяца подряд, начиная с декабря, или еще что-нибудь, позволившее бы легко высмеять старичка с его никому не нужной голландской диковинкой. Потому что какая бы ни была диковинка, но стоит шестьдесят рублей, когда через дорогу за нее просят три, она не может.

Свой вопрос жители, будто сговорившись, задавали довольно язвительным тоном, который, пожалуй, мог бы и обидеть другого, менее благодушно настроенного человека. Однако старичок не обижался. Он подробно объяснял всем интересующимся, что луковки продаются не просто так.

– Когда вы прорастите их и доведете до десяти сантиметров в высоту, мы примем у вас всю рассаду обратно. Будем брать по сто рублей штука.

И с этими словами продавец указывал на вторую табличку, не замеченную посетителями. Надпись на ней гласила: «росток – 100 руб.».

На изумленный вопрос, зачем это нужно, старичок рассказывал, что его прислала сюда фармацевтическая фирма, которая занимается извлечением разных полезных веществ из проращенных гладиолусов. Потом из этих веществ производят дорогие лекарства. Однако фирме невыгодно самой выращивать цветы – проще и дешевле платить наемным работникам, чтобы они занимались этим несложным делом. Вот поэтому-то и сидит их представитель в маленьком домике, а в других городах сидят другие представители, и все они продают луковки по шестьдесят рублей в надежде на то, что вскоре им вернут уже не луковки, а ростки, за каждый из которых они честно заплатят по сто рублей.

– У меня вон и помощница есть, – показывал продавец на рыжеволосую деваху. – Готовит, так сказать, почву для рассады. В прямом и переносном смысле. Размещает рекламу, общается с прессой... Ну, и удобрение раскладывает по ящикам.

Реклама и в самом деле была: в нескольких передачах на местном телевидении прошла бегущая строка, а еженедельная газетка «Труды садовода» поместила на последней странице заказную статью о выгодной покупке.

Несмотря на это, садоводы Воронежа с осторожностью отнеслись к заманчивому предложению. Лишь немногие из них пошли на покупку дорогуших луковок, вырастили их до требуемых десяти сантиметров и понесли обратно в магазинчик, пугаясь собственной отчаянной храбрости.

Старичок осмотрел зеленые листочки, скрученные в тугую палочку, забраковал пару ростков по причине желтизны и недостаточного роста, а за остальные немедленно заплатил: вытащил из ящика крепкую пачку денег, перетянутую красной бухгалтерской резинкой, и отсчитал требуемую сумму. Чем поверг бывших покупателей, а теперь продавцов, в трепет.

Потому что это что же получалось? На выращивании двадцати луковиц, которым не требовалось ничего, кроме воды, можно было заработать восемьсот рублей. На выращивании сорока, которым

требовалось воды в два раза больше, уже тысячу шестьсот! А уж если взять сто... Разум немел перед перспективами.

По городу Воронежу полетели новости «сарафанного радио». А вслед за ними к старичку и его помощнице слетелись, подобно мотылькам, садоводы, желающие принять участие в развитии современной фармацевтической промышленности. Они горстями скупали луковицы гладиолусов, ласково именуемые детками, и подробнейшим образом выспрашивали, как должен выглядеть готовый росток.

Вскоре эти же садоводы понесли обратно проросшие гладиолусы. Несколько недоверчиво они смотрели, как старичок отсчитывает деньги из пачки с красной резинкой. Девушка ловко принимала коробки с цветами, уносила их в дальнюю комнатку, сортировала по какому-то ей одной известному принципу и время от времени звонила по телефону и уточняла, как именно нужно обработать готовый продукт и когда придет машина.

И тогда начался обвал. Воронежцы бросились раскупать луковицы, и вскоре старичок был вынужден заказать новую партию товара, а за ней и еще одну. Было распродано невероятное количество гладиолусов, и на всех подоконниках, на всех столах, шкафчиках и комодах расположились жизнерадостные зеленые клювики, вытеснив пахучую помидорную рассаду и унылые огуречные плети.

Наступил конец мая, и радостные садоводы, первыми сумевшие вырастить стебель нужной высоты, отправились получать заработанные деньги. Однако магазинчик оказался закрыт. Сквозь закопченные стекла взволнованные жители разглядели, что внутри все осталось так же, как было: стол, стул, даже калькулятор валялся, забытый или брошенный владельцем. Не хватало только старичка с его рыжей помощницей.

Самые оптимистичные энтузиасты выращивания гладиолусов предположили, что старикашка уехал за новым товаром. Однако их надежда была растоптана, когда кто-то из наблюдательных людей заметил и сообщил остальным: «Вывеска-то тю-тю!» Что в переводе означало исчезновение вышеупомянутой вывески.

И это была чистая правда. Продавец бесследно скрылся, оставив садоводов с ростками, которых хватило бы, чтобы засадить по периметру весь Воронеж.

Михаил Степанович Гройс вернулся из этой поездки несколько более состоятельным человеком, чем уезжал. Ирка вернулась несколько более осведомленной о разведении гладиолусов, чем ей хотелось бы. Но один цветок она все-таки вырастила на балконе. К сентябрю он распустился белыми лепестками с алой сердцевинкой и простоял до октябрьских дождей.

– Около двадцати процентов людей легко внушаемы, – сказал утром Михаил Степанович, крутя свою трость. Ежедневно он посвящал этому четверть часа: выпады, удары, уколы, словно рапирой. – Это значит, что каждый шестой, а то и пятый, подходит для твоих целей. Запомни, Ирка: около двадцати процентов!

Он остановился, выдохнул и отложил трость в сторону.

Девушка оторвала глаза от учебника. Они с дедом решили, что на следующий год она будет поступать в институт, и теперь Ирка усиленно занималась.

– Прр-р-роцент! – поддакнул Прохор из-за решетки.

Он был наказан за уничтожение стула, которому в припадке ненависти к мебели разбил клювом гнутую спинку, и теперь сидел в клетке.

– Молчи, чудовище, – укоризненно сказала ему Ирка. – Такой стул испортил.

Попугай нахохлился и прикрыл глаза.

Девушка выжидающе смотрела на старика. Она догадывалась, что о целях и внушаемости было сказано не просто так.

– Я хочу тебя кое-чему научить, потому что тебе не хватает одного полезного навыка, – продолжал Михаил Степанович. – Если получится. Потому что получается не у всех.

– Чему же? – Ирка почувствовала себя несколько уязвленной.

– В Воронеже я заметил, что ты побаиваешься большого скопления народа. И хуже работаешь.

Крыть Ирке было нечем – старик сказал чистую правду. Когда к ним в комнатку первый раз набились покупатели, она испугалась. Не самой толпы, а того, что все эти люди сейчас разоблачат их и разгромят маленький магазинчик. Она сама не могла бы объяснить причин своей робости, но стала плохо соображать, сделала две ошибки, и Гройс вынужден был прикрикнуть на нее, чтобы девушка взяла себя в руки.

– Ты не понимаешь одной важной вещи, – тем временем размеренно говорил Михаил Степанович. – Толпа – это твой союзник. Чем больше людей, тем лучше для тебя, потому что толпа внушаема в целом и в частности.

– Что значит в частности?

– Это значит, что отдельно взятый, выдернутый из толпы человек будет легче поддаваться твоему внушению, чем он же, в одиночку гуляющий в парке.

На Иркином лице отразилось отчетливое сомнение.

– Именно так! – заверил ее Гройс. – И есть люди, которые отлично используют это в своей работе. У них нам с тобой – а точнее, тебе – и предстоит поучиться.

– И кто же эти люди? – подозрительно спросила девушка.

– Цыгане.

Ирка и Михаил Степанович сидели в чебуречной возле рынка. В Иркиной руке истекал масляным соком горячий чебурек – пухлый, золотистый, до невозможности ароматный. Звенел трамвай, собирающий старушек и озабоченных женщин с необъятными сумками, кричали смуглые мальчишки, драчливые отпрыски торговцев, а между старушками и мальчишками лавировали люди с портфелями: неподалеку возвышались несколько офисных зданий, и сотрудники срезали путь через рыночную площадь.

Михаил Степанович выбрал столик не в кафе, а на улице, под навесом. С их места улица была видна как на ладони. В стороне от трамвайной остановки, на скамейке которой вольготно расположился нищенского вида мужичонка, на парапете возле рынка шумели цыганки. Их было восемь или девять, возле подола одной крутились двое ребятишек. Часть женщин курила, сидя на парапете, другие стояли перед ними и о чем-то громко трещали, размахивая руками.

– Видишь вот того гражданина непрезентабельной внешности? – спросил Михаил Степанович, кивая в сторону остановки. – Это – «жучка», то есть сторожевой. Если вдруг появится чужой наряд, он подаст знак, а то и отвлечет.

– В каком смысле «чужой наряд»?

– Ну, своя-то милиция тут прикормлена, от нее сюрпризов ждать не приходится. Но вдруг рейд какой случится? Чужаки придут... Вот на этот случай сидит «жучка», чтобы гавкнуть по тревоге и дать цыганкам время уйти.

– Но они же не делают ничего противозаконного...

– Пока не делают, – согласился Гройс. – А теперь смотри внимательно.

Из трамвая вышла женщина лет сорока в старомодной юбке и кофточке. Ее светлые волосы были убраны в учительский пучок, из которого выбивались пряди. Мягкое, беззащитное лицо, растерянный взгляд, устремленный сквозь толпу... Две цыганки, словно по сигналу, поднялись и направились к ней, третья, пожилая, поспешно ковыляла за ними.

– Этап первый – правильный выбор, – прокомментировал старик. – Видишь, кого они зацепили из всей толпы? Во-первых, женщину, причем

правильного возраста. Лучше всех внушению поддаются молоденькие девушки вроде тебя и те, кому за сорок. У них возраст, семья, проблемы, муж загулял, у ребенка двойка в школе... А вот стариков и мужчин цыганки стараются обходить подальше. Правда, не всех.

Первая цыганка подлетела к женщине, прикоснулась к ней. Та остановилась, растерянно взглянула на цыганку и что-то сказала.

– Они выбирают человека, который погружен в себя, – продолжал Гройс. – Идет, задумавшись, – значит, готовый клиент. Можешь быть уверена, что денег у нее не просят, – боятся спугнуть. Наверняка спрашивают, как пройти куда-то, и она им сейчас покажет дорогу.

Будто следуя его приказу, жертва обернулась, махнула рукой назад и собиралась продолжать путь. Но не тут-то было: путь ей преградила вторая цыганка. Она не мешала женщине идти, но явно что-то спрашивала, уточняла, и та оставалась на месте.

– Второй этап. Сейчас, не сомневайся, они задают ей вопросы. Обязательно такие, чтобы она отвечала утвердительно. Первый вопрос – невинный, например: «Красавица, в какой стороне вокзал?» Второй – более личный, вроде: «Это у тебя обручальное колечко, родная?» Им нужно, чтобы она три раза сказала «да», поэтому могут спрашивать всякую ерунду, глупости.

– Зачем «да»? – напряженно спросила Ирка.

– Нынче это называется «манипуляция сознанием». А бабка моя говорила: «Три раза согласный – на все согласный». Человек расслабляется, ему легче принять то, что вызывает сомнения.

Пока он говорил, к растерянной женщине подошла третья цыганка, сперва дотронулась до ее правой руки, а затем бесцеремонно взяла за левую руку и принялась смотреть ладонь.

– Втроем работают, но это они от скуки. Обычно двоих хватает. Одна в одно ухо, другая в другое – чистая стереосистема получается. Они *перегружают* ее сознание. Если человек восприимчивый, то может впасть в подобие транса. Может, ты слышала – некоторые жертвы цыганок потом говорят, что не могут вспомнить, как отдали деньги.

Ирка кивнула, не сводя глаз с разворачивающегося на площади действия.

– Сейчас запутают ее. Думаешь, почему голоса громкие и юбки яркие? Не только для красоты. Когда такая карусель перед глазами, труднее соображать.

Ирка и сама видела, как закрутились-завертелись цыганки. Одна погладила женщину по руке, вторая прикоснулась к ее уху. Женщина

непроизвольно отшатнулась, и третья тут же выдернула у нее волосок.

– Дед, а это зачем?

– Сначала болтовня, заговаривают ей зубы, потом трогать начинают. Видела, как третья за руку ее схватила? Заметь – всегда трогают за правую, за левую никогда. И не грубо лапают, а поначалу мягонько, едва-едва.

– Отвлекают внимание?

– Не только. Если человек разрешил к себе прикоснуться, считай, что цыганка наполовину вошла к нему в доверие. Потому что это жест, который подсознательно разрешен только «своим», так же, как по голове погладить.

Ирка смотрела на цыганок во все глаза. Старшая, вырвавшая волосок, в чем-то горячо убеждала женщину, и лицо у той стало перепуганным.

– Третий этап, – заметил Михаил Степанович. – Сперва привлекли внимание, заставили себя слушать, притворились «своими», а теперь огорошили ее, бедную. Так, чтобы с места не сошла.

– Откуда ты знаешь? Ты же их не слышишь! Что они ей сказали? – выпалила Ирка без остановки.

Гройс улыбнулся ее горячности:

– Здесь и слышать нечего. Цыганки – тетки с ленивым умом, всегда работают по старинке, по шаблону. Для каждого «клиента» у них свои крючки заготовлены. Девушке скажут, что у нее любви никогда не будет, потому что порчу навели, женщине постарше – что вскоре у нее ребенок заболит или муж умрет. Ни одна после таких слов не уйдет.

– Ужас какой, – содрогнулась Ирка. – Я бы тоже не ушла.

Старик бросил на нее внимательный взгляд.

– Вот и эта стоит, уши развесила. А ей говорят, что порчу можно снять, если она отдаст этим красавицам то, что ей принадлежит. Например, маленькую монетку. А за монеткой – другая, а за ней – купюра, а там и до золотишка дело дойдет. Гляди внимательно...

Женщина, будто замороженная, полезла в сумку. Две цыганки вились вокруг, третья что-то говорила, наклонившись к ее лицу.

И тут случилось то, что оборвало спектакль. Немолодой мужчина, целеустремленно продвигавшийся сквозь толпу, увидел происходящее, приостановился, а затем с удвоенной скоростью ринулся к жертве, достававшей из сумки кошелек. Схватив женщину за руку, он поволок ее за собой, не обращая внимания на вопли цыганок. Те покричали ему в спину и лениво вернулись на свой пост, словно ничего и не произошло.

Ирка и Михаил Степанович проводили взглядами неожиданного спасителя. Он торопливо пересек площадь, ведя за собой подопечную, у поворота отпустил ее, что-то бросив на прощание, и исчез в переулке.

– Повезло, – покачав головой, констатировал Гройс. – Не смог человек пройти мимо, решил помочь. Должно быть, сам уже имел дело с цыганами. Или жену обобрали, вот он и не стал спокойно смотреть, как среди бела дня человека раздевают.

– Может быть, это ее знакомый.

– Э, нет! Знакомый вел бы себя иначе. Он бы сперва остановился, потом пригляделся, потом узнал: «Ба! Да это ж наша Ольга Владимировна!» – а уж потом подошел бы, не торопясь, поскольку не был бы уверен – стоит ему лезть или нет.

– А почему цыганки не идут за ней? – спросила Ирка, приподнимаясь и вертя головой в поисках мошенниц. – Видишь, она стоит, приходит в себя... Могли бы еще раз попробовать.

– Не станут, – отмахнулся Гройс. – Если сразу не получилось, к этой дурынде они больше не сунутся. Разве что по ошибке.

Он откинулся на спинку стула, с аппетитом доедая остатки остывшего чебурека. Ирка сидела с озадаченным видом. Работа цыганок произвела на нее сильное впечатление. И оставила неприятное ощущение.

– Ты, Ириша, главное, помни, что все это просто набор фокусов, – посоветовал старик. – Я потому тебя сюда и привел, чтобы ты посмотрела, коечто взяла на заметку, чем-то научилась пользоваться.

– Ничего себе – набор фокусов! А что же говорят о цыганском гипнозе?

– Бред это все, – отмахнулся Михаил Степанович. – Нет никакого цыганского гипноза. Сами же цыгане эти слухи и распускают, чтобы их сильнее боялись. Ты сейчас это на себе проверишь.

– Как?

– Да очень просто. Иди к ним и сделай так, чтобы тебя взяли в оборот.

Ирка застыла в нерешительности.

– Давай-давай, ступай, – подбодрил Гройс. – Думаешь, все дело в цыганском гипнозе? Так опробуй на собственной шкуре, каково это, когда тебя гипнотизируют. Только нужно постараться, чтобы цыганки выбрали именно тебя. Иди. А я посмотрю.

Девушка встала, повесила сумку на плечо и пошла к выходу. На полпути она обернулась и улыбнулась старику – лукаво и самоуверенно. «Получится, не бойся», – мысленно подбодрил ее Михаил Степанович, попросил официанта, чтобы ему принесли еще один чебурек с зеленым чаем, и принялся наблюдать.

Ирка быстро отошла от кафе, но чем ближе подходила она к площади, тем сильнее замедляла шаг. Плечи ее опустились, движения замедлились,

взгляд стал рассеянным. Она представила себя не Ирккой, а Оленькой, Любочкой или девушкой с каким-нибудь похожим нежным именем, обязательно уменьшительно-ласкательным, которую в школе никогда не дразнили Лебедой, а только Вафлей.

К рынку вместо Ирки подошла боязливая, чем-то огорченная девушка с глуповатым лицом. Она выбрала маршрут так, чтобы ее путь проходил как можно ближе к цыганкам, и несколько раз нервно схватилась за свою сумку, словно проверяя, на месте ли кошелек.

Цыганки ее заметили. Ирка нарочно старалась не смотреть в их сторону, чтобы не выдать себя, но уловила краем глаза оживление чуть впереди, где пестрели юбки и шали. Одна женщина, самая молодая, отделилась от остальных и поплыла навстречу Ирке, улыбаясь и кивая.

За несколько шагов до нее девушка вскинула голову и огляделась, заморгала, пытаясь понять, куда же она вышла.

– Заблудилась, красивая? – Цыганка сверкнула золотыми зубами. – Дорогу не можешь найти! – Она не ждала подтверждения своих слов, а просто констатировала факт, и поэтому Ирка молча смотрела на нее. – Ай, дорогая, а ведь я к тебе иду, тебя ищу, предупредить тебя хочу! Говорят, цыганки врут, правды не говорят, да только ведь не знают люди всей правды, а ты мне верь, красивая, я тебя не обману, а всю правду скажу.

Девушка кивнула, стараясь придать лицу доверчивое выражение. До сих пор не происходило ничего, похожего на гипноз. Ирка понимала, что ее забалтывают, и ждала, когда начнется что-то серьезнее.

Цыганка была молодая, но неопрятная, с сальными патлами, торчащими из-под криво повязанной косынки. Ободрившись Иркиным кивком, она продолжала, подойдя вплотную и понизив голос:

– Вижу, золотая моя, что в семье у тебя не все ладно, что поссорилась ты с кем-то из родных. Ай, тяжело на сердце, и вот здесь тяжело! – Она взяла Ирку за кисть и прижала к груди. – Если хочешь, дай монетку, самую мелкую, и скажу, что тебя дальше ждет.

Черные глаза цыганки встретились с темными Иркиными.

– А подойдет любая монета? – уточнила девушка, убедившись, что пока не ощущает ничего, парализующего ее волю.

– Ай, любую давай, лишь бы твоя была! – взмахнула рукой цыганка. – Посмотрю-погляжу, тебе расскажу, что ждет тебя, что случится.

Ирка покопалась в сумке, выудила из кошелька монету, и кругляш мгновенно исчез в ладони цыганки.

– Мало ее, вторая нужна мне, тогда больше увижу, – заявила та, протягивая раскрытую ладонь – пустую.

«Вот фокусница!» – восхитилась Ирка.

– Держите, – вслух сказала она, вынув пятирублевую монету.

– Только просто так не давай, в бумажку положи.

– В какую бумажку?

– Хочешь – в десять рублей, хочешь – в пятьдесят, хочешь – в тысячу, мне все равно. Главное, чтобы в бумажке была.

Усмехнувшись про себя идее с тысячей, Ирка достала десятку и отдала, гадая, когда же начнется то, ради чего цыганка и затеяла весь этот балаган. Та свернула купюру в трубочку, отдала Ирке, зажав в ее кулак, и вдруг сказала серьезно:

– Ох, у тебя горе будет, моя хорошая, только не вижу я какое. А потом – счастье. Ну-ка, дай руку...

Пальцы с грязными ногтями вцепились в Иркину ладонь.

– Была у тебя проблема, большая проблема, только ты ее решила, – бормотала цыганка, ведя по руке девушки. – Верно говорю, красавица моя? Вот белый человек, он тебе помог, а вот черный, ты от него убегала-убегала, но до конца убежать не смогла, так? Вижу, что будет, ты Тане верь, Таня тебе всю правду скажет, только Тане нужна другая бумажка, красненькая. Отдашь мне бумажку, я тебе доброго хочу, а злого тебе другие хотят, если с Таней поделитесь, хорошее случится, получишь все, что хочешь.

Ирка смотрела на цыганку, внимательно слушала ее бормотание, вычлняя слова-приказы, и думала о том, что дед, как обычно, оказался прав. Нет никакого цыганского гипноза, а если есть, то на рыночных площадях среди этих грязных теток он не встречается. «Дай», «верь», «поделитесь», «отдашь»... «Вставляет в однообразную монотонную речь приказные словечки, на подсознание пытается действовать. Только не очень-то умело».

– Откуда же у меня красненькая бумажка? – вслух спросила она. – Сейчас таких и не печатают.

– Пускай голубая будет или зелененькая, тоже сойдет, – разрешила цыганка.

Ирка сокрушенно развела руками:

– Извини, дорогая. Тебе, может, и сойдет, но мне они и самой пригодятся.

«Все, конец эксперимента. Стоило потратить время, чтобы убедиться, что я могу повторить то же самое».

Она закрыла сумку и сделала шаг в сторону, как вдруг вслед ей раздалось недоброе:

– Стой, стой на месте! Если уйдешь, у тебя скоро дедушка умрет. Уже сейчас он болеет, только тебе не говорит. Вернешься, отведешь от него беду!

В одну секунду Ирка полностью осознала, что имел в виду Гройс, говоря «огорошили, чтобы с места не сошла». Сознание ее разделилось на два голоса. Первый, панический, запрещал двигаться, требовал отдать все, что есть, лишь бы цыганка взяла свои слова обратно и сняла порчу. Второй звучал негромко, разделяя слова, будто с Иркой разговаривал старик, а не она сама успокаивала себя на базарной площади. «Никакой порчи нет, есть только самовнушение. По твоему возрасту ясно, что у тебя должны быть живы бабушка и дедушка. Она выбирает одного из них и случайно попадает в точку. Так и должно быть – ошеломляющий удар, чтобы ты не ушла, а вернулась, испугавшись».

Панический голос стих, и девушка повернулась к цыганке.

– А хочешь, Танюша, я сама тебе погадаю? – протяжным низким голосом спросила она, подходя. Глаза ее потемнели, сузились, и больше она ничем не напоминала ту глуповатую доверчивую деваху, которая только что слушала цыганку разинув рот. – Всю правду тебе скажу, ничего не утаю. Муж твой, молодой-красивый, погуливать от тебя начал! Вот сердце твое и не на месте!

Цыганка остолбенела.

– Что, правду я тебе сказала? – прищурилась Ирка.

– Иди к черту, бешеная, – буркнула цыганка, отвернулась и пошла, то и дело оборачиваясь и косясь на нее.

Девушка проводила ее взглядом, пожала плечами и направилась обратно к чебуречной. Но пройдя несколько шагов, встала как вкопанная. Только теперь ее осенило: «Он же мне не дедушка! Цыганка сказала: „Если уйдешь, у тебя дедушка умрет!“ Но Гройс-то мне не дедушка, а какой-то двоюродный дядя. Это я сама решила, что цыганка говорит о нем».

От облегчения она даже подпрыгнула, и какой-то солидный гражданин, проходивший мимо, шарахнулся от нее в сторону, едва не уронив портфель.

Михаил Степанович с удовольствием доедал третий чебурек, а на столе перед ним потел чайничек с зеленым чаем. Гройс указал на него:

– Пей. По жаре идет бесподобно. Ну, рассказывай.

Ирка без утайки передала их беседу с цыганкой.

– Я подумала, что нужно пользоваться ее же приемами, – закончила она. – Какое у женщины уязвимое место? Муж. Вот я про мужа и брякнула.

Гройс от души рассмеялся:

– А словечко «погуливать» где подцепила?

– От соседки слышала, – честно призналась Ирка. – Она каждый раз при встрече талдычила, что дядя Вова от матери погуливает. Вот я и запомнила.

Улыбка исчезла с лица старика, и он недобрым словом помянул про себя Валентину и всех ее паршивых кобелей.

– Знаешь, – без всякой связи с предыдущим разговором бодро добавила девушка, – а ты был совершенно прав. В толпе работать легче. И еще я придумала, куда мы с тобой пойдем в следующий раз – там-то уж точно много народу!

– И куда же? – заинтересовался Михаил Степанович.

– В казино!

К огромному Иркиному удивлению, идею с казино Гройс не только не поддержал, но и забраковал со всех сторон.

– Ни тебе, ни мне делать там нечего, – сурово сказал он. – Если хочешь развлечься, лучше в бильярд сходим.

Они уже вернулись домой, выпустили попугая из заточения, и Прохор тут же разразился воркующими звуками, какие мог бы издавать гигантский осипший голубь.

– Не хочу я развлекаться! – возмущенно возразила Ирка. – Я хочу там освоиться!

– Чтобы выиграть миллион? – хмыкнул Гройс.

– Чтобы понять, как там можно работать! Или играть – что в этом плохого?

– А я тебе и так скажу. – Старик расположился на низком диване, ухитряясь при этом поглядывать на стоящую возле клетки Ирку свысока. – Работать – никак! А что касается игры... Знаешь старый анекдот? Швейцар говорит посетителю: «Простите, сэр, но я не могу впустить вас в казино! Вы без галстука!» – «Ну и что?! А этот вообще голый!» – «Да, сэр. Но он выходит...» Так вот, это не шутка, а суровая правда жизни, как выражаются в плохих книжках. Уж поверь мне, Ириша. Работать в казино нам с тобой заказано.

– Но почему?

Гройс вздохнул и достал из кармана пиджака портсигар, который всегда носил с собой, но никогда им не пользовался. Портсигар был настоящего серебра, тонкий и изящный, а вот сигареты в нем лежали на редкость вонючие. Ирка не раз приставала к деду с вопросом, зачем ему портсигар, если он не курит, но старик всегда отшучивался.

– Потому что мы с тобой для казино мелко плаваем, – сказал он, поглаживая крышку блестящей коробочки с гравировкой. – Там совсем другая игра, не чета нашей. Просто так, на артистизме, ты банк не сорвешь и миллиона не выиграешь. Нужна разная механика, хитрые электронные штуковины – вот тогда, может, и получится. А в казино тоже не дураки сидят, у них на твою хитрую штуковину найдется свой... винт с резьбой. Эх! То ли дело раньше...

Ирка тут же подобралась к старику поближе и пожелала узнать, что было раньше.

– Ты сам играл, да? Сам?

– Говорю тебе, никогда я этим делом не занимался! – недовольно сказал Михаил Степанович. – Проигрывался – да, много раз. Но после нападения я с казино завязал, как-то само собой получилось. А про то, что раньше было... Разное говорят. Может, и врут.

– Что, например? – жадно спросила Ирка.

Гройс вздохнул, поняв, что девчонка от него не отвяжется.

– Например, про группу Алика, которая разбомбила три московских казино. Четыре человека у него были, все – классные шулера. У каждого на пальцах кольца с драгоценными камнями. Их так и называли – «четверка с перстнями». Перстни нужны были, чтобы их острыми краями помечать карты. Представляешь, какие артисты?! Всю колоду кольцами разметить! И чтобы крупье ничего не заподозрил!

– Выиграли?

– А как же! С такой подготовкой и не выиграть... Пролетели по столице, три казино разули – и исчезли. Больше, говорят, не появлялись. Да и не появятся – история была громкая, быстро стало понятно, как они работали... Если сейчас люди с перстнями появятся в крупном казино, их по-хорошему попросят уйти, памятуя о тех случаях.

– А еще?

– Еще? Ну вот, говорят, в Америке «рулеточники» придумали гениальную вещь! И простую, как дверная ручка. Они взяли и подменили шарик в рулетке. Один отвлек крупье, другой подменил, третий сел играть. А шарик-то был – намагниченный! Игрок с пульта управлял этим шариком и останавливал его на том номере, на который поставил.

– Ничего себе простая затея! – поразилась Ирка. – Пульт, намагниченный шарик... А их поймали?

– Поймали. Я слышал, будто намагниченный шарик прилип к металлической запонке крупье, когда тот наклонился над столом... Но в таких историях вранья обычно больше, чем правды.

– А сейчас?

– Сейчас, Ириша, все куда сложнее. Никаких тебе перстней, никаких намагниченных шариков. Так что выбрось эту затею из головы и давай-ка придумаем что-нибудь попроще.

– Хорошо, – с удивившей его уступчивостью согласилась девушка. – А ты в обмен расскажешь мне, зачем тебе портсигар.

Гройс усмехнулся:

– Шантажируешь? А впрочем, никакого значительного секрета здесь нет. Как-то мне удалось провести одного моего знакомца, который считал, что это он меня провел. Вместе с ним мы прокрутили небольшое дельце, и оно сделало каждого из нас богаче, но потом он сбежал со всеми деньгами. А мне в утешение оставил этот портсигар, вложив туда издевательскую записку. Добежав до канадской границы, мой знакомец решил пересчитать, сколько же мы взяли... И вот тут-то оказалось, что пересчитывать ему особо и нечего. У него даже сигарет с собой не осталось, потому что он все хранил в портсигаре.

– Ты его обманул?

– Конечно. – Гройс расплылся в улыбке. – С тех пор у меня появилась привычка выкуривать по сигаретке из этого портсигара всякий раз, когда я чувствую, что выиграл сложную партию. Или когда понимаю, что получил значительно больше, чем ожидал. Такое тоже случается!

Ирка с уважением посмотрела на портсигар.

– Пстой, – сообразила она, – как это «добежал до канадской границы»? Россия не граничит с Канадой! Ты все выдумал!

Михаил Степанович мученически закатил глаза:

– Боже, боже! Иди с глаз моих и не появляйся, пока не прочтешь всю нижнюю полку воо-о-н того шкафа. Начни с книги в зеленом переплете. Да-да, эта, потеряя. А после мы с тобой обсудим вопрос о границах и выдумках.

Глава 7

Однако Ирка никак не могла забыть про казино. Поскольку Михаил Степанович ничего ей не запрещал, она решила для начала произвести «разведку местности». Для сопровождения девушка выбрала Олега, с которым они вместе участвовали в афере с шубами. Одной идти не стоило: она привлекла бы излишнее внимание да и чувствовала бы себя неуютно, к тому же Олег иногда играл в рулетку и мог служить проводником и экскурсоводом.

Ирка немного волновалась, но все оказалось куда проще, чем представлялось ей по фильмам и книгам. Она ожидала увидеть огромный зал, роскошно одетых женщин с обнаженными спинами, бесшумно скользящих с подносами в руках официантов во фраках, и ломала голову над тем, что надеть, но Олег предупредил девушку:

– Там, куда мы идем, запрещена только спортивная форма. Треники, шорты – это все не для нас. Но и бриллианты тебе не нужны. Одевайся демократично.

Бриллиантов у Ирки не имелось, над «трениками» она посмеялась и выбрала простое черное платье по фигуре. Олег одобрительно кивнул, увидев ее, и взявшись за руки, как счастливая пара, они отправились в казино.

– Вход платный, – предупредил он, – но за эти деньги тебе сразу дают фишки. Хозяева хотят, чтобы пришедший обязательно начал играть. Считай, что таким образом тебя заманивают.

– А дорого?

– Триста рублей. Для игрока – ерунда, копеечная трата.

Первый зал оказался бесплатным. Здесь стояли игровые автоматы, а огромные, во всю стену, экраны транслировали конские скачки. У автоматов сидели игроки, возле бара толпился народ. Было шумно, как в парке аттракционов.

– Нам с тобой сюда не надо. – Олег увлек Иру за собой, к следующим дверям. – Игра начинается здесь.

Они заплатили за вход, получили фишки и вошли внутрь. Здесь царил совсем иная атмосфера, которую Ирка определила бы как «благонравная», хотя в ее представлении это слово мало вязалось с казино. Играла приглушенная музыка, на диванчиках сидели пары с бокалами в руках, несколько мужчин разговаривали с крупье возле ближайшего стола. Ни

одного окна – лишь картины на зеленых стенах: цветы, морские пейзажи, натюрморты... «Какой-то закрытый клуб, а не казино!» Тихо, спокойно, сдержанно.

– Здесь не всегда так, – сказал Олег, заметив недоумение своей спутницы. – Мы рано пришли, ближе к ночи будет оживленнее. Но такого бардака, как в первом зале, никогда не увидишь. Пойдем сначала к рулетке, а там и к покеру примеримся.

Они провели в казино около двух часов. Ирка разобралась, как делать ставки, быстро усвоила правила основных видов игры, и пока Олег просаживал деньги на рулетке, она меняла столы, присматриваясь к игрокам и крупье. «Дилеры, – поправила она себя, – их называют „дилеры“». Девушка старалась замечать все: как часто дилеры меняются, куда складываются фишки, где стоит инспектор, наблюдающий за работой столов... Она попыталась обнаружить камеры, но не преуспела, зато насчитала шестерых охранников, не считая двоих возле дверей.

Наконец, почувствовав, что впечатлений слишком много, она утащила упирающегося Олега с рулетки. По дороге ей хотелось расспросить его кое о чем.

Олег довез девушку до дома и вышел из машины, чтобы проводить ее до подъезда. Она легко взбежала по ступенькам, перед дверью обернулась, и в этот момент он притянул ее к себе и поцеловал. Ирка так удивилась, что стояла неподвижно все время, пока его губы были прижаты к ее губам. Когда Олег отстранился, лицо у него было виноватое, но глаза улыбались.

– Извини, – сказал он, – не смог удержаться.

Ирка в легкой задумчивости поднялась в квартиру, открыла дверь. Дед не спал – она слышала, что в его комнате работает телевизор. Когда она заглянула, Михаил Степанович строго взглянул на нее:

– Это что за тип? На десять лет старше и поди женат.

– Не женат, – быстро сказала Ирка, не успев даже подумать, откуда Гройсу может быть известно про Олега. – Это тот самый, с которым мы за шубами ходили.

– А-а, мясо, – пренебрежительно протянул старик.

– Почему это мясо? – обиделась за Олега девушка. – Просто в хорошей физической форме!

– При чем тут физическая форма?.. «Мясо» – это помощник, человек, который делает простую работу по твоему указанию. На то, чтобы самому что-то придумать, у него соображалки не хватает.

Ирка вздохнула – это была правда.

– Не хватает, – подтвердила она. – Зато у меня хватает на двоих.

Спокойной ночи, дед.

– Спокойной ночи, – проворчал Гройс и не удержался: – Ну ты и выбрала, Ирина...

«А целуется он все равно хорошо!» – мысленно сказала Ирка, закрыв дверь в комнату старика, и улыбнулась в темноте.

Еще несколько раз она сходила в казино вместе с Олегом, а затем начала готовиться к самостоятельной вылазке. Выбор ее пал на большое казино, где всегда было много гостей. Ирка ничего не рассказывала деду, справедливо опасаясь, что он станет отговаривать ее, а то и вовсе запретит участвовать в игре. Она представляла, как явится к Михаилу Степановичу и со сдержанным торжеством сообщит, что он ошибался, исключая казино из списка мест, где они могли заработать своим ремеслом, и расцветала от одной этой мысли.

Никаких серьезных дел Ирка не задумывала – всего лишь хотела опробовать пару приемов из тех, что пришли ей в голову. Гройс и не предполагал, какую бурю эмоций вызвал в душе своей подопечной, бросив, что для казино они слишком мелко плавают – теперь Ирка горела желанием доказать, что из нее выйдет куда лучший пловец, чем полагает дед.

«Считай, что сдаешь экзамен. Новая ступень обучения. Парнем я уже была, Девушкой с гладиолусами тоже, Богиня Страсти вообще пройденный этап... Надо придумать, кем явиться в казино».

Она не стала сильно мудрить со своей внешностью. Из пяти париков выбрала один: короткие волосы, торчащие «ежиком», окрашенным в популярный в этом сезоне цвет «черный перец с солью». Парик сразу сделал ее старше лет на пять, а когда Ирка закончила макияж, нарисовав себе густые брови под цвет новых волос и очертив алой помадой рот, а потом надела и небрежно сдвинула на одно плечо тонкий черный джемпер, в зеркале отразилась молодая женщина лет двадцати пяти, богема не богема, но с отчетливым налетом принадлежности к творческой среде. Для завершения картины Ирка закурила, красиво изгибая запястье, произнесла несколько фраз голосом ниже своего обычного и осталась довольна увиденным. Художница или, может быть, малоизвестная актриса... Женщина, вполне вписывающаяся в образ игрока.

Она вызвала такси и ушла из дома за десять минут до возвращения старика, написав ему записку: «Убежала на свидание! Целую, Ирка». Прочитав ее, Гройс тяжело вздохнул и зачем-то сообщил попугаю, что тот – бессмысленная птица, на что Прохор обиделся и ушел клевать второй стул. Если бы Михаил Степанович знал, куда на самом деле отправилась

девушка и что она намеревается делать, он лег бы перед входом в казино, лишь бы не пустить ее. Но Гройс оставался в полном неведении, уверенный, что Ирка налаживает личную жизнь, и все его тревоги были связаны лишь с тем, что девочка слишком рано связалась со взрослым мужчиной.

Андрею Бондареву в этот вечер везло. Сперва он выиграл в автоматах, затем удача улыбнулась ему за рулеткой, и в последний час он пересаживался с одного стола за другой, ставил понемногу то тут, то там и в целом постоянно оставался в небольшом плюсе.

Брюнетку с сединой он заметил, когда вернулся за покерный стол. Эту моду красить волосы в старушечий цвет он считал идиотской, но брюнетке, как ни странно, седина шла – делала ее интереснее и заметнее. Играла она скучно, как новичок, больше болтала с дилером и сидевшим рядом подвыпившим толстосумом, кокетничая и смеясь, и поначалу Андрей решил, что перед ним девица, ищущая состоятельного мужчину. В казино таких всегда много. Но что-то не то во внешности, не то в поведении брюнетки казалось ему странным, и он пригляделся, стараясь, чтобы его интерес не бросался в глаза.

Ирка чувствовала себя в ударе. Во-первых, она немного выиграла в рулетку, и выигрыш утвердил ее в мысли, что она все делает правильно. Во-вторых, *клиент* нашелся очень быстро – сидел рядом, за игрой следил невнимательно, постоянно выпивал, фишки разбросал так, будто нарочно старался помочь девушке. Немного смутил Ирку лишь тип, игравший напротив – молчаливый стриженный парень из рода качков, но с подозрительно умными глазами. Поначалу девушке показалось, что он посматривает на нее, но вскоре стриженный целиком ушел в игру, и Ирка расслабилась: «Обычный интерес игрока. Или мужчины». Она повела обнаженным плечом, но парень больше не обращал на нее внимания, и девушка принялась ждать подходящего момента.

Она уже тренировалась дома в этом джемпере, но понимала, что в казино все пойдет по-другому. Правда, до сих пор игравший рядом толстяк с переваливающимся через ремень пузом словно помогал ей. Но все могло измениться в любую секунду, стоило ему только собрать разбросанные по столу фишки.

«Не уходи, дорогой, – мысленно попросила Ирка. – Поиграй еще немного».

Она звонко рассмеялась бородатой шутке своего соседа, и тот остался за столом.

В углу раздался какой-то шум, и крупье непроизвольно взглянул в направлении источника звука. Толстопузый обернулся, и в ту же секунду Ирка подалась вперед, протянула руку, передвигая фишки. Затем чинно села, одернула рукав свитера, все время сползавшего на правое плечо, дождалась конца игры и встала – к разочарованию своего соседа.

– Я еще вернусь, – улыбнулась она. – Вы – моя удача.

И отправилась, покачивая бедрами, в дальний конец зала – менять выигранные фишки.

Андрей едва удержался, чтобы не присвистнуть. Ай да брюнеточка! Ай да фокусница! Он никогда прежде не видел такого простого и нахального увода фишек. «Черт знает, из чего у нее рукав, но то, что фишки толстопуза прилипли к нему, – это факт».

Теперь он следил за девицей куда внимательнее. Бондарев ожидал, что она уйдет – забранные у толстяка фишки были вполне достаточным уловом. Но, похоже, брюнетка так не считала. За стол к раззяве она больше не вернулась, а обосновалась возле рулетки, и Андрей, помедлив, решил присоединиться к ней.

Здесь собралось немного игроков, но игра шла напряженная, азартная. Больше всего криков исходило от двух бородатых приятелей, похожих на геологов, радостно обнимавшихся, когда их ставка выигрывала, и отчаянно ругавшихся, когда шарик замирал на «чистом» секторе. Еще один участник игры, лысый мужчина с сосредоточенным лицом, не отрывал взгляда от рулетки и едва заметно шевелил губами – пытался высчитать, куда в следующий раз попадет шарик. Бондарев догадывался, что женщина в черном свитере выбрала этот стол именно потому, что здесь было шумно, но не мог понять, что она собирается делать. «Может, решила просто сыграть?»

Улыбнувшись игрокам, брюнетка сделала несколько ставок. Андрей встал напротив, изображая скучающего игрока, и поставил, не задумываясь, на красное.

– Ставки сделаны!

Все замерли. Дилер объявил выигрышный номер, и один из бородачей разочарованно щелкнул пальцами.

Бондарев даже не сразу понял, что его ставка выиграла, настолько он был увлечен действиями женщины в черном свитере. Но она спокойно поставила снова. Проиграла, затем выиграла – и снова проиграла.

Андрей был уверен, что она чего-то дожидается, и не собирался уходить до тех пор, пока не поймет, чего именно. Бородачи сильно проигрались и шумели все громче – Бондарев заметил быстрый обмен

взглядами между инспектором и крупье и подумал, что если парни будут продолжать в том же духе, их игра скоро подойдет к концу.

Безмолвный диалог служащих казино заметила и брюнетка. Очевидно, она пришла к тому же выводу, что Андрей. Движения ее стали резче, улыбка не исчезла, но застыла словно приклеенная. Брюнетка разбросала фишки по разным номерам, нигде не ставя меньше двух.

Волчок закрутился.

– Ну, давай, зараза! – азартно выкрикнул один из «геологов», стоило шарик у остановиться, и дилер строго взглянул на него.

В тот же миг брюнетка проворно подвинула несколько фишек к своей ставке, оказавшейся выигрышной. Прделано это было так быстро, что лишь Андрей, не сводивший глаз с рук женщины, видел, что произошло. Торжествуя улыбнувшись, она забрала крупный выигрыш и тут же отошла от стола.

Бондареву потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя от удивления. Брюнетка проделала «крышку» ставки – пусть не очень умело, но вполне успешно, раз дилер ничего не заметил. Для этого мошенничества требовались ловкие руки, молниеносная реакция и самоуверенность: подсунуть дополнительные фишки под носом дилера и других игроков было не под силу многим шулерам, успешно делавшим «пробой».

Ловких рук у брюнетки, пожалуй, не было, зато реакции и самоуверенности хватало в избытке. Ей помог случай, но Бондарев отлично понимал, что именно такого случая она и ждала.

Он поспешно двинулся к гардеробу вслед за женщиной, доставая из кармана телефон.

Мошенница накинула пальто, выскользнула из казино и махнула рукой, останавливая такси. Андрей последовал за ней, перехватил из-под носа у какой-то компании свободную машину и нырнул в нее, не слушая возмущенных криков, раздававшихся за спиной.

– Езжай за своим коллегой, – распорядился он, немного запыхавшись. – Я со своей бабой поссорился, хочу посмотреть, что она станет делать.

– Понял, – флегматично ответил водитель, вырвав такси со стоянки вслед за желтым такси. – Проигрался, что ли?

– Не то слово! – с чувством отозвался Бондарев.

Водила усмехнулся, покачал головой, но ничего не сказал. Он ехал, держась в некотором отдалении от машины, которая везла брюнетку, и Андрей позволил себе немного расслабиться.

Женщина могла оказаться кем угодно – например, развлекающейся

подружкой какого-нибудь авторитетного шулера, и тогда о его плане пришлось бы забыть. Но чутье подсказывало Бондареву, что с авторитетными шулерами ему столкнуться не придется.

Первое такси въехало во двор, и Андрей, бросив шоферу деньги, выскочил на обочину и пошел по тротуару, высоко подняв воротник. Брюнетка видела его в казино, и он был уверен, что она узнает его, а потому боялся приближаться. «Черт, и в подъезд с ней не войдешь...» Пассажирка расплатилась, вышла из машины и, не глядя по сторонам, забежала в дом. Бондарев сел на присыпанную первым снегом скамейку и задумался.

Вопреки его опасениям, одного дня им хватило, чтобы выяснить точный адрес мошенницы и ее имя. К вечеру у Паулса и его группы были снимки, сделанные Юркой Храповым, и краткая справка: в квартире не прописана, проживает с дальним родственником матери, неким Михаилом Степановичем Гройсом.

Увидев фотографии, Бондарев в очередной раз изумился. Камера запечатлела брюнетку возле магазина. Никакая она была не брюнетка, скорее всего, он даже не узнал бы ее при второй встрече: совсем юная девушка с прямыми русыми волосами, подбородок упрямо выпячен вперед, любопытный взгляд темных глаз устремлен почти в камеру.

– Она тебя заметила? – озабоченно спросил Андрей у Храпова и вдруг осознал, что все молчат.

Сперва он решил, что все, подобно ему, удивлены перевоплощением их «объекта». Но когда Бондарев поднял голову и увидел лицо Марка, то мигом забыл о хитрой девчонке.

– Что? – осторожно спросил он. – В чем дело?

Паулс даже не взглянул на него.

– Арнольд, ты был прав... – протянул он, и от его тона Бондареву стало не по себе. – Зря я тебе не поверил.

– Я же говорил, это он, – подтвердил Арнольд. – Что будем делать?

Тонкие губы Марка растянулись в улыбке:

– Мне кажется, наш малыш предложил отличную идею. От себя я добавлю к ней только одно: думаю, нам есть что предложить этой девчонке. Кроме денег.

Арнольд смотрел на него взглядом преданной бойцовой собаки, которой обожаемый хозяин дал команду «фас». Никогда прежде Андрей не видел на красивом лице Арнольда такого выражения. Не осталось ни чудаковатости, ни безобидности, так располагавшей к нему людей, и стало

ясно, что все это не более чем хорошо приклеенная маска, обманувшая и самого Бондарева.

– А теперь слушайте меня... – приказал Паулс, и четверо мужчин придвинулись ближе.

...Звонок в дверь раздался рано утром, когда Ирка и Михаил Степанович завтракали.

– Я открою! – Девушка вскочила с места прежде, чем Гройс успел что-либо сказать, и исчезла в коридоре.

– Не девка, а шило в попе! – проворчал старик, которого щенячья непоседливость Ирки в действительности только забавляла. – Ира, кто там? – повысил он голос, потому что из прихожей не доносилось никаких звуков.

Ответом ему было молчание.

Гройс быстро перегнулся через стол и схватил палку, но дойти с ней до двери не успел. В комнату вошли трое, и он попятился к стене. Один из троих тащил Ирку, волоча ее как куклу. К шее девочки был приставлен нож, и Гройс отчетливо разглядел, как острие прижимается к голубой жилке, бьющейся под тонкой кожей. Ирка молчала, не сводя с деда расширившихся глаз.

Рядом с тем, кто держал девочку, стоял «викинг», которого Гройс помнил по бильярдной, и второй – худой, лысый, с тонкими губами, кривившимися в усмешке. Увидев его, старик вздрогнул и перехватил трость крепче.

– Положи посох, старче, – глумливо посоветовал Паулс. – Тебе от него никакой пользы не будет, а внучке твоей лишние страдания ни к чему.

– Зачем тебе девочка? – глухо спросил старик. – Отпусти, она ни при чем.

– Девочка сейчас поедет с нами. А вот ты останешься. Нам с тобой... – Марк улыбнулся во весь рот и стал похож на оскалившийся череп, – кажется, есть о чем поговорить.

– Прр-рошу! – вдруг сердито выкрикнул попугай из своей клетки.

Гости посмотрели на него. Птица встопорщила перья и принялась угрожающе раскачиваться, не сводя с них глаз.

– Тихо, Прохор, тихо, – успокаивающе проговорил старик. – Не нужно...

– Пр-р-ряжа! Кх-г-рр-р-ра!

– Спокойно, Проша...

– Заткнись, ты, тварь! – цыкнул на него Арнольд и ударил рукой по

прутьям.

В ответ попугай разразился громкими горловыми криками, в которых уже не угадывались слова. Перья на его голове воинственно поднялись, и он возбужденно забегал по жердочке, наклоняясь вперед и пытаясь клюнуть человека, стоящего у клетки.

– Воинственная у тебя птичка, старче, – сказал Марк, поморщившись от резких воплей. – Арнольд, дружок, успокой ее.

– Не трогай! – Гройс шагнул вперед, но замер, как только острие ножа глубже вдавилось в шею Ирки.

Дверь клетки распахнулась. Попугай выкрикнул что-то угрожающее, захлопал крыльями, но наружу не вышел.

– Тогда так... – сквозь зубы сказал Арнольд, обходя клетку.

– Черт с ним, – остановил его Паулс. – Вроде притих. Слушай, старче, видишь у меня телефон? А у Васи на ухе гарнитура. Если дернешься, девчонку прирежут. Вась, отправляйтесь, помолясь. А мы с дядюшкой Гройсом побеседуем...

Девчонка оказалась сущим зверенышем – злобным, кусачим и изворотливым. Бондарев никогда бы не подумал, что в существе вдвое меньше него может быть столько силы. Когда ее запихнули в гараж и стащили с головы мешок, она умудрилась боднуть Юрку головой в живот так, что тот охнул и сложился пополам, а Андрея метко лягнула в голень. Руки у нее были связаны за спиной, и она бросилась на старшего Храпова, выставив голову, но тот оказался проворнее и отскочил в сторону, а затем легко отшвырнул пленницу в угол.

– Осторожно! – предупреждающе крикнул Бондарев, потирая ногу. – Пальцы ей не сломай!

– Ну, шею-то можно? – с ухмылочкой осведомился Васька, остановившись рядом с лежащей ничком девчонкой. – Чего стонешь, дура? Сама напросилась.

Та извернулась, подпрыгнула вверх – Андрею отчего-то пришел на ум мангуст, бросающийся на змею, – и попыталась вцепиться зубами в руку Храпова. Промаяхнула она совсем немного, едва прихватив ему кожу, но от неожиданности Васька вскрикнул и попятился. Девчонка упала и замерла, тяжело дыша, не сводя с него яростного взгляда.

Храпов вытащил из кармана нож и щелкнул – из черной складки вымахнуло лезвие.

– Эй, эй! – попытался урезонить его Юрка. – Вася, хорош!

– Пускай теперь куснет, – злобно отозвался Василий. – Я ей зубы-то пообломаю!

– А ну быстро убери перо! – холодно сказал Андрей, не сдвинувшись с места.

Храпов изумленно посмотрел на него. Умник никогда не позволял себе так разговаривать с ним. В прозвище, поначалу насмешливом, вскоре появился оттенок уважительности, к тому же новичок никогда не терял самообладания, не считая того случая, когда они прикончили Саню. Но приказывать в их группе мог только Марк Паулс, а от мальчишки Василий не собирался этого терпеть.

– У тебя крыша не съехала? – осведомился он. – Я тебе ее быстро на место поставлю, щенок.

– Попробуй. – Бондарев пожал плечами. – Потом сам будешь Марку объяснять, почему девка вся порезанная. И сам же будешь вторую такую же искать.

Василий замер. Исполнителем он был прекрасным, но вот просчитывать дальше одного шага вперед не мог. Угроза Андрея возымела свое действие – Храпов с выражением недовольства на лице убрал нож и уставился на парня:

– Ну, Умник, что теперь?

Ответить Бондарев не успел – в гараж вошел Марк. Андрей со старшим Храповым стояли друг напротив друга в напряженных позах, Юрка держался чуть поодаль за братом, а девчонка, о которой на время короткой ссоры забыли, уползла в дальний угол и сидела там, сжавшись.

– Что у нас тут? – удивленно спросил Паулс, оглядывая их. – Не слышу ответа!

– Все нормально, Марк, – буркнул Василий, отступая на шаг.

Паулс взглянул на Андрея, и тот подтвердил, что все нормально.

– Красавица нам досталась кусачая, – добавил он. – Вася от ее зубок немного пострадал.

– Кусачая – это не страшно, – спокойно сказал Марк. – Дрессировка, дрессировка и еще раз дрессировка – и вся агрессия улетучивается из сучки. То есть, конечно, из девушки.

Он присмотрелся к сидевшей в темном углу девчонке:

– Что-то не похоже, чтобы она была агрессивной. Эй, голубка, выходи на свет.

– Я тебя боюсь... – отозвался робкий голос.

Бондарев даже не успел удивиться такой резкой перемене в поведении их пленницы, как Паулс двинулся к ней.

– Марк! – предостерегающе крикнул Андрей.

Тот обернулся, и лишь поэтому бульжник, с силой пущенный из угла,

не попал ему в голову. Девчонка успела выпутаться из веревки и швырнула в Паулса камень, невесть откуда взявшийся в гараже. Камень со свистом пролетел в сантиметре от виска Марка и откатился к стене.

Васька присвистнул. Бондарев решил, что Паулс сейчас впадет в ярость, но тот лишь укоризненно покачал головой:

– Да, придется воспитывать. Но мы люди порядочные, женщин не бьем. Так что за каждый твой проступок, Ира, отвечать придется твоему родственнику. С ним сейчас Арнольд, и у них как раз личные счета!

Он удовлетворенно засмеялся. Фигурка в углу распрямилась, сделала несколько шагов и вышла на свет. Откинула со лба спутавшиеся волосы, и Андрей разглядел на запястьях след от веревки. Девушка была в спортивных штанах и просторной клетчатой рубашке, в которой казалась совсем худой и какой-то мелкой. «У деда рубашку забрала», – подумал Бондарев, рассматривая ее.

Не посмотрев ни на кого из них, пленница подошла к Паулсу. Андрей подумал, что если бы взглядом можно было убивать, смерть Марка была бы долгой и мучительной.

– Что с моим дедом?

Она вовсе не казалась испуганной, скорее сжавшейся, как готовая распрямиться пружина. Бондареву снова вспомнился мангуст. Он подумал, что на месте Паулса ему было бы не по себе – с этой станется прыгнуть и вцепиться в горло. Но Марк был по-прежнему спокоен:

– Я тебе уже сказал. Он с Арнольдом, ждет, что ты решишь. Когда мы с тобой поговорим, я позвоню своему помощнику и дам инструкции, касающиеся дальнейшей судьбы твоего... родственника.

– О чем ты хочешь со мной разговаривать?

Вместо ответа Марк указал рукой на дверь гаража:

– Прошу. Учти, если ты попытаешься сбежать, я скажу Арнольду, что руки у него развязаны.

Девушка, даже не взглянув на него, пошла к двери.

– Сразу надо было с ней так, – вполголоса прокомментировал сзади Юрка. – Видишь, какая смиренная стала... Даже зубки не показывает.

Васька в ответ потер укушенную руку и выругался.

Рядом с гаражом стоял коттедж, и туда-то девчонка и направилась. Остальные были вынуждены следовать за ней.

– Мне нравится твой энтузиазм, – заметил Марк ей вслед, – ты быстро понимаешь, что от тебя требуется.

Она не отозвалась.

Все вошли внутрь, и Паулс подвел Иру к стулу, силком усадил и сам

сел напротив. Андрей и Юрка расположились у стен, старший Храпов присел возле двери, будто сторожевой пес. Бондарев заметил, что в руках у него снова поблескивает нож.

Ирка огляделась. Они были в просторной, скудно обставленной комнате, в углу которой виднелась деревянная лестница на второй этаж. С другой стороны – приоткрытая узкая дверь, за ней кухня, слева кладовка. В коттедже, как видно, никто постоянно не жил, и дом производил впечатление недавно построенного.

Напротив нее сидел человек-ящер: блестящий череп, холодные, как у ящерицы, глаза. При взгляде на него Ирка становилось жутко. Именно поэтому она непроизвольно выпячивала подбородок и делала вид, что ей не страшно.

Слева на подоконнике расположился мужчина в спортивном костюме с невыразительным простоватым лицом, которое, пожалуй, можно было бы даже назвать добродушным. На вид ему было лет тридцать пять, и он постоянно крутил в руках какой-то кубик. Тот, которого она укусила, пристроился за ее спиной, но этого бешеного Ирка в расчет не принимала. Куда больше опасений вызывал парень, заступившийся за нее, когда Бешеный достал нож. Она определенно где-то видела его раньше, но никак не могла вспомнить где! Кажется, совсем недавно...

– Разговор у нас с тобой будет простой, – неторопливо сказал Марк. – Ты, Ира, устраивайся поудобнее...

– Разговора у нас с тобой никакого не будет, – отрезала Ирка, – до тех пор, пока не скажете, что с дедом.

– Тебе же объяснили, – удивился Паулс. – Михаил Степанович сейчас под присмотром и ждет твоего приговора.

– Какого приговора?

– Жить ему или нет. – Он взглянул на Ирку, проверяя, какое воздействие оказали его слова. – Это, Ириша, от тебя зависит. Твой дедушка нас когда-то давно поставил в нехорошее положение, теперь будет отдавать долг. Понимаешь?

– Нет, – честно сказала Ирка. – Можно подробнее?

– Можно. В Москве есть большое казино «Королевский Двор». Мы собираемся навестить его и как следует там поработать. Один раз. Но взять много. Ты меня понимаешь или будешь притворяться наивной дурой?

Ирка покачала головой – притворяться не имело смысла.

– Туда нужен свой человек. Сложность в том, что они набирают девушек, а у нас – так уж получилось – девушек, к сожалению, нет.

Сзади раздался неприятный смешок.

– Поэтому, – продолжал бритый, – мы стали искать милую девушку, которая могла бы помочь осуществить наш нехитрый план.

– В чем он заключается?

– А вот этого тебе пока знать не надо. Ты ведь еще не согласилась, так? Если согласишься, тогда узнаешь детали.

Он закурил, выпустил едкий дым над столом:

– Продолжаем разговор... Как я тебе сказал, казино набирает девушек, такая уж у них политика: все крупье – женщины. Тебя видели в деле. – Ящер кивнул на парня, сидевшего справа. – Ты нам подойдешь. От тебя требуется совсем немного: пройти школу крупье и устроиться на работу в «Королевский Двор».

Теперь Ирка вспомнила, где видела этого парня. В казино! Он сидел напротив и поначалу приглядывался к ней, а потом перестал... Черт возьми, какой же она была самонадеянной дурой!

– А затем появитесь вы и с моей помощью сорвете банк? – хмуро спросила девушка. – Сговор дилера с клиентами? Наверняка служба безопасности казино позаботится о том, чтобы вычислить таких умников!

– Это уже не твое дело. Твоя задача – следовать моим указаниям. И для начала пройти отбор. Это не так просто, как ты думаешь!

– Но обучение займет не меньше двух месяцев!

– Ничего. – Марк улыбнулся, и Ирка содрогнулась от его улыбки. – Мы подождем.

– Что вы сделаете с дедом? – заставила она себя задать вопрос.

– Если ты выполнишь все условия нашего соглашения, то ничего. Считай его жизнь и здоровье платой за твою работу. Если мы по какой-то причине не получим того, за чем придем в казино... – Ящер помедлил с ответом. – Тогда у меня не будет ни одной причины сдерживать своего друга. Считай, что твоему дедушке воздастся по заслугам. Что скажешь?

Ирка откинула голову и изучающе посмотрела на Паулса. В эту минуту она постаралась отрешиться от своих страхов, представить себя не перепуганной до смерти девчонкой, разговаривающей с потенциальными убийцами, а ученицей, сдающей экзамен, – пусть не самый простой, но всего лишь экзамен. Она должна была оценить этих людей, попробовать спрогнозировать их поведение, а затем отчитаться перед Гройсом.

Паулс видел, что девчонка напряженно думает, и посмеивался про себя. Пускай, пускай... Он не оставил ей выбора.

– Нет, – сказала Ирка в ту самую секунду, когда Марк Паулс приготовился услышать «да». – Я не согласна.

– Почему же? – с притворным благодушием дядюшки, любимая

племянница которого отказалась от предложенной конфеты, осведомился Паулс. – Что тебя не устраивает?

– Меня ничего не устраивает, – покачала головой Ирка. – Видимо, ты считаешь, что я круглая идиотка. Дураку понятно, что ты убьешь и меня, и деда, когда все закончится.

– И чего же ты хочешь? – усмехнулся Марк.

– Гарантий.

– Гарантий... – повторил Паулс, с силой вжимая окурочек в столешницу. – Гарантий...

Если бы рядом с Иркой был Михаил Степанович, он бы сказал ей, что она завалила экзамен. Пытаясь управлять ситуацией, Ирка взбесила Марка Паулса, а выведенный из себя, он становился невменяемым. Однако Михаила Степановича не было рядом, и преподать Ирке основы обращения с психопатами он не успел. Поэтому девушка совершила ошибку. Диктовать условия Марку Паулсу не мог никто – в итоге это обошлось слишком дорого.

– Васенька, дай-ка твою игрушку, – ласково попросил Марк, сжимая и разжимая пальцы правой руки. Левая висела неподвижно, словно онемела.

Храпов тотчас бросил ему сложенный нож.

Паулс поймал его, удовлетворенно провел пальцем по открывшемуся лезвию и неторопливо поднялся. Ирка вжалась в спинку стула. Что она сделала не так?! Ящер шагнул к ней, улыбнувшись диковатой улыбкой, и краем глаза Ирка увидела, что мужик с кубиком отвернулся к окну.

Но парень, сидевший у стены, вскочил и в долю секунды оказался между ней и Ящером.

– Марк, прошу тебя, – мягко, почти заискивающе сказал он, – можно я с ней поговорю? Ты же видишь, девочка ничего не понимает...

– А я ей сам все объясню, – хрипловато ответил тот. – Поймет с первого раза.

– Тогда план накроется, потеряем время, – возразил Андрей. – Пожалуйста, Марк! Если не получится, сделаешь, как хотел.

Тот постоял, не сводя с Бондарева угрожающего взгляда, и наконец нехотя отступил. Ирка сидела, будто окаменев. Андрей наклонился и шепнул на ухо Паулсу:

– Я хочу поговорить с ней наедине.

– А мы тебе чем мешаем? – так же тихо поинтересовался Марк.

– Девочка упрямая, из таких, которым на миру и смерть красна. Пока вы здесь, будет корчить из себя Зою Космодемьянскую. Оставь мне нож, возле двери поставь Василия, на случай, если она вздумает сбежать, и

дайте мне пятнадцать минут... Я ее уговорю. Марк, как ни крути, она нам подходит. У той женщины, с которой ты меня знакомил, пальцы ловкие, но в казино ее не возьмут – слишком стара.

– А у второй, у Веры? – хмуро спросил Паулс.

– У нее наколка на руке, про работу в казино ей можно забыть. А у этой – посмотри – руки чистые, пальцы длинные, мордашка симпатичная. Сейчас она перепугалась и со страху ничего не соображает, мы ее задавили числом. Если я останусь один, она расслабится. Не поймаю ее на старикана – поймаю на что-нибудь другое.

– Черт с тобой, – сдался Марк. – Попробуй.

Ирка напряженно наблюдала за тем, как трое мужчин выходят из комнаты. Внутри остался только парень – тот самый, который наблюдал за ней в казино. Руки Ирке не связали, но она не сомневалась, что снаружи дом охраняется.

Парень придвинул стул, сел рядом, вертя в пальцах нож:

– Меня зовут Андрей, у нас с тобой на знакомство и все формальности есть пятнадцать минут. Поэтому не перебивай меня и слушай внимательно. И вот еще что... – Он положил руку ей на запястье, и хотя Ирка попыталась дернуться, у нее не получилось избавиться от стальной хватки. – Постарайся не кричать.

Двадцать минут спустя Марк открыл дверь коттеджа, из-за которой не доносилось ни звука, и застыл на пороге. Девчонка сидела на стуле, и руки ее были вывернуты назад и связаны за спиной. Глаза закрыты, по лицу стекает тонкими ручейками кровь. Бондарев вразвалочку шел навстречу Паулсу, обтирая окровавленный нож.

– Мы немного побеседовали за жизнь, – невозмутимо сообщил он – Дама согласна на наше щедрое предложение.

– Ты спятил? – рыкнул Паулс. Позади него охнул Юрка, увидев изрезанную девчонку. – На черта надо было так ее кромсать?!

– Отработанный материал, – бросил сзади Василий, заглядывая в комнату. – Теперь ни в одно казино ее не возьмут. Ты, Умник, будешь сам ее закапывать.

Девушка застонала и подняла голову.

– Никого никуда не надо закапывать, – хладнокровно ответил Бондарев. – Через неделю все заживет как на собаке. По-другому она не понимала, пришлось объяснить, что мы настроены серьезно. Зато теперь будет работать и за страх, и за совесть.

Он сунул нож Храпову, похлопал его по плечу и спустился по

ступенькам, доставая из кармана пачку сигарет.

Паулс подошел к жертве, разглядывая искаженное болью лицо и намокшие от крови темные пряди.

– Я все сделаю... – едва шевеля губами, прошептала Ирка. – Честное слово, все сделаю! Только не надо больше...

Она сглотнула и замолчала.

– Дайте тряпку, – распорядился Марк.

Юрка, следовавший за ним, юркнул на кухню и тут же появился с полотенцем в руках. Паулс, не особенно церемонясь, провел полотенцем по Иркиному лицу, стирая красные потеки, и его глазам открылось чистая кожа без единого пореза. Он приподнял челку и хмыкнул про себя: раны, неглубокие, но обильно кровоточащие, были именно здесь.

Марк отошел в сторону и задумался. Умник рассчитал точно: с одной стороны, перепугал девчонку до полусмерти, с другой – сохранил ей подходящий для казино внешний вид. Но что они станут делать, если на полпути она решит бросить их и сбежать?

– Присматривай за ней, – приказал он Юрке. – Руки не развязывай, даже если начнет ныть.

Он вышел наружу и нашел Бондарева, курящего возле присыпанной снегом яблони.

– Недооценил я тебя, – признался Паулс. – Молодец. Надо за старым козлом съездить – пускай в кладовке сидит, пока его внучка трудится.

– Страх за близких – сильный кнут! – с философским видом сказал Андрей, выпуская дым. – Но страх за себя – еще сильнее. А если добавить пряника...

– Допустим. – Паулс хмыкнул. – Что у нас в роли пряника?

– Десять процентов от всей суммы.

Марк, вскинув брови, уставился на Андрея:

– А двадцать она не хочет?

– Она вообще о деньгах не заговаривала, десять процентов я сам предложил. Пусть думает, что им с дедом что-нибудь перепадет. Больше стараться будет. Какая нам разница, если все равно ясно, чем дело кончится.

Оба переглянулись и усмехнулись.

– Надо кладовку подготовить для хрыча, – сказал Марк. – Чтобы не удрал. Тогда можно будет отпускать девчонку. И вот что, Умник... – Паулс помедлил. – Введи ее в курс дела. Начинаем готовиться.

Глава 8

Ирка стояла, прислонившись к стене, в «зале ожидания» – просторной комнате, откуда претенденток по одной вызывали на собеседование. Около ста девушек готовились составить ей конкуренцию, но Ирка знала, что должна обойти большинство из них. Ей нужна была эта работа.

Пока все шло так, как рассказывал Умник. На первом этапе их отбирали по внешним данным и особенно пристальное внимание обращали на руки.

– Спасибо, но вы нам не подходите. – Флегматичный мужчина, проводивший отбор, не старался быть любезным и смягчать форму отказа.

Услышав этот ответ, девушки некоторое время переминались, будто в нерешительности, но когда им вежливо показывали в сторону двери, уходили.

– По какой причине я вам не подхожу?!

Ирка посмотрела на претендентку, задавшую этот вопрос оскорбленным тоном. Тощую красноволосую девицу с выражением крайней неприязни к окружающему миру на лице она заметила давно и не сомневалась, что ее не примут. «Облик будущего крупье должен располагать к себе, – говорил ей Бондарев. – Угрюмых, высокомерных, не дающих себе труда скрывать плохое настроение в казино не берут».

– Так вы скажете мне что-нибудь? – настаивала девица, наседавая на мужчину.

– Что вы хотите услышать? – невозмутимо спросил тот.

– Почему вы мне отказали, даже не потрудившись ничего узнать о моих способностях?! Или вам подходят только блондинки? Значит, так и нужно было писать в объявлении!

Мужчина пожал плечами:

– У вас все руки в цыпках. Цвет волос тут ни при чем.

Девица побагровела так густо, что Ирка испугалась за нее. Все, кто был в комнате, дружно посмотрели на ее руки с красной шелушащейся кожей.

– Это не цыпки, – выдавила она, – это диатез.

– Какая разница? Вылечитесь – приходите.

Девица выскочила из комнаты так стремительно, что едва не сбила с ног стоящую у дверей Ирку.

У красивой самоуверенной женщины лет тридцати, которая со всеми

шутила и балагурила, на тыльной стороне ладони змеился длинный белый шрам, и ей тоже было отказано.

Как и предсказывал Андрей, некрасивые женщины, полные, слишком высокие или слишком низкие не смогли пройти на второй этап. «Крупье не может быть нестандартного роста, – говорил он, – ему будет неудобно стоять за столом. Твои метр шестьдесят пять подходят идеально. Между прочим, на цвет зубов тоже обращают внимание: как ты догадываешься, желтые зубы не приветствуются. Так что не вздумай пить кофе литрами, собеседование уже на следующей неделе».

Ирка наблюдала, как стремительно тают ряды тех, кто хотел учиться в «школе казино» – из трехсот с лишним девушек в итоге осталось не больше ста. Их разделили на две партии и начали отбирать по одной.

Те, кто прошел собеседование, не попадали обратно в общий зал – их выпускали через другую дверь – и расспросить о том, что происходит за строгими дубовыми дверями, было некого. «На экзамен похоже, – подумала изнемогающая от ожидания Ирка. – Господи, скорее бы...»

Но когда наконец настала ее очередь, она выглядела спокойной и доброжелательной. Брюки и белый свитер, в меру строгий макияж, делавший ее старше, аккуратно собранные в прическу волосы... Осмотрев ее перед выходом, Андрей остался доволен.

– Рукава немного подними перед тем, как зайти, – сказал он. – Они все равно станут смотреть на руки, даже если ты пройдешь первый этап. Показывай их смело, у тебя очень выигрышные пальцы. Не вздумай демонстрировать ни одного из тех фокусов, которым ты научилась, – им нужны только неопытные люди, картежников никогда не берут.

Ирка посмотрела на свои «выигрышные пальцы». Тонкие, с овальными ноготками... Пальцы как пальцы.

– Если тебе интересно, основное их достоинство – длина, – сказал Бондарев. – Короткопалых в казино не берут, им требуется куда больше времени на обучение, да и работать потом тяжело: стеки собирать, мучиться с картами... Неважно, ты в этом потом разберешься. Главное, что ты должна запомнить: хорошие руки, аккуратный внешний вид и – спокойствие, только спокойствие! Готовься к тому, что тебя станут выводить из себя.

Ирка приготовилась. За дубовой дверью оказался крошечный проходной кабинетик, в котором сидел улыбчивый молодой человек с хвостиком, перетянутым резинкой на затылке.

– Привет! Ты у нас кто? Вижу-вижу, Ирина Лебедева... Садись, Ирина Лебедева. – Он кивнул на маленькую кушетку. – Как в школе училась, Ира?

– В целом посредственно, – честно ответила Ирка. – Но некоторые предметы любила.

– Например, литературу? – предположил улыбчивый, хитро сощурившись.

– Например, математику, – любезно поправила Ирка. – И английский.

– Математика – это хорошо! – объявил юноша с таким видом, будто держал на площади транспарант в поддержку математики. – Пробежимся по курсу для второго класса?

Следующие десять минут все с той же улыбочкой он гонял Ирку по таблице умножения, заставлял быстро складывать в уме и вычитать числа, дал ей пару устных задач на деление и успокоился только тогда, когда она с ходу дала правильный ответ, умножив двадцать пять на сто восемнадцать.

– Да ты молодец, Ирина Лебедева, – с некоторым удивлением признал улыбчивый. – Как у нас с высшим образованием?

– Я на четвертом курсе, – сказала Ирка с самым честным лицом. В сумке у нее на всякий случай лежал фальшивый студенческий, но она надеялась, что он не пригодится. – Истфак.

– Ну что ж, тоже неплохо. Посмотри-ка вот этот тестик.

Он протянул ей скелотые вместе три листа бумаги. «Тестик» оказался задачами разного уровня сложности, в котором преобладали задания на логику. С ним она справилась быстро.

Когда с этим было покончено, улыбчивый поставил какие-то галочки напротив ее фамилии и поднял голову:

– Ну, Ирина Лебедева, можешь быть свободна.

Сердце у Ирки упало, но когда она задала вопрос, голос звучал всего лишь огорченно:

– Я не прошла собеседование?

– Наоборот! Наоборот! – обрадовался чему-то молодой человек. – С моей частью ты справилась на ура! Так что я освобождаю тебя от своего присутствия и передаю следующему «эксперту». Даже двоим!

Он проворно вскочил, приоткрыл перед Иркой следующую дверь, вручил ей папку с ее фамилией и пожелал удачи. Здесь за столом, и впрямь похожим на экзаменаторский, сидели двое невыразительных мужчин в костюмах и женщина с неприятным злым лицом и короткой стрижкой ежиком. Ирка не успела даже испытать облегчения – начался третий этап.

«Казино очень солидное, – говорил Андрей Бондарев, – кого попало они не берут. Кадры предпочитают готовить сами, и отбор у них весьма серьезный. От тебя потребуется разговорный английский. Хау ду ю ду, Ирина?

– Айм окей, – не задумываясь, ответила Ирка, любившая смотреть фильмы без перевода на русский. – Энд хау ар ю?

– Айм файн. Что ж, неплохо уже то, что ты не теряешься. Если что, английский потом подтянешь. Итак, три этапа: внешность, способности, стрессоустойчивость. С внешностью у тебя проблем нет, способности ты тоже покажешь – главное, не растеряйся. А вот с проверкой на стрессы все сложнее. Помни самое главное: тебя могут проверять в любой момент. Если ты села на стул и у него хрустнула ножка, не плачь и не пытайся приставить ее обратно, ясно? Если на тебя заорут из-за того, что ты сломала дорогой стул, не бей заоравшего ножкой от стула по голове.

Ирка улыбнулась, живо представив себе эту картину.

– Вот ты смеешься, а это, между прочим, реальный случай, – сказал Андрей. – Засада может ждать тебя где угодно.

– А орать-то зачем? – задумалась Ирка. – Ну, сломала стул, бывает...

– Ты не поняла. У крупье – или дилера, как его ни назови, – должны быть железные нервы. Ты представляешь, что тебя ждет, когда ты начнешь работать? Здоровые мужики, проигрывая деньги, будут каждый день срываться на тебе. Они станут материться, орать, брызгать слюной, могут обзывать тебя шлюхой и обвинять в мошенничестве. Вокруг тебя будет накурено, ты станешь уставать, при этом тебе нельзя терять внимательности и расслабляться. Подумай, как ты будешь себя вести, когда клиент начнет кричать, что ты жульничаешь? Не торопись отвечать, это риторический вопрос. Ты должна улыбаться и очень, нет – очень! – вежливо отвечать ему, что это не так и что ты сожалеешь о его проигрыше. Запомни: посетители всегда вымещают злобу на тех, кто не может ответить. Ты – первый объект!

– И ты так работал? – недоверчиво спросила Ирка.

– Нет. Я работал гораздо хуже».

Двое в костюмах молча смотрели на нее, женщина уткнулась в свои записи. Ни один из них не поздоровался с Иркой.

– Здравствуйте, – вежливо сказала она, подходя к столу. – Вот мои данные...

– Кто разрешил вам подходить? – рявкнула вдруг женщина, отрываясь от бумаг. – Вернитесь на место!

– Простите, я не знала... – очень правдоподобно смутилась Ирка, делая три шага назад.

«Имей в виду, что ты будешь не одна такая умная, кого предупредят о проверке на выдержку и хладнокровие, – зазвучал у нее в голове голос Андрея. – У многих есть знакомые дилеры, и обязательно найдется кто-

нибудь, кто расскажет о поступлении в школу казино – не в эту, так в другую. И здесь имеется одна ловушка...

– Какая?

– Поступающие воспринимают все происходящее как игру и становятся совершенно непробиваемыми. Им хоть кол на голове теши – они делают вид, что им все нипочем. Это верный путь провалить тест, и знаешь почему?

– Потому что они показывают не стрессоустойчивость, а лишь ее видимость? – предположила Ирка. – И совершенно непонятно, как они будут вести себя, когда действительно окажутся в сложной ситуации.

– Верно. Запомни: ты должна демонстрировать нормальные человеческие реакции. Человеческие! А не повадки робота с задатками крупье. Самый уравновешенный человек выйдет из себя, если на него кричать без повода. Но его реакция будет отличаться от реакции истерика или просто легковозбудимого претендента. Так что не вздумай делать каменное лицо, в этом случае у тебя велик шанс не пройти собеседование».

– Давайте сюда ваши бумажки, – лениво протянул один из мужчин. – А теперь рассказывайте, зачем хотите работать в казино.

– Во-первых, это интересно, а во-вторых, вы хорошо платите, – с улыбкой ответила Ирка.

– Значит, деньги для вас главное? – взвилась женщина. – Как тогда мы можем быть уверены, что вы не станете подворовывать?!

– Деньги, конечно, имеют значение, – немного удивленно отозвалась Ирка, ничуть не оскорбившись. – Но я собираюсь работать честно!

«Не давай понять, что тебе известно многое о работе самого казино, – учил Андрей. – Лишние знания только навредят тебе в их глазах. Никаких упоминаний о службе охраны, камерах, служащих и прочем. Но врать тоже нельзя, и если спросят, играла ли ты когда-нибудь, отвечай, что играла».

Десять минут спустя после начала третьего этапа собеседования Ирке пришлось напомнить себе, что она должна лущиться доброжелательностью. Она понимала, что все происходящее – лишь игра, спектакль для проверки ее самообладания, но несмотря на это, выносить нападки женщины было тяжело. Если б Андрей разрешил отвечать на вопросы с непроницаемым лицом, она выдержала бы испытание куда легче, но сейчас силы тратились на то, чтобы изображать подобие естественных для нее реакций.

Ирка играла уравновешенную девушку, студентку, нуждающуюся в деньгах, очень заинтересованную предлагаемой работой – что соответствовало истине. На оскорбительные намеки она реагировала удивленно, и лишь один раз позволила себе немного обидеться: когда ее

спросили, не является ли целью ее устройства в казино знакомство с состоятельными мужчинами.

– Знаете, вряд ли для знакомства я стала бы выбирать такой сложный путь, – сказала Ирка. – Тем более, если я правильно оценила специфику работы крупье, мне будет совсем не до того, чтобы оценивать состоятельность клиентов. Уже поэтому ваше предположение неверно. А о моральной стороне мне не хотелось бы говорить. Доказывать, что ты не верблюд, – неблагоприятная задача.

Это была самая длинная речь, произнесенная ею в ответ на вопросы, поскольку до этого Ирка отвечала исчерпывающе, но кратко. Она говорила спокойно, держалась с достоинством и видела, что произвела благоприятное впечатление. Но когда ей объявили, что собеседование закончено, она едва удержалась от того, чтобы не выдохнуть и не утереть со лба пот.

– Результаты будут известны завтра, когда все пройдут собеседование, – сказали ей. – Позвоните по этому номеру.

Вернувшись домой, Ирка свалилась на кровать и подумала, что сейчас уснет мертвым сном, но тут же вскочила и принялась возбужденно ходить по комнате. Она привыкла во всем советоваться со стариком, и одиночество в его квартире было для нее невыносимым.

– Слушай, Проша! – сказала она наконец, сдернув с клетки попугая покрывало, которым его закрывали на ночь. – Что сегодня было...

Еще десять минут она рассказывала полусонному Прохору о том, что ей пришлось испытать. Постепенно ей начало казаться, что за ее спиной старик, как обычно, сидит в своем кресле, и говорит она не с птицей, а с ним.

«Ты молодец, – сказал ей воображаемый дед, выслушав ее повествование в лицах до конца. – Будем надеяться, у тебя все получилось».

«А если нет?.. Тогда...»

«Не каркай и не гадай раньше времени. Как говаривал один мой хороший друг и тезка: будем решать задачи по мере их поступления».

Ирка остановилась, кивнула, вслух сказала деду «спасибо» и упала на кровать. Через минуту она уже спала.

На следующий день она узнала, что принята в школу казино «Королевский Двор». Ей предстояло учиться два месяца, после обучения устроиться дилером в это же казино, а затем помочь группе Марка Паулса обокрасть его.

– Что ж, будем решать задачи по мере их поступления, – сосредоточенно повторила Ирка вслед за дедом. – Сначала – учеба!

– Здравствуйте, крошки мои!

Жизнерадостный рыжеволосый толстяк, краснощекий, как Санта-Клаус, оглядел свою притихшую аудиторию. Тридцать девушек внимательно смотрели на него.

– Меня зовут Яша, ко мне можно и нужно обращаться на «ты». И я каждой из вас, малютки, тоже буду говорить «ты» – чур, не обижаться. Итак, с сегодняшнего дня вы начинаете обучение в нашей школе казино. Вас разделили на две группы, в каждой по тридцать человек. К концу нашего обучения вас останется не больше сорока. Всего! А то и меньше. Вы меня поняли, крошечки?

Крошечки дружно кивнули.

– Выводы сделали?

Крошечки кивнули менее уверенно, потому что им было не совсем ясно, какие выводы они должны сделать из Яшиных слов.

– Вижу, что вы далеки от понимания, – сокрушенно констатировал толстяк, обведя взглядом вопросительные лица. – Объясняю: некоторые из вас уйдут сами, а некоторым придется покинуть нашу школу, если они не будут хорошо себя вести. Первое лучше второго. Если вы видите, что не справляетесь, умоляю вас, крошки мои, не мучьте себя и уходите! Быть может, ваше призвание – быть шпалокладчицами, а вовсе не стоять за нашими прекрасными зелеными столами. Подумайте, девочки, и поднимите руки – кто готов уйти сейчас? Я скажу вам спасибо, потому что вы облегчите нашу работу!

Однако перспектива сменить школу дилера на карьеру шпалокладчицы почему-то никого не прельстила.

– Ах, значит, так?! – удивился толстяк, как будто ожидал, что после его слов все немедленно бросятся бежать прочь. – Ну, крошечки мои, вам же хуже!

Он неожиданно подмигнул Ирке, сидевшей по близости, и, приплясывая, как ярмарочный паяц, пошел к выходу. Возле дверей он удивленно обернулся:

– А что это вы сидите, девочки? Ну-ка живо-живо, все за мной, в зал! Будем сначала работать ручками, потом головой.

У Яши Шульмана все существа женского пола делились на «крошек», «пупсиков», «куколок», «малышек» и «ласточек». Ирке представлялось, что она участвует в компьютерной игре и должна дойти до пятого уровня. Все

новички были «крошками» и не могли избавиться от этого клейма до тех пор, пока Яша их за что-то не хвалил. После этого девушка переходила в статус «пупсика». Отличившиеся «пупсики» переименовывались в «куколок», из которых могли выбиться в «малышки» и – высшая ступень достижений – в «ласточки».

Из-за плохой учебы или поведения девушка могла быть разжалована и из «малышки» снова превращалась в «пупсика». Поразительно, но Шульман никогда не забывал, кто из его подопечных в каком статусе находится, и ни разу не ошибся.

Он никогда не повышал голос на своих учениц, всегда был дружелюбен и лучился такой же жизнерадостностью, как и в первый день, когда они познакомились. Однако его побаивались, и никто не смел с ним фамильярничать. С ласковой улыбкой он мог выгнать любую из провинившихся учениц и однажды довел до нервного срыва Алису Чун, взрывную девушку с азиатскими корнями, заставляя ее в пятнадцатый раз показывать одно и то же упражнение. В конце концов, отбросив фишки, Алиса осыпала его отборной руганью, а Яша, не утратив во время ее речи и капли своей улыбчивости, сообщил, что очень рад ее поступку: наконец-то она предоставила ему прекрасную возможность выкинуть ее за шкуру как нашкодившего щенка.

– Может быть, кто-то еще желает присоединиться к Чун? – осведомился он, потирая ладони, когда покрывшаяся красными пятнами девушка хлопнула дверью. – Нет? Тогда продолжим занятие. Кстати, имейте в виду: ни в одно приличное заведение эту крошку больше не возьмут.

Под заведением у Яши понималось только и исключительно казино, и в его правоте Ирка убедилась, когда позвонила Алисе спустя две недели – узнать, как дела. Выяснилось, что та пыталась устроиться в школу при казино «Лос-Анджелес», регулярно проводящем набор крупье, но не дошла даже до второго этапа.

– В черный список внес меня, сволочь! – бушевала Алиса. – Я б ему глаза выцарапала, если б он мне попался.

Ирка вздохнула, посочувствовала Алисе, а про себя решила, что ни за что не станет противоречить Яше или спорить с ним, что бы ни происходило. В том, что у оскорбленной Чун будет шанс выцарапать Шульману глаза, она сомневалась.

– Крошки, вы будете универсалами, – говорил Яша, выстроив девушек вокруг стола. – Вам придется изучить правила всех игр, которые существуют в нашем казино. Но для начала возьмите в руки фишки.

Умение чиповать – это то, с чего начинается хороший крупье.

– Что такое «чиповать»? – тут же спросил кто-то, и Шульман покачал головой:

– Девочки, больше выдержки! Смотрите и постарайтесь повторить.

Он собрал фишки в небольшую стопку, одним плавным движением руки разложил их на столе веером, тут же собрал и выстроил перед собой.

– Повторите. Сперва вы. – Яша указал на ближних трех девушек.

Одна за другой те постарались рассыпать фишки, как показал Яша.

– Следующие, – вздохнул Шульман.

Ирка догадывалась, что проделанное Шульманом в действительности сложно повторить, несмотря на кажущуюся простоту. Но насколько сложно она поняла лишь тогда, когда настала ее очередь, и Ирка с силой провезла рукой по столу, так и не собрав все фишки.

– Ваши ручки, дорогие мои, должны быть подобны крыльям! – воскликнул Яша. – Но не воробыному трепыханию, а крыльям чайки, когда она планирует в потоках воздуха. Плавно, как балерины «Лебединого озера», и стремительно, как гоночные машины. Учтите, что все ваши движения должны быть видны клиентам, если вы не хотите, чтобы вас обвинили в шулерстве! Тренируемся без чипов, повторяйте!

Ирка упражнялась по вечерам, а по ночам ей снилось, что она собирает фишки снова и снова. Андрей Бондарев категорически отказался помогать ей:

– Заметят, что у тебя рука поставлена, – вышибут из школы. Учись сама.

Ирка училась перед зеркалом, потому что, увидев сосредоточенные лица своих учениц, Шульман расхохотался:

– У вас такой вид, крошки, словно вы коллективно страдаете запором.

Никогда прежде Ирка не могла представить, что контролировать выражение собственного лица во время выполнения упражнений может быть так тяжело. «Не забудьте приветливо улыбаться игроку!» – призывал Шульман. Однако Иркина приветливая улыбка больше напоминала радостный оскал акулы при виде слишком далеко заплывшего купальщика. Со временем в ее движениях стало заметно улучшение, но теперь милая улыбка намертво приклеилась к ее лицу. Ирка улыбалась, вставая утром с постели, улыбалась за завтраком и продолжала улыбаться в метро, с ужасом глядя на свое отражение.

– А теперь отучаемся улыбаться! – объявил Шульман, когда они более-менее освоили работу с фишками. – Все-все, «Макдоналдс» закончился! «Первая касса свободна» – это теперь не про вас. Вы не имеете права

спорить с игроками, но именно дилеры, и никто другой, управляют игрой! Выражения ваших лиц должны дать понять клиенту, нарушающему правила казино, что ему пора остановиться. Ну-ка, покажите мне, что вы рассердились... Бог мой, откуда эти яростные взгляды?! Сдержаннее, сдержаннее... Вы не с мужьями, крошки мои!

Ирка посмотрела на соучениц и рассмеялась, не сдержавшись. Правда, когда она сама начала упражняться, ей стало не до смеха. Сперва она испепеляла клиента взглядом, затем давала ему понять, что он полное ничтожество, играющее в казино только по недосмотру охраны, и в конце концов, брезгливо оттопырив нижнюю губу, недоумевала, как низко мог пасть человек. Понаблюдав за сменой выражений ее лица, Андрей Бондарев усмехнулся и сказал, что будь он игроком, отдал бы ей деньги без всякого покера.

Однако постепенно она приучилась контролировать лицо и натренировала руки. Яша Шульман называл это – «поставила».

– Хорошо, куколка моя, хорошо, – похвалил он Ирку, и она расцвела.

Даже недобрые взгляды кое-кого из девушек не омрачили ее торжества: две недели быть «крошкой», а затем сразу перепрыгнуть в «куколки» было самым настоящим карьерным взлетом. Впрочем, где-то далеко впереди в перспективе маячили «ласточки», и Ирка упорно шла к ним.

Она привыкала к тому, что все называется не так, как должно бы называться. Училась быстро тасовать колоду и про себя говорить, что *делает шаффл*, раскладывая по столу фишки, думая, что *нарезает* их, и ловко *зачищать поле* – под этим подразумевался всего лишь сбор фишек со стола.

Когда их группа научилась исполнять простейшие движения с фишками, у них появился новый учитель.

Женщина лет тридцати утром вошла в комнату вместе с Яшей, и он обвел слушательниц пухлой ручкой:

– Вот они, Жанночка. Прошу! Пупсики в твоих руках! – и вышел, посмеиваясь чему-то.

Ирка внимательно посмотрела на женщину. У той было грубоватое лицо с квадратным подбородком и короткая жилистая шея. Мужеподобность Жанночки подчеркивала жилетка, украшенная нелепыми золотыми пуговицами.

– Меня зовут Жанна Ивановна, – сказала гостя, глядя перед собой. – Раньше я работала крупье, так что буду учить вас некоторым вещам, без которых вы не сможете работать, а затем приму у вас экзамен.

– Экзамен? – изумилась Эля Подрядчикова, очаровательная белокожая девушка, любившая обращать на себя внимание. Ирка ее недолго любила, и Эля платила ей тем же.

– Естественно! – фыркнула Жанна Ивановна. – А вы как думали?

– А что будет с теми, кто не сдаст экзамен? – не унималась Подрядчикова. – Пересдача?

Несколько девушек рассмеялись. Жанна подождала, пока установится тишина, и веско проговорила:

– Те из вас, кто не сдаст экзамен, вылетят отсюда в две минуты. Дур мы здесь не держим.

Воцарилась тишина, которую никто не осмелился нарушить очередным вопросом.

С этого дня начались занятия с Жанной.

– Я буду учить вас работать со стеками, – говорила она, прохаживаясь вдоль стола. – Стек – стопка из двадцати фишек, они же чипы. Вы не сразу станете крупье, сперва вас поставят чиперами. Чипер – это помощник дилера, который сам не вступает в игру. Задача чипера – помогать своему крупье: он должен следить за порядком в стеках, уметь раскатывать неполные стеки в столбики, собирать отыгранные фишки, сортировать их по цветам – короче, вся работа с чипами будет на вас. Вы должны уметь вслепую определить, сколько чипов в стеке, и не глядя отбирать нужно число чипов.

У девушек немели пальцы – ежедневные занятия занимали не меньше шести часов. К концу дня фишки валялись на пол, а сложить стек из двадцати штук казалось невозможным.

– Если вы сделали ошибку и отдали игроку лишние деньги, игрок вам их не вернет! – твердила Жанна, муштруя учениц. – А если вы ошиблись в свою пользу, то готовьтесь к тому, что вас вышибут из казино, потому что клиент устроит скандал. За любое нарушение вас будут штрафовать!

– Что же нам делать? – уныло произнесла одна из девушек.

– Не ошибаться! – отрезала Жанна.

Девушки в школе казино пугали друг друга страшными историями о постоянных клиентах, способных облапошить любого новичка-дилера, каким бы внимательным он ни был. Рассказывали о клиенте, бросившемся на крупье с кулаками, о доведенных до истерики девочках за покерным столом, о том, что срок работы за рулеткой – не больше четырех лет, а потом у крупье начинается профессиональная деформация: он привыкает раскручивать колесо рулетки с одной и той же силой и скоростью и игрок может предсказать, куда выпадет шарик. Ходили темные слухи о шулерах,

испытывающих начинающих крупье, выводя их из себя, отвлекая и незаметно обмениваясь картами. Об этом Ирка знала куда больше многих, но помалкивала.

Она доводила навыки работы с фишками до автоматизма. Жанна была очень строга и придирчива к мелочам, а угодить ей оказалось куда труднее, чем Яше.

– «Грязные» стеки – вот самый страшный грех чипера! Лебедева, что такое грязный стек?

– Это стек, в который попал чип другого номинала, – немедленно отвечала Ирка. – Дилер не должен проверять чистоту стека, а штраф за ошибку вычитается из зарплаты чипера.

– Какие требования предъявляются к внешнему виду чипера?

– Те же, что и к дилеру: никаких украшений и карманов!

– Почему?

– Чтобы клиент не подумал, что крупье жульничает, пряча карты в карман, или отвлекает его внимание браслетами!

– Хорошо. Следующий вопрос...

Жанна Ивановна с первого дня установила строжайшую дисциплину на своих занятиях, и две девушки, которые отнеслись к ее требованиям небрежно, тут же поплатились за это. Одной из них была Эля Подрядчикова.

Первый раз Эля опоздала на занятие на пять минут и была жестоко отчитана Жанной при всей группе:

– Если хотите подольше спать утром, отправляйтесь домой и больше не приходите! Казино не слишком много потеряет, если вы не станете нашими сотрудниками.

Эля извинилась, однако, идя к группе, выразительно скривила губы, обозначив свое отношение к поучениям «Жанночки». Два дня занятий прошли как обычно, но на третье утро Подрядчикова влетела в казино, когда на телефоне Ирки, на который она украдкой взглянула, высветилось восемь минут десятого.

Жанна поймала Элю, с самоуверенным видом направлявшуюся к столу, развернула ее за плечи и молча вывела наружу. Подружка Эли, забежавшая в зал спустя пять минут, была отправлена следом, и больше обеих девушек в казино не видели.

– Кто-то еще хочет поспать по утрам? – свирепо осведомилась Жанна. – Нет? Тогда продолжаем занятие.

На следующей неделе отсеялись еще четыре девушки, которые не смогли справиться с запоминанием таблиц. Жанна и в самом деле устроила

настоящий экзамен, ожесточенно курила сигарету за сигаретой, выпускала дым в лицо девушкам и шестерых довела до слез. Но не Ирку.

Ирка ожесточенно зубрила порядок выплат, заучивала наизусть комбинации карт, по дороге из школы домой перемножала в уме двузначные цифры и за короткий срок завоевала стойкую нелюбовь кассирш в небольшом супермаркете, где они с дедом покупали продукты. Натренировавшись быстро считать в уме, она с удивлением обнаружила, что итоговая сумма по чеку почти всегда на десять – пятнадцать рублей больше, чем должна бы. Первый раз Ирка указала на это в полной уверенности, что произошла ошибка, однако второй и третий заставили ее насторожиться. Когда она в четвертый раз сказала кассирше про неправильный счет, то получила ответ: две пренебрежительно брошенных на блюдце пятирублевых монеты. На лице немолодой, завитой как овца женщины, сидевшей за кассой, отразилось все, что она думает о подобных Ирке крохоборах.

Если бы девушка попала в эту ситуацию год назад, она бы бесшумно испарилась, кляня себя за мелочность. Но жизнь у Михаила Степановича сильно изменила ее, а жесткая школа казино закалила и подготовила к любым стычкам. По сравнению с тренингами Жанны скандал в магазине представлялся детской забавой в песочнице.

Поэтому стоило затихнуть звяканью монет, как Ирка щелкнула зубами и из трепетной девушки превратилась в разъяренную мегеру. Громким уверенным голосом она сообщила все, что думает по поводу постоянных обманов в магазине, и потребовала одновременно жалобную книгу, вызвать директора и составить акт о мошенничестве. Из очереди были тут же вытащены две бойких бабушки, которые согласились быть свидетелями, и Ирка, не отходя от кассы, настрочила жалобу, в которой фигурировала ссылка на уголовный кодекс и статью «О систематическом обмане покупателя», изобретенную ею на месте.

Кассирша побледнела и поспешно извинилась. Вызвали менеджера, который был так же введен в заблуждение Иркиной активностью, как и все остальные, и он тоже принес извинения. В это время женщина в очереди обнаружила, что взяла просроченный творог, и присоединилась к Ирке с критикой магазина.

Когда рядом прозвучало «жалобу в Роспотребнадзор», Ирка решила, что пора выбираться. Запущенный ею скандал набирал обороты, и теперь она могла быть уверена, что больше ее здесь не обсчитают.

Так оно и вышло.

После сдачи первых экзаменов в их группе осталось двадцать человек.

Жанна выстроила их перед собой, будто солдат на плацу, оглядела и сказала без всякого предисловия:

– Если вы попробуете пройти в «брейк» через основной зал, вас уволят. Немедленно.

Ирка уже знала, что брейком, или брейк-залом, называется небольшая комната, куда крупье уходят отдыхать. Час работы за одним столом и ни минутой больше – затем перерыв в работе. Но о том, что им запрещено где-то ходить, она слышала впервые.

– Вы не имеете права идти там, где стоят клиенты, – продолжала Жанна. – Вы не можете подойти к барной стойке. Надеюсь, мне не нужно объяснять, что вы не можете позвать официанта?

– А если захочется пить? – робко спросила одна из девушек.

Жанна Ивановна смерила ее таким взглядом, что несчастная подалась назад.

– А если тебе захочется в туалет, ты возле рулетки пописаешь? – уничижительным тоном осведомилась она. – Или все-таки дотерпишь?

Девушка густо покраснела.

– Не слышу ответа! – Жанна повысила голос.

– Дотерплю, – прошептала та.

– Вот и прекрасно! Значит, ты в состоянии контролировать свои желания.

Жанна продолжала говорить, и Ирке начало казаться, что жизнь крупье состоит из сплошных запретов. Она уже знала, что крупье запрещено играть в любых казино, но руководство иногда закрывает глаза на поведение своих сотрудников. Всем им с первого дня занятий объяснили, что они не имеют права знакомиться с клиентами. Но только теперь она узнавала от Жанны, что крупье нельзя не только играть, но даже заходить в казино, что нельзя громко звать по имени друг друга, что они не имеют права появиться в заведении в какой-либо иной одежде, кроме униформы... Белая рубашка с черной бабочкой и черные же брюки никому особенно не нравились, но все молчали – никто не хотел потерять место из-за длинного языка.

– Через каждый час работы у вас будет перерыв – двадцать минут! – сказала Жанна. – Обращаться к другим дилерам можете только на «ты» и по имени. На «вы» – нельзя.

– Почему? – не удержался кто-то от вопроса.

– Потому! Потому что такие правила, и они одинаковы для всех. И еще: у вас не может быть часов, и вы не имеете права ответить игроку, сколько времени!

Происхождение этого правила было Ирке отлично понятно. Казино было не просто заведением, где можно сыграть в рулетку или пощекотать нервы на блэк-джеке. Казино было миром Игры, Игры с большой буквы, по сравнению с которой все прочее отступало на второй план. И те, кто управлял этим миром, делали все, чтобы игроки оставались в игре как можно дольше.

Первый бросающийся в глаза запрет – на окна и часы. Глухие стены, ни одного циферблата... Для тех, кто внутри, стрелки часов останавливаются. Смена ночи рассветом, а рассвета – солнечным днем проходит незамеченной. Никто не должен знать, сколько времени он провел в казино. Ни официант, подносящий напитки, ни крупье, раздающий карты, ни инспектор, следящий за игрой на нескольких столах, – никто из них не имеет права ответить на простой вопрос: «Который час?»

Здесь работают бесшумные агрегаты, насыщающие воздух кислородом, чтобы у игрока не возникало желания выйти на свежий воздух. Вот он, свежий воздух, вокруг тебя! Здесь так хорошо и приятно, и нет необходимости куда-то идти. Отличные коктейли, хорошие закуски, интерьер, не раздражающий взгляд... Все продумано для того, чтобы зашедшему сюда человеку захотелось остаться – и сыграть.

Ирке с непривычки поначалу казалось, что в казино темновато, пока она не поняла: здесь не темно – здесь *именно так, как надо*. Женщины в казино кажутся привлекательнее, мужчины – моложе, потому что правильный приглушенный свет творит чудеса. Он не раздражает глаз, от него не хочется зажмуриться и уйти.

Все в казино было подчинено игре. Ничто не должно отвлекать игрока, ничто не должно отнимать у него лишнее время от того, ради чего он пришел в казино. Как-то раз Ирка обратила внимание на то, что в туалетах висят не электросушилки, а бумажные полотенца, и поделилась этим наблюдением с одной из девушек, Людой.

– Как ты думаешь, это потому, что людям больше нравится вытирать руки, чем сушить? – спросила она.

– Наверное, – пожала плечами Люда. – А вообще, какая разница?

– Мне кажется, разница есть... – задумчиво сказала Ирка.

Но Люде это было неинтересно, и она уже отошла в сторону.

Яша Шульман, слышавший их диалог, подозвал к себе Ирку.

– Электросушилки заменили полотенцами три года назад, – сказал он, пристально глядя на нее. – Один из менеджеров заметил, что посетители тратят не меньше пятидесяти секунд на то, чтобы высушить руки под струей воздуха. И потом еще трясут ими секунд десять. Итого получается

минута. А на то, чтобы высушить руки полотенцем, уходит четыре секунды. Или пять, не больше. Ты понимаешь меня, куколка?

Ирка кивнула.

– Я думаю, что да... – осторожно ответила она. – Минута, потраченная на сушку рук, – это время, украденное у казино. Оно выброшено впустую. Тот менеджер сократил выброшенное время больше чем в десять раз. Одна минута – это ерунда, но через казино проходят сотни посетителей, и минуты становятся часами. Часами, которые могли быть потрачены на игру! А время в игре – это деньги, которые получит казино. Потому что оно всегда в выигрыше.

Шульман одобрительно кивнул.

– И еще я думаю, – добавила Ирка, – что этим менеджером были вы.

Яша заинтересованно наклонил голову.

– Ты очень неглупая малышка, – проворковал он. – Ну иди, занимайся. И не забудь: мы называем друг друга на «ты».

Глава 9

Юрке Храпову не нравилось происходившее в последнее время. В кладовке у них вот уже пятую неделю сидел старик, которому швыряли объедки, как собаке, и дважды в сутки выводили в туалет. Впрочем, последнее прекратилось, когда старый хрыч схватил швабру, стоявшую за унитазом, отходил ею сопровождавшего его Василия и едва не сбежал. Хорошо, Арнольд вовремя спустился на шум и скрутил Гройса в два счета. После этого Марк принял решение не выпускать пленника из кладовки, а заодно проверить, не делает ли он подкоп. Выяснилось, что делает, но не подкоп. Неугомонный старикан ухитрился оторвать стенную панель и методично долбил за ней кирпичи, используя для этой цели короткий гвоздь. Много, правда, не продолбил, но и этого хватило, чтобы Паулс распорядился раз в три дня проверять сохранность стен, пола и потолка. Причем проверяли вдвоем: один лазил по комнатушке, а другой держал старика в наручниках и с ножом у горла, чтобы не вздумал напасть. «Спецназовец какой-то, а не старичок, – подумал Юрка. – Ему о вечном пора бы размышлять, о смирении, а к нему без ножа да в одиночку хрен сунешься».

При всем том этот самый Гройс имел вид скромный и благостный. За время своего заточения он похудел, зарос щетиной, но выглядел скорее монахом-отшельником, чем узником. Лишь однажды глаза его вспыхнули яростью, а облик изменился до неузнаваемости – когда Марк пригрозил, что убьет девчонку, а до этого отдаст своим ребятам позабавиться. Вот тогда Юрка увидел в нем настоящего волка – пусть старого, пусть больного и покалеченного, но все же волка...

После этого Гройса словно подменили: теперь он сидел в своей кладовке тихий, молчаливый и покорно подставлял руки для наручников, когда к нему заходили с проверкой. После неудачной попытки побега Арнольд избил его, и старик поворачивался как-то неловко, боком, но ни разу не пожаловался, хотя Юрка видел, что ему больно.

Паулс рассказал им о том, какие счеты связывают его и Арнольда со старым Гройсом. Дед девчонки сперва подставил, а потом убил старшего брата Арнольда, работавшего вместе с Марком.

– Неудачный тогда у меня вышел год, – закончил Паулс свой рассказ, прикрыв глаза. – В столицу я еще долго после этого не совался, шарил по окраинам. Но Бог не тимошка, видит немножко, – вот и свела нас судьба с

Гройсом. Удачно так свела... Правда, Арнольд?

– Я ведь тебе говорил, что встретил его в бильярдной. Ты мне не верил, – упрекнул тот Паулса. – Я бы рожу этой сволочи никогда не забыл!

– А где ты его видел? – спросил Васька Храпов, вслепую тасуя колоду.

– На суде. Думал сразу убить, но не вышло. Оно и к лучшему.

Но Юрка не был уверен, что это к лучшему.

Ему не нравилось ничего из того, что они затеяли. Поначалу, когда Умник объяснил, что именно он задумал, все восхитились. Покрутили его план так и эдак, рассмотрели со всех сторон, но не нашли в нем изъянов. Правда, для осуществления их замыслов требовался свой человек в казино, но Андрей сказал, что это он возьмет на себя. И отправился по московским казино, приглядываясь к посетителям.

Он играл впустую целую неделю. Марк, устав ждать, нашел двух подходящих женщин, но Умник их забраковал и продолжал свои поиски. И вот тогда, когда они уже были готовы все отменить, Бондарев отыскал для них девочку Иру. А та вывела на старика.

«Удача приходит к подготовленным», – сказал Марк Паулс.

С девчонкой все пока шло как по маслу. Ее приняли в школу казино, и теперь вся группа ждала только одного – того дня, когда ее поставят работать за покерный стол. Марк поначалу опасался, что внучка Гройса плюнет на своего деда и смоеется, но затем стало ясно: нет, не смоеется. Закрыв старика, они намертво привязали ее к себе. Первые недели за ней неотступно следили, особенно не скрываясь, но затем слежку сняли. Девчонка, кажется, ничего и не заметила.

А чтобы Ира не вздумала пойти в прокуратуру с заявлением о похищении, Бондарев привез ее в коттедж, показал, где сидит старик, и на ее глазах с силой ударил его под дых. Старик рухнул на пол, глотая воздух, и из глаз его потекли слезы. Андрей закрыл дверь и обернулся к Ирке, которую крепко держал Арнольд.

– Не считай меня садистом, – попросил он. – Я лишь хотел тебе показать, что твой дед больше не способен сопротивляться. Если сюда подъедет хоть одна машина, которую мы не ждем, он умрет первым.

Ирка кивнула. Глаза ее были абсолютно сухи, и смотрела она не на Андрея, а на дверь, из-за которой доносился еле слышный стон.

– Мне жаль вас обоих, – сочувственно сказал Бондарев. – Но другого выбора у меня нет. Лучше ты все поймешь сейчас, чем сделаешь ошибку, которую не сможешь исправить.

Он ободряюще похлопал окаменевшую Ирку по плечу и пошел к выходу с таким огорченным видом, как будто это не он минуту назад нанес

удар беспомощному старику.

И это больше всего не нравилось Юрке Храпову – то, что происходило с Андреем Бондаревым по прозвищу Умник.

Когда парнишка только попал к ним, Юрий был уверен, что Марк его сломает. С самого начала в Бондареве ощущалось что-то, что выделяло его из десятка умелых мальчиков-крупье с ловкими пальцами, которых Храпов повидал за много лет. Он был слишком себе на уме, слишком наособицу. Не парень, а ходячий черный ящик: Юрка никогда не мог бы сказать, о чем он думает. К тому же в его молчаливости, в неторопливости, с которой он выполнял распоряжения Паулса, чувствовалась готовность сделать по-своему и тихое, но основательное упрямство.

А таких людей Марк ненавидел и стремился подчинить.

После убийства Сашки-Ковриги Бондарев пару дней ходил будто замороженный. Ходит, ест, даже говорит – а в глазах ничего нет. Замерз. Потом, правда, оттаял, улыбаться стал, шутить и вроде бы забыл все случившееся как страшный сон.

Однако что-то в нем все-таки произошло за эти два дня. Андрей не сломался, как опасался Юрка, не превратился в трусливого слизняка, беспрекословно выполняющего все приказы Марка. Был когда-то в их группе и такой, но долго не продержался: сбежал на Украину, два месяца прятался где-то в Крыму, а затем его распухший труп выловили рыбаки возле небольшого курортного поселка.

Но Бондарев не пошел по его пути. Вместо этого он словно сказал себе: «Все позволено». Понемногу пробовал пределы допустимого и каждый раз убеждался: можно, можно, смело ступай дальше. Первый раз это случилось, когда Андрей «уговорил» девчонку Гройса работать на них. Именно тогда Юрка, а за ним и все остальные увидели совсем другого Умника: безжалостного и хитрого.

Храпов спрашивал себя – смог бы он сам изрезать девчонке лицо? И честно признавался, что не смог бы. Из всей их группы подобное мог сотворить только Марк. Васька просто зарезал бы, без лишних мучений. Арнольд свернул бы ей шею при необходимости. А у Юрки кишка была тонка для таких дел, и он их сторонился.

Пока девчонка училась в своей школе при казино, Бондарев не терял времени зря. Для начала он придумал один за другим два проекта по ограблению банков. Первый из двух отверг даже Паулс – по причине избыточного количества трупов, заложенных в бондаревскую схему.

– Ты предлагаешь положить четырех охранников и кассира. Вся

ментовка на уши после такого встанет! – сердито сказал он Бондареву.

Андрей почти не огорчился, лишь пожал плечами:

– Ну нет так нет.

И уселся что-то чертить, насвистывая себе под нос.

А на следующий день предложил второй проект. Расписал роли, дал расклад по времени и жертвам... Выходило, что придется застрелить только одного охранника. Если очень не повезет – то двоих.

Паулс задумался, глядя на схему Умника.

– Сколько можно взять? – спросил он наконец.

– Не знаю, – честно признался Бондарев. – Если приблизительно, то от двадцатки и выше.

Двадцать миллионов... Юрка с Василием переглянулись. Пожалуй, это была та сумма, от которой Марк мог начинать обдумывать план всерьез. Вожделенный отель на берегу моря все еще ждал его, и Паулс регулярно созванивался со своим агентом, узнавал, не выставили ли его мечту на продажу.

Марк снова внимательно изучил план ограбления и решил, что второго такого случая не представится. Начали готовиться, Андрей купил оружие, – и вдруг внезапно выяснилось, что банк переезжает в другой офис. До переезда оставалась неделя, а для качественной подготовки требовалось минимум полторы. Дело накрылось – к неудовольствию Марка и к великому облегчению Юрки.

Но и эта неудача не заставила Бондарева успокоиться. Только теперь он не просиживал над проектами, а часами колесил по Москве, возвращаясь поздно вечером уставший и грязный, будто не в машине ездил, а ходил пешком. Зима наступила слякотная, бесснежная, и тем, кто ожидал его в неуютном коттедже, становилось все тоскливее.

Все с нетерпением ждали, когда смогут проверить дельце в казино и исчезнуть. Все было подготовлено: и новые паспорта, с которыми они собирались скрыться в Литве, и две машины с «чистыми» номерами, стоящие в гараже... И глубокая яма на заднем дворе, которую начал копать Арнольд, а потом к нему присоединился Василий: не мог забыть, как старый Гройс избил его обычной палкой.

Арнольд преобразился. Тонкий изящный хлыщ уступил место красавцу нордического облика. Арнольд легко набирал и сбрасывал вес, и двух месяцев занятий ему хватило, чтобы раздаться в плечах и приобрести атлетический вид. По вечерам он приоткрывал дверь кладовой, садился на пол и вполголоса разговаривал с Гройсом: рассказывал ему, как тот убил

его брата, и про суд, и что-то еще, к чему Юра старался не прислушиваться.

Поначалу он не мог понять, зачем это Арнольду: старик до сих пор ни разу ему не ответил, ни словечка не сказал! Только один раз изменил своему правилу, когда эстонец вдруг спросил его, не хочется ли старику чего-нибудь.

– Может, тебя чем-нибудь порадовать? – издевательски осведомился Арнольд, на которого что-то нашло. – Ты говори, не стесняйся! Что тебе нравится, а?

– Радуга... – вдруг донеслось до него из-за двери, и от неожиданности Арнольд вздрогнул.

– Чего? – недоуменно переспросил он.

– Радуга мне нравится, – повторил Гройс. – Семицветная, но можно и пяти. С детства люблю.

– Э! Старче, ты спятил, да?

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан, – забубнил старик в своей каморке. – Каждый охотник. Желает знать. Где сидит фазан. Каждый охотник! Желает! Знать! Где-е-е-е-е... Кто сидит? Фазан!

Василий засмеялся. Арнольд вскочил, пнул дверь и ушел. Юрка так и не понял, чем старик вывел его из себя, но чувствовал, что в этот раз тюремщик потерпел поражение.

Но все остальное время Гройс отмалчивался, и Юрка недоумевал: зачем же эстонец приходит к нему каждый вечер? А затем догадался: Арнольду и не нужно, чтобы ему отвечали. Он не со стариком, а с самим собой разговаривает. Некоторые люди молитвы перед сном читают, а у Арнольда свой ритуал. Выговорившись у двери, он уходил на улицу и пропадал там минут десять. Юрка как-то раз не утерпел и подглядел в окно, что он делает. Оказалось, ничего не делает: стоит под мокрым снегом возле выкопанной ямы на заднем дворе и смотрит вниз.

Фонарь на стене дома был включен, и Юрка увидел, какое выражение лица у их обаятельного чудаковатого Арнольда. Вот тогда-то и мелькнула у него в первый раз мысль, что надо бы бежать, пока еще не поздно. Слишком уж быстро все закрутилось и обернулось не так, как он ожидал.

Но самое плохое заключалось в том, что бежать младшему Храпову было некуда. В Севастополе жила у них тетка, баба простая и добрая, но к ней Юрка боялся сунуться. Потому что Василий про тетку Лену знал не хуже него, вместе гостили у нее три года назад, а предугадать, расскажет ли Васька Марку, где спрятался его младший братец, было невозможно.

Одно Юрка знал точно: брат с ним не побежит. Василия все устраивало.

Конечно, можно было бы взять свою долю и рвануть куда глаза глядят. Пожалуй, так бы Юрий и сделал, если бы не одна мысль, занозой застрявшая в голове: тот мальчишка, трусливый слизняк, что утонул в Крыму... За неделю до его смерти Марк Паулс куда-то исчез, сказав лишь, что уезжает ненадолго и скоро вернется. И действительно вернулся – ровно через день после того, как тело неудачливого шулера выловили из воды. Никто из них – ни Храповы, ни Арнольд – тогда не знали, что их бывшего приятеля уже нет в живых. Но когда узнали, Юрка сопоставил даты отъезда Паулса и смерти парнишки, и ему стало не по себе.

До сих пор он считал, что это совпадение. Заставлял себя так считать! Но понимал, что жить в постоянном страхе, представляя, как рано или поздно за ним придет Марк Паулс, он не сможет.

Так что от мысли о побеге пришлось отказаться.

Лишь одно утешало Юрку: соображение, что после окончания этого дела Марк наконец купит свою гостиницу и выйдет из игры. Тогда они с Васькой точно будут ему не нужны!

Когда Умник первый раз вернулся из поездки удовлетворенный и даже улыбающийся, Юрка сразу понял, что мальчишка снова что-то придумал. Так оно и оказалось.

– Дубль два! – объявил Андрей, перекачивая фотографии с «мыльницы» на компьютер. – Марк, смотри! Тебе это ничего не напоминает?

Все столпились у стола, разглядывая снимки.

– Прощу обратить внимание: это банк «ГарантМосква», – пояснил Бондарев. – Второй вход. Точнее, выход. Во двор.

– Врешь, – недоверчиво сказал Василий. – Это тот же самый банк, в котором мы были!

Андрей снисходительно усмехнулся:

– Нет, Вася. В том-то все и дело: это *другой* банк! И *другой* двор.

Только теперь Юрий обратил внимание на то, что двор, сфотографированный Бондаревым, и в самом деле отличался от того, где они грабили инкассаторов. Но сходство было велико: козырек над подъездом черного хода, приоткрытая дверь, два десятка машин, за которыми просматривался выезд на главную дорогу...

Паулс указал на снимок, на котором мужчина лет сорока, одетый в пятнистую серо-зеленую униформу, курил возле двери.

– Ничему дураков жизнь не учит, – с удивлением констатировал он. – Или их под копирку делают, недоумков?

– Охранник, конечно, недоумок, – согласился Бондарев. – Но нам это только на руку. Есть возможность не изобретать ничего нового, а использовать уже отработанную схему. Итак, что у нас было в первом случае: банк, беспечная охрана, тихий двор, инкассаторы, которые идут не через центральный вход – это самое важное! – а через черный. Сейчас все пункты повторяются, за одним исключением.

– Каким? – быстро спросил Марк.

Андрей показал на одну из фотографий:

– Посмотри, здесь хорошо видно: инкассаторский «Форд» подъезжает почти вплотную к подъезду. Правда, не всегда. Но один раз я видел, как его место заняла дамочка на «Мазде»... Ее заставили выйти из банка и отогнать машину. Это означает, что у нас есть одна проблема...

– Водитель... – понимающе протянул Паулс.

– Да. Он успеет поднять тревогу, если что-нибудь услышит.

– Значит, сделаем все тихо, – пожал плечами Арнольд.

– А потом, когда выйдем с сумками? – возразил Василий. – Придется обогнуть его «броневик», чтобы прыгнуть в тачку... Водила не слепой, начнет стрелять. Если не он пристрелит, так возьмут на ближайшем посту. Может, прикончить его по-тихому?

– Как ты его прикончишь по-тихому? – раздраженно осведомился Паулс. – Сам же сказал: у него броневик. Ни стекло, ни железо так просто не пробьешь.

– Из автомата нужно палить, да и то не факт, что выйдет, – подтвердил Арнольд.

Василий выругался и почесал в затылке.

– Сидит там, как черепаха в панцире, – высказался он наконец. – Тварь такая... Как же его оттуда выковырять?

Андрей развел руками:

– Никак. Остается только уповать на удачу и надеяться, что нам выпадет один шанс из трех и водитель остановится неподалеку от въезда во двор.

– Один шанс из трех? – прищурился Марк. – Не так уж мало!

– А если нам не повезет и инкассаторы поднимут шум? – неуверенно предположил Юрка Храпов.

– Не поднимут, – авторитетно пообещал Андрей. – А если и поднимут, нам хватит времени, чтобы добежать до машины и исчезнуть. Василий возьмет на себя дворы, найдет подходящее место. Сделаем, как в прошлый раз: тачку бросим, пересядем в другую и уедем. Всё!

Он хлопнул в ладоши и вскочил, веселый и довольный. Его

уверенность передалась и остальным. Всем стало казаться, что план и впрямь легко осуществим, а деньги почти у них в руках. Только Юрка сидел, без воодушевления слушая обсуждение.

– Ты чего рожу кривишь? – поинтересовался Паулс. – Что не нравится?

– Дело это не нравится, – помолчав, с неохотой признался младший Храпов. – Нас казино ждет, а вы на мелочи отвлекаетесь.

– Ничего себе мелочи! – присвистнул Арнольд. – Десять лимонов!

– В тот раз было десять, – поправил Бондарев. – Здесь, может, и больше будет. Банк крупнее, клиентов у него много. Я бы на четвертак смело рассчитывал.

– Все равно! – упорствовал Юрий. – Через неделю у девчонки заканчивается обучение, ее переведут в казино. Хотите сперва накрыть инкассаторов, а потом устроить большую игру?

Андрей отрицательно покачал головой:

– Нет, так не выйдет. На подготовку нужно хотя бы две недели. К тому же в охране банка есть смена, которая вообще не выходит курить. Пока составляем график смен, пока подбираем машины, пока Вася исследует пути отхода... В неделю точно не уложимся.

– Вот именно! Получается, мы возьмем казино, а потом полезем в банк? Вместо того чтобы по-тихому смыться, рискнем всеми заработанными деньгами? А если что-нибудь пойдет наперекосяк? Если нас возьмут?

Бондарев задумался.

– Отвечу тебе так, – наконец сказал он. – Наглость – второе счастье. А еще – удача улыбается подготовленным. Если мы все организуем заранее, то почему бы и не рискнуть?

Андрей стоял перед Юркой, засунув руки в карманы, – молодой, уверенный, полный сил и готовности действовать. Глаза у него горели в предвкушении нового дела. Юрка смутно почувствовал, что в банк Бондарев хочет идти вовсе не из-за денег. Нет, мальчишка почувствовал азарт, почувствовал вкус к риску, к успеху, выхваченному зубами из-под носа у других. «Вырастили волка из волчонка, – подумал Храпов. – Своими же руками и вырастили».

Предчувствуя спор, Арнольд выскользнул из дома: он не любил, когда его втягивали в ссоры.

– Марк, ты же сам говорил, что паспорта уже готовы! – воззвал Юрий к здравому смыслу Паулса. – Ни к чему нам так подставляться!

Главарь был куда осторожнее и опытнее Бондарева, а потому опасался дать согласие сразу. Но Юрка видел, что перспектива получения быстрых

денег заворожила и его.

– Поступим так, – наконец сказал Марк. – Установим наблюдение за банком, подготовим все необходимое. А там как карта ляжет...

Вернулся Арнольд, потирая красные, словно клешни краба, руки.

– Марк, у нас, кажется, объявились соседи, – озабоченно сказал он. – Только что видел около кирпичного дома с мансардой белую «девятку». Надо бы притихнуть, а?

Паулс вскочил, пружинисто подошел к окну, осторожно отодвинул штору.

– А-а, эти... Я их раньше замечал. Приезжают в четвертый дом. Ты прав, лишний раз лучше глаза им не мозолить.

«Может быть, и от плана Умника тогда откажемся? – с надеждой подумал Юрка. – Чтобы *не мозолить...*»

– Но думаю, они нам не помешают, – уверенно закончил Паулс. – Все, ребяташки, с завтрашнего дня начинаем готовиться.

– Милочка, что вы делаете?! – кипятился потный рыжий толстяк, разве что не подпрыгивая перед рулеткой. – Вы так кидаете, как будто нарочно! Нет, я же вижу, что вы специально! Вот, опять! Зеро!

– Поздравляю, вы выиграли! – Ирка была совершенно искренней в своей радости.

Он подвинула фишки к игроку, который, похоже, сам растерялся от своей победы.

– Ну... – пробормотал он чуть более примирительно, – тогда на красное. Ставлю!

– Ставки сделаны, ставок больше нет!

За два часа Ирка сменила три стола. Покер, блэк-джек, теперь рулетка... Именно на рулетке к ней прибился рыжий толстяк, который называл ее милочкой, пыхтел, кипятился, ругался и, кажется, был убежден, что она делает все для того, чтобы он проиграл.

Однако как он ни старался, вывести Ирку из себя не мог. Она улыбалась, мягко гасила его возмущение и переводила кипучую энергию толстяка на игру. Десять минут спустя после начала ее смены к рыжему присоединились еще четверо. Эти тоже шумели, но как-то вяло, без огонька, будто бы по обязанности, и, поиграв не больше пяти минут, ушли в другой зал.

Ирка устала, но держалась. У нее не было обещанного перерыва, и последние полчаса девушке казалось, что в голове не осталось ничего, кроме чисел и вращающегося колеса рулетки.

Шарик остановился.

– Восемнадцать, красное! Поздравляю, вы выиграли!

Ирка подвинула к игроку его выигрыш, молниеносно произведя в уме подсчеты.

– Экзамен окончен! – объявил Яша Шульман, сбрасывая маску склочного легковозбудимого типа и снова становясь самим собой. – Поздравляю, ласточка моя! Играла без чипера, и ни одной ошибки. А выглядишь как опытный дилер! Я бы тебя даже в приват поставил.

Приватом назывались комнаты для индивидуальной игры. Здесь играли самые почетные гости казино, и против них выставляли самых квалифицированных крупье. Никого из новичков еще не знакомили с приватами, и это, конечно, лишь способствовало распространению слухов о самых разнузданных оргиях, проходивших там втайне от остальных игроков. Правда, Ирка считала, что правды в этих рассказах нет и на четверть.

– Яша, правда? – Она едва сдержала порыв облокотиться на рулеточный стол. – Значит, я прошла?

– Истинная правда, истинная! Скоро приступишь к работе. Тебе скажут, когда твоя первая смена. Иди, отдыхай.

Ирка благодарно улыбнулась Шульману. А в распахнутые двери уже входила новая группа девушек в белоснежных сорочках с черными галстуками-бабочками, и суровая Жанна расставляла их по местам. Экзамен продолжался.

Возвращаясь домой, Ирка сделала крюк и заехала в почтамт. Конечно, у нее с собой был сотовый, а в квартире стоял хоть и старенький, но совершенно исправный аппарат. Но слишком многое было поставлено на карту, чтобы доверять телефонам.

«Наверняка их прослушивают, – шептал осторожный внутренний голос. – А за тобой следят».

«У меня начинается паранойя...»

Но она все-таки зашла на почту, выбрала кабинку и торопливо набрала номер. Перед Иркиным носом висела инструкция, и она успела прочитать первые четыре пункта, прежде чем Олег снял трубку.

– Олег, это я, Ира, – торопливо сказала она. – Послушай... Мне очень нужна твоя помощь. Да, у меня проблемы. Большие. Во-первых, мне нужен пистолет... Давай встретимся завтра, я все тебе объясню.

На следующий день с раннего утра Ирка уже сидела в интернет-кафе. Перед ней лежали пароли и коды доступа в личный кабинет Ники

Сергиенко. «Ты открыла дверь в шкафчик, где лежат деньги. Нам не обязательно их брать, чтобы убедиться в том, что мы можем это сделать», – вспомнились ей слова Гройса.

Ирка надеялась, что за прошедшее время доверчивая Ника Сергиенко не успела опустошить свой счет. Но когда на экране замелькали цифры, она выдохнула с облегчением: счет пополнился и теперь составлял около полумиллиона рублей.

«Что ж, деньги у меня есть. Осталось сыграть».

Неделю спустя

– Питбуль сегодня не в себе! – шепнула Ирке, присев рядом, Вика, девушка, с которой они вместе окончили школу казино. – Зверствует, на ошибках ловит...

– Такая у него работа... – не задумываясь, ответила Ирка, провожая взглядом промчавшегося мимо менеджера. «Похоже, где-то ЧП...»

Школа школой, но в первый же день этой работы – настоящей работы, а не экзаменационной проверки, – она осознала, что некоторые детали выясняются только на практике.

Например, походка... Если бы кому-нибудь пришла в голову фантазия переодеть всех менеджеров, инспекторов и дилеров в повседневную одежду, а затем смешать с толпой гостей, то сотрудников казино можно было бы безошибочно вычислить по тому, как они двигаются. Корпус чуть наклонен, походка быстрая, но ни в коем случае не суетливая, движения сдержанные, плавные. Стоило Ирке заметить, как кто-то торопится, и она могла с уверенностью сказать: что-то случилось. Без причины никто из них не бегал ни по главным залам, ни по «желтым» зонам – помещениям, куда гостям вход запрещен.

– Работа у него! А ругаться-то зачем? Кроет девочек почему зря... – пожаловалась Вика.

Ирка сочувственно взглянула на нее и вздохнула. Вздох должен был означать, что она полностью разделяет Викино мнение. Хотя на самом деле Ирка считала, что «питбуль» все делает верно. Ошибки девочек в первую очередь отзывались на нем, во вторую – на менеджере.

Питбулем называли инспектора, контролировавшего столы. В казино было принято в ходу название «пит-босс», от которого само собой и родилась это насмешливо-уважительное прозвище.

Над пит-боссом стоял менеджер, а еще были невидимые люди – контролеры, следившие за игрой через глазки камер. Новых дилеров сразу предупредили, что камеры есть везде, кроме туалетов.

Зато в туалетах стояли, а точнее, сидели дежурные. Сперва Ирка не понимала, зачем они там нужны, но потом ей объяснили: чтобы игроки не торговали наркотиками из-под полы, туалеты тоже нужно контролировать. А как их проконтролируешь, если установка камер у любого клиента вызывает возмущение и гнев? Только поставить человека, который станет следить за порядком и вместе с тем не будет вызывать у гостей дискомфорта. В общем, деликатная работа, дипломатическая. Сидишь в уголке за пальмой и старательно притворяешься элементом декора. Правда, Ирка слышала также, что от дежурных давно хотят избавиться, потому что клиент в «Королевский Двор» ходит серьезный, солидный, не мелкая шушера, но пока они несли свою трудную вахту денно и нощно.

Подумав о дежурных, Ирка поискала глазами торопливого менеджера, но тот уже исчез. «Все-таки что-то случилось... Или просто он очень хотел в туалет».

Она пила кофе в брейк-зале. Шла одиннадцатая минута ее перерыва. Всего за четыре дня «практики» Ирка научилась с точностью до минуты определять, сколько она уже отдыхает. И сколько осталось бездельничать.

Поначалу ее, как и всех остальных, поставили работать чипером. В чиперах Ирка пробыла лишь одну смену, а уже на следующий день ей сообщили, что сегодня она «крутит рулетку».

– Что ты, Дима! – испуганно сказала она менеджеру. – Меня только позавчера вывели в зал.

– Ничего, ты хорошо справляешься. Чипер у тебя дельный, не новичок. Ступай!

Так Ирка встала за рулетку. Первые несколько часов работы ей казалось, что она вот-вот разорвется на три маленьких Ирки. Ей нужно было следить за игроками, за своим помощником-чипером и, наконец, за самой рулеткой. В перерывах Ирка судорожно глотала кофе и с ужасом думала, что где-нибудь обязательно допустит ошибку. Но когда она выходила в зал, лицо у нее было спокойное, а на губах играла легкая улыбка. «Пусть я не опытный крупье. Но я могу сыграть опытного крупье».

Менеджер, которого Ирка видела пять минут назад, снова прошел мимо нее, но она не решилась спросить, что случилось. Чрезмерное любопытство в казино не приветствовалось.

Но ответ на свой вопрос Ирка все-таки получила. После смены их собрали в рабочей комнате и сообщили, что одна из девушек, Олеся, уволена. Ирка отлично знала ее: веселая, бойкая коротко стриженная

блондинка, одна из лучших в группе. Она была единственной, кто считал в уме быстрее Ирки, и уже со второго занятия могла с закрытыми глазами сказать, как расположены номера на треке рулетки. Жанна тогда похвалила ее, сказав, что у Олеси фотографическая память.

До сих пор девушку ставили только чипером, и все недоумевали: слишком уж серьезной должна быть ошибка чипера, чтобы дело закончилось увольнением!

Однако вскоре все выяснилось. Один из контролеров заметил, что Олеся разговаривает с клиентом. Разговор был недолгим, но чем-то насторожил проверяющего. Поэтому он стал внимательно наблюдать за девушкой и вскоре увидел, как из ее ладони в руку клиента скользнула бумажка.

Не прошло и пяти минут, как Олесю заменили другим чипером, а ей самой пришлось общаться со службой безопасности. Выдержки Олеси хватило ненадолго: как только ее обвинили в мошенничестве, девушка расплакалась и призналась, что всего лишь оставила симпатичному клиенту номер телефона.

– Ваша подруга потратила на учебу в школе «Королевского Двора» два месяца! – «Питбуль», молодой парень с воспаленными глазами, обвел взглядом девушек в униформе, стоящих перед ним. – Сдала непростой экзамен! И все это для того, чтобы через неделю ее выгнали и внесли в черный список из-за глупейшего проступка. Надеюсь, никто из вас не захочет последовать ее примеру.

Он жестом показал, что все могут быть свободны, и девушки потянулись к выходу.

– Большой Брат следит за тобой! – угрожающе пробубнила за Иркиной спиной идущая следом Вика. – Всегда помни об этом, если что-то задумала!

«Спасибо за напоминание, – мысленно ответила Ирка. – Ты даже не представляешь, насколько близка к истине».

Она продолжала вести себя как ни в чем не бывало, но история с Олесей не выходила у нее из головы. Получалось, что контролеры еще внимательнее, чем она предполагала. Ирка не делала ничего, что нарушало бы правила, но ей предстояло их нарушить. И контролер не должен ничего заметить.

В один из зимних вечеров она вышла из казино, свернула за угол и остановилась, подставив лицо мелкому колючему снегу. Достала телефон и позвонила. Андрей Бондарев ответил сразу, будто ждал ее звонка.

– В следующую пятницу я работаю за покерным столом, – сухо сказала Ирка без всяких приветствий. – Ночная смена. Вы готовы?

Бондарев помолчал.

– Готовы, – наконец уверенно ответил он. – С завтрашнего дня приступаем к тренировкам.

Глава 10

Над столом, за которым сидели пятеро, покачивалась лампа, освещая карты и разноцветные фишки. Василий своими руками поменял ее – по настоянию Бондарева.

«Обстановка должна быть максимально приближена к боевой!» – несколько дней назад сказал Умник и подмигнул, показывая, что шутит.

Но за лампой Храпова все-таки отправил. Он бы и стол обтянул сукном, но тут уж воспротивился Марк, заявив, что незачем оставлять столько свидетельств своего пребывания в доме. Умник тут же признал, что Паулс прав, и они ограничились тем, что набросили на столешницу кусок плотного драпа. «Потом все увезем с собой!» – предупредил Марк, и Васька с Арнольдом понимающе кивнули.

Никаких следов. Именно поэтому никто, кроме Арнольда, не поднимался на второй этаж. Спали внизу: двое на кухне, двое в главной комнате, а кто-то один всегда дежурил возле двери кладовой. Там сидел Гройс, который худел день ото дня, и в конце концов Бондарев всерьез забеспокоился:

– Если он помрет раньше, чем мы закончим дело, у девчонки не будет ни одной причины работать на нас.

– Девчонка об этом даже не узнает! – пожал плечами Марк.

Но все-таки разрешил Умнику осмотреть Гройса. Тот даже не пошевелился, когда Андрей присел над ним – так и лежал со смиренным видом, сложив руки на груди – чисто святой, готовящийся к положению во гроб. Андрея сопровождал Юрка, которому очень не понравилось это смирение – слишком хорошо он помнил, сколько времени заживали синяки у Василия.

– Слышь, отец, ну-ка дай руки! – попросил он, наклоняясь над ним с наручниками.

Гройс безмолвно протянул исхудавшие запястья. Юрка защелкнул наручники и почувствовал себя спокойнее.

Бондарев расстегнул на старике рубашку и наклонился, ощупывая его.

– Ничего не видно, – раздраженно сказал он. – Юр, принеси лампу поярче.

– А не начнет он снова играть в Рембо? – опасливо спросил Храпов, кивая на пленника.

– Если начнет, ему же будет хуже. Давай, надо его осмотреть.

Юрка вышел и через недолгое время вернулся с фонарем. Пока его не было, запах, исходивший от старика, усилился и распространился по всей комнатке. «Еще бы... – подумал Храпов, борясь с желанием зажать нос. – Два месяца не мылся. Чисто бомж!»

Бондарев, видимо, подумал о том же, потому что сочувственно взглянул на Юрку и понимающе хмыкнул. Фонарь он поставил на стул, быстро осмотрел щуплое тело и без всяких усилий перевернул Гройса на бок. Глядя, как легко он справляется со стариком, Юрка подумал, что все его страхи были напрасны: два месяца заточения любого волка превратят в обессиленную дворнягу.

От старика снова пошла волна запаха. Храпов задышал ртом.

– Умник, тебе помощь требуется? – страдая, спросил он.

– Чего? А! Нет, Юр, иди... Хочу убедиться, что он сам себе не устроил какую-нибудь травму. С него станется, если решит внучку спасти. А труп раньше времени нам не нужен.

«Что ж он о нем как о покойнике... – ужаснулся Юрка. – Старик-то еще живой и хотя бы неделю должен протянуть».

Он попятился и вышел из кладовки, полный самых невеселых мыслей.

– Что там? – спросил его Марк, жуя бутерброд.

Храпов взглянул на свисающий из бутерброда, как розовый язык, кусок колбасы, и к горлу его подкатила тошнота.

– Все нормально, – выдавил он и быстро выскочил за дверь.

Бондарев сообщил, что старик в полном порядке, разве что исхудал и страшно ослаб.

– Если внучка захочет на него взглянуть, то убедится, что дедушка жив, – закончил он. – Можно приступать к практике.

Поэтому на следующий вечер они сидели все вместе за столом, а девушка в белой рубашке раздавала им карты.

Группа Марка Паулса готовилась к осуществлению плана, разработанного Андреем Бондаревым.

– Камеры расположены на потолке, – сказала Ира. – Возле моего стола будет стоять очень внимательный инспектор. Наша игра не должна вызвать никаких подозрений. Делайте ваши ставки, господа!

– Приятно, что ты проявляешь такую заинтересованность в успехе! – усмехнулся Марк, двигая карты. – Все помнят, какую карту обозначает каждая из фишек?

– И захочешь – не забудешь, – пробурчал Василий. – Два месяца учим, как дети таблицу умножения. Мне уже снятся эти фишки!

- Пускай снятся, крепче запомнишь.
- Ставки сделаны, ставок больше нет!
- Поехали!

Марк осмотрел всех, собравшихся за столом. Вася Храпов успел отрастить бороду и короткие густые усы и стал похож на помещика или управляющего помещьем. «Картуза ему не хватает». Однако для него была подготовлена совсем другая одежда: хороший костюм с претензией на модность. Выглядел Василий в нем нелепо, но именно это и требовалось.

Юрка, причмокивавший губами, как теленок, смотрел на карты и словно рассеянно выкладывал башенку из фишек. Под глазами синяки, да и в целом вид похмельный. «Ничего. Для его задачи как раз сойдет».

Играть в покер должны были трое из группы, а двоим предстояло отвлекать контролеров и инспекторов, ссорясь за соседним столом. Одним из этих двоих назначили Арнольда, всегда привлекавшего к себе внимание, на роль другого выбрали Юрку. Однако «играть» научились все, чтобы быть готовыми к замене.

– Мало ли что может случиться? – философски сказал Марк, когда они «раскидывали» роли. – Взять Гройса: жил себе, не тужил, откладывал на похороны... Но тут встретились ему мы на жизненном пути!

– Напекаешь, что любого из нас может ожидать такая встреча? – поинтересовался Андрей.

– Напоминаю, что жизнь непредсказуема.

– «Отряд не заме-е-етил потери бойца!» – пропел басом Василий.

– Потерь никаких не будет! – резко сказал Паулс. – И учтите, что у нас только один шанс. Упустим его – упустим игру. Появиться в казино второй раз не сможем – слишком подозрительно. Так что берегите пальцы, дети мои!

Марк остановил взгляд на Арнольде. Тот явно не упускал случая покрасоваться перед девчонкой. «Понимает, что закопаем ее, а все равно лезет, – подумал Паулс с недовольством. – Чертов павлин». Но внучка Гройса знала свое дело и играла так, словно вокруг и впрямь было казино, а не дом, стоящий на краю поселка.

Он незаметно оглядел ее.

В своей белой рубашке она была похожа на молоденькую учительницу начальных классов. Паулс не мог по достоинству оценить сложность ее макияжа, но видел, что Ира выглядит намного старше, чем прежде. Только детская припухлость губ напоминала о том, что стоящей перед ним девчонке еще нет девятнадцати лет.

Ее самообладание произвело впечатление даже на него. Спокойный

голос, ровный холодноватый тон, ни одного лишнего взгляда и жеста. В сторону двери, за которой лежал ее дед, Ира не взглянула. «Хотела бы нас сдать, так сдала бы давным-давно, не дожидаясь, пока старик загнетса. Молодец Умник. Знал, чем ее пронять».

Бондарев азартно повышал ставки, шутил и точно так же, как Юрка, громоздил стопки из фишек. Одна за другой они выстраивались справа от него – башенки, в которых чередовались разноцветные кружочки. Вот появилась вторая башенка, третья...

– Стоп! – громко сказал Паулс.

Игра замерла.

Марк встал и отошел в сторону. Никто не говорил ни слова – все лишь провожали его недоуменными и настороженными взглядами. Склонив голову, он оглядел стол и игроков за ним.

– Что-то не так? – спросила наконец Ира.

– Посмотри сама, – предложил Паулс.

Девушка присоединилась к нему. Минуту она молча осматривала стол, затем перевела вопросительный взгляд на Марка.

– По-твоему, это не вызывает подозрений? – саркастически осведомился он, указывая на «башенки». – Три игрока, и каждый строит черт знает что! Нас вышибут из казино раньше, чем мы сделаем ставки!

Арнольд поднялся, обошел стол. Бондарев и братья выжидающе следили за ним.

– Да... – неохотно признал Арнольд. – Цветные стопки бросаются в глаза.

– О том и речь! – зло бросил Паулс. – Почему раньше об этом не подумали? Умники...

– Потому что об этом не нужно было думать, – спокойно сказала Ирка.

Марк зыркнул на нее, но она ответила ему безмятежным взглядом.

– Сейчас все вы видите единственный стол, стоящий посреди комнаты, – объяснила девушка. – Конечно, то, что лежит на нем, привлекает ваше внимание. А теперь представьте себе, что вокруг вас десять таких же столов! – Она широко обвела рукой комнату, словно раздвигая стены. – И на каждом – фишки и карты! Вокруг вас – игроки! Вы не забыли, что мы будем работать ночью? И не в обычный будний день, а в ночь с пятницы на субботу? Значит, будет очень оживленно, будет шумно, обязательно какая-нибудь девица поставит сумочку на сукно или бросит что-нибудь вроде браслета, потому что иначе ей неудобно играть! Поверьте, на общем фоне ваши башни из чипов останутся незамеченными. К тому же вы не единственные клиенты казино, которые в азарте игры принимают

фишки за конструктор!

Юрка Храпов невольно рассмеялся. А когда представил, как Марк Паулс с глубокомысленным видом строит из кружочков свой отель на берегу Черного моря, не обращая внимания на возмущение крупье, смех его стал еще громче. Быть может, в нем звучали нервные нотки, но Юркина реакция разрядила обстановку, накалившуюся после заявления Марка.

– Черт с вами, убедили, – согласился Паулс, возвращаясь на место. – Продолжаем!

Игра пошла своим чередом. Ставки росли, и росли башенки фишек рядом с игроками. Они выстраивались одна за другой, словно созданные забавляющимися детьми, – но лица всех участников были серьезны. Всех, кроме Андрея Бондарева. Он улыбался, как будто происходящее и впрямь казалось ему детской забавой.

Отчасти так оно и было, поскольку идея с фишками полностью принадлежала Андрею. И он первым начал практиковаться, выкладывая из них последовательность карт в колоде.

Все началось с ерунды. Арнольд от скуки достал из сумки целый мешочек фишек, купленных в одном из эстонских казино, и развлекался, перекидывая их в пальцах. Андрей подсел ближе, сперва просто следя за его мастерскими проделками. Но жетонов было много, и, задумавшись, он стал вынимать из колоды по одной карте и класть на нее фишку, подбирая подходящую по цвету.

Дама червей, дама пик... Красная фишка одного номинала, зеленая фишка такого же номинала. Крестовый туз – черный жетон. Бубновая десятка – оранжевый. Истратив половину колоды, Андрей обнаружил, что жетоны закончились, и спросил Арнольда, нет ли у него еще. Вместо Арнольда свои фишки принес Юра Храпов. Когда и они подошли к концу, Бондарев вырезал кружочки из картона и раскрасил фломастерами. Над ним посмеивались, но он был так углублен в свое странное занятие, что его оставили в покое – Умник и Умник, что с него взять! Пускай себе умничает.

На следующий день перед Андреем была разложена вся колода, и на каждой карте лежала фишка (а на некоторых – по две). Бондарев внимательно посмотрел на них, вздохнул и закрыл глаза. Перед его мысленным взглядом появились дамы и короли. Андрей приказал себе перевернуть их вверх «рубашкой» и представил на каждой «рубашке» соответствующую фишку.

Открыв глаза, он убедился, что с первого раза все воспроизвел правильно.

Он снова внимательно посмотрел на карты, закрыл глаза и представил десятки и девятки. И снова попытался вспомнить, какие фишки стояли на этих картах.

Открыл глаза. Посмотрел на десятки и девятки, лежащие на столе, и удовлетворенно улыбнулся.

Через три часа повторений Бондарев помнил всю колоду. Ему даже не потребовалось ничего записывать.

В основе его замысла лежала мнемоника. Андрей разработал простую систему, согласно которой каждой карте соответствовала определенная фишка или их комбинация. В игре это выглядело так: участник получал карты, выкладывал их значения из фишек, затем покупал новые – и снова выкладывал, сбрасывал, и так до тех пор, пока крупье сдавал ему карты. То же самое делали остальные игроки.

Сыграв, они возвращали карты крупье, и после этого самая важная роль отводилась именно ему.

Если бы крупье перетасовал колоду, это означало бы, что все усилия игроков тщетны. Значит, он должен был лишь сделать вид, что тасует ее, и снова раздать карты, оставив внизу те, которые уже были «выставлены» игроками в виде фишек на столах.

Через несколько кругов на руках у крупье оказывалась колода, в которой игрокам был известен весь порядок карт. Любой человек, запомнивший систему Бондарева, мог уверенно сказать, посмотрев на горки фишек рядом с участниками игры и зная, с какой нужно начинать отсчет, какая карта выпадет следующей. Потому что они помнили всю колоду.

Для обычного человека это казалось практически нереальным, но шулерам уровня Арнольда запомнить последовательность пятидесяти двух карт не составляло особенного труда. Чуть сложнее пришлось тугодуму Василию, но в итоге и он справился.

Крупье заново сдавал карты, но теперь уже все игроки знали, кому что досталось. Исходя из этого и делались ставки. С таким же успехом можно было играть открытыми картами, за одним лишь исключением – в таком случае участники этой странной игры пробыли бы в казино не больше минуты.

Вся система Бондарева была рассчитана лишь на одно – на обман наблюдающих инспекторов и контролеров. Он знал, что простой сговор крупье с клиентом неэффективен и легко раскрывается. Инспектор внимательно следил за тем, правильно ли ведется игра. Вздумай крупье приписать своему напарнику, пришедшему под видом клиента,

несуществующий выигрыш, игроку не дали бы даже выйти из здания казино с полученными деньгами. Андрей слышал о том, что в Москве работали группы, подкупавшие всю цепочку наблюдателей, от инспектора до менеджера, включая пит-босса, но такой подход казался ему грубым и небезопасным.

В их же случае все было не так: окружающие видели обычную игру, и им в голову не приходило, что в действительности крупье работает заодно с игроками. *Иллюзия игры* – так назвал этот процесс Андрей Бондарев по прозвищу Умник.

Потому что никакой игры не было. Были только ловкость рук и хорошая память.

Крупье сдает карты. Каждый выкладывает фишками свою «раздачу». Все запоминают, какие карты возвращаются в колоду. Это нужно было лишь для одной цели – знать, что за комбинация в следующей игре выпадет самому крупье, потому что он единственный, кто не может показывать фишками свои карты.

Когда Андрей поделился своим планом с остальной группой, у Марка Паулса загорелись глаза. Он первым понял, какую выгоду может принести затея Умника. При удачном стечении обстоятельств игроки и крупье разыгрывали бы одну партию за другой, дожидаясь выпадения самой выигрышной комбинации у одного из игроков, а потом повторяли бы все заново. «На одном столе можно трижды взять по максимуму...»

– Обдумай все как следует и скажи, что необходимо для этой игры! – нетерпеливо приказал Паулс.

И вот тут-то на первый план снова вышел крупье. Бондареву требовался человек, способный хладнокровно схитрить под носом у проверяющих и десятков камер, наблюдающих за ним с разных сторон. Он должен был обладать быстрой реакцией, отменной выдержкой, иметь руки шулера и к тому же быть заинтересованным в том, чтобы работать с группой Марка.

Именно такой человек стоял сейчас напротив Андрея и тасовал колоду.

Пальцы Ирки мелькали с невероятной быстротой. Карты шелестели, и у наблюдающих за ней мужчин создавалось впечатление, что все они перемешаны добрую сотню раз. Однако в действительности она не переместила ни одной карты. Все они оставались на тех же местах, что и прежде.

– Чисто работаешь, – не удержался от одобрительного замечания Арнольд.

– Каждый из вас должен помнить, – сказала Ирка, будто не заметив его

комплимента, – что упавшая на пол карта означает смену колоды. Инспектор заставит меня взять новую колоду, и нам придется повторять все сначала. Чем дольше вы сидите за моим столом, тем больше внимания привлечете. Особенно после того, как начнете выигрывать. Поэтому, пожалуйста, не роняйте карты!

– Это мы и без тебя сообразили бы, – мрачно сказал Василий, наблюдая за ее действиями.

– Правда? – Ирка закончила тасовать колоду и взглянула на Храпова. – Тогда скажи, что ты предпримешь, когда я попрошу тебя сделать срез?

Она требовательно протянула ему колоду.

Василий растерялся. Он сыграл множество партий и, конечно, отлично знал, что крупье обязан предложить игрокам «срезать», то есть снять несколько карт с колоды. Он помнил также, что может отказаться, и тогда крупье сделает это сам, но Храпов не мог сообразить, как лучше поступить в данном случае.

– Именно это я и хотела показать! – громко сказала Ирка, обращаясь ко всем. – Я знаю, что правила вам известны. Но мы должны отработать все детали, чтобы в критический момент вы не тарацились на меня как бараны, а играли без остановки.

Василий вскочил, ударив ладонью по столу, и карты подпрыгнули вверх.

– Сядь! – приказал Марк. – Сядь, я сказал!

Храпов медленно опустился на место, с ненавистью глядя на Ирку.

– Она права! Нужно учесть мелочи. Чем больше мы отработаем сейчас, тем легче будет в казино.

Ирка едва заметно кивнула Паулсу, благодаря его за вмешательство, и продолжила:

– Когда я попрошу вас сделать срез, каждый должен отказаться. Карты все время остаются в моих руках. Попробуем еще раз.

Она поочередно предложила колоду игрокам, каждый отрицательно качнул головой. Ирка ловко сняла верхние карты и переложила их вниз.

– Теперь мы не знаем, с какой карты начинается колода, – констатировал Арнольд.

– Знаем. Потому что я ничего не изменила. Карты остались в том же порядке, в каком и были.

– Врешь! – не выдержал Василий.

Ира пожала плечами. Подняла верхнюю карту и открыла, чтобы та была видна всем:

– Шестерка червей.

Быстрым движением повторила срез, вновь подняла верхнюю карту. Юрка удивленно вскинул брови, Андрей усмехнулся. В руках девушки была шестерка червей.

Ирка не проделывала с картами ничего такого, чего не могли бы повторить люди, сидевшие за столом. Для Арнольда ее фокусы и вовсе ничего не значили – он владел трюками, требовавшими куда большего умения. Но контраст между видимой неопытностью девушки и ее способностями поражал всех.

Еще три партии прошли в молчании, которое нарушалось только отрывистыми фразами крупье. Все сосредоточились на правильной расстановке фишек и запоминании карт. К концу третьей партии стало ясно, что игроки «читают» карты друг друга.

– Сейчас самая выигрышная комбинация у него. – Ирка кивнула в сторону Арнольда. – Что у меня?

– У дилера две пары, – ответил Бондарев. – У Арнольда флэш, у Васи пара, у меня...

– У тебя ничего нет, – проинформировал Юрка, внимательно глядя на фишки. – Разнойой. А Марк собрал двойки и тройки.

– Ты с парой королей! Червовый и крестовый.

– Хватит, открываемся! – скомандовал Паулс.

Карты открыли. Ни один из членов группы не ошибся.

– Все! – решил Марк, вставая и разминая пальцы. – Тренировка окончена! Собираемся завтра.

Ирка молча сложила карты и остановилась у двери, ожидая Арнольда – он должен был отвезти ее домой. Марк предполагал, что девчонка попросит разрешения увидеть деда, но она не попросила. Вместе с Арнольдом они вышли, и Паулс проводил их задумчивым взглядом.

До сих пор он был уверен, что видит внучку Гройса насквозь. Но сегодняшнее ее поведение заставило его насторожиться.

– Эй, Умник! – хмуро позвал он, глядя из окна на отъезжающую машину. – Надо посоветоваться.

Бондарев перекатывал на пальцах фишки, но сразу сбросил их и поднялся. И тут у Марка в кармане зазвонил телефон.

– Поговорю – посоветуемся, – бросил Паулс и вышел на улицу, на ходу влезая в куртку.

Бондарев согласно кивнул и вернулся к своему занятию.

Не меньше двадцати минут прошли в ожидании. Василий Храпов угрюмо барабанил пальцами по столу, ни на кого не глядя. Лишь один раз Юрка пытался отвлечь его, но брат огрызнулся, и Юрий отстал. Из

кладовки время от времени доносился хриплый кашель, заставлявший каждого из них украдкой поглядывать туда, где сидел старик.

– Недолго ему кашлять осталось, – уронил Василий.

Но никто не ответил.

Когда Марк вернулся с прогулки, лицо у него было мрачнее тучи, и Юрку охватили дурные предчувствия. Паулс швырнул мокрую куртку на стул, и Храпов не выдержал:

– Случилось что?

Вместо ответа Марк грязно выругался.

Звонил его агент, который должен был регулярно сообщать Паулсу, что происходит с его отелем. Мысленно Марк давно уже считал отель своим. Он ждал лишь дня, когда хозяин выставит его на продажу, и был уверен, что раньше конца зимы этого не случится.

Новости, принесенные агентом, привели его в бешенство. Агент рассказал, что владелец гостиницы неожиданно развернул кипучую деятельность и очень быстро оформил все документы, необходимые для проведения сделки. Но самое плохое заключалось не в этом, а в том, что у Марка появился конкурент.

– Какой-то местный чиновник, – процедил Паулс сквозь зубы, не глядя на притихших сообщников. – Прирезать бы его, да ведь на это время уйдет. И «Ласточка» моя тоже уйдет.

– Почему «Ласточка»? – спросил Бондарев. – Ты же говорил – «Чайка»?

– Была «Чайка», будет «Ласточка».

– Так ты уже и название новое придумал... – понимающе протянул Василий, но, наткнувшись на яростный взгляд Марка, осекся и смолк.

– Значит, так, – ледяным тоном проговорил Паулс. – Обыграем казино – и возьмем банк. Нечего откладывать! И без споров! – прикрикнул он, заметив, что Юрка хочет возразить. – Деньги нужны, понял?

– Марк, ну ведь будут и другие отели... – страдальчески сказал Юрий.

– А мне..., не нужны другие! Мне этот нужен, ясно?

Паулс встал, наклонился над сидевшим Храповым-младшим, и всем показалось, что Юрка вжался в стол.

– А если ты, пасть беззубая, будешь еще возражать, – членораздельно проговорил он, – то останешься без языка. А не только без зубов.

Юрка поднял руки, сдаваясь, и Марк отошел от него. Шрамы на его лице проступили ярче.

Бондарев кашлянул, будто извиняясь, и Паулс резко обернулся:

– Что еще?

– Не хотел бы тебя огорчать, – с сожалением сказал Андрей, – но с банком могут быть проблемы.

Несколько секунд Марк молча смотрел на него без всякого выражения на лице, затем спросил тихо и угрожающе:

– Какие проблемы?

– У нас-то все подготовлено... Но ты же помнишь – из трех чередующихся охранников лишь один каждый час выходит курить на улицу. Остальные – реже, а могут и вовсе не выйти.

– Знаю, – перебил Паулс. – Давай ближе к делу.

– Следующая смена у «нашего» охранника – в пятницу и субботу. В пятницу, сам понимаешь, нам будет не до того, чтобы проводить операцию с инкассаторами. А в субботу – тем более. Мы только к двум ночи закончим с казино. Если закончим. – Бондарев суеверно сплюнул через плечо и постучал по столу.

Паулс глубоко вздохнул и прикрыл глаза.

– Марк, а если дождаться следующей смены у охранника? – осторожно спросил Юрка, стремясь реабилитироваться.

– Пока мы ждем следующей смены, можно продать все черноморское побережье, – не открывая глаз, ответил Паулс. – У меня счет идет на дни. Слушай, Умник! – Он вдруг открыл глаза, подался вперед и уставился на Бондарева, словно осененный новой идеей. – Может, оно и к лучшему, что смена в субботу?

– Почему?

– Да потому, что провернем подряд одно дело за другим – и исчезнем с концами. Ты говорил, что контролеры, просмотрев записи, могут догадаться, как их облапошили. Только произойдет это не сразу, а в ближайшие сутки. Верно?

– Верно, – кивнул Бондарев. – Партии, в которых клиенты выиграли большие суммы, всегда изучают с особой тщательностью.

– Значит, в Москве нам задерживаться не с руки. А теперь раскиньте мозгами, малыши: если мы станем дожидаться новой смены охранника в банке, то просидим в этой дыре еще дней пять. Думаете, ребятки из казино станут даром терять время, когда сообразят, какую игру мы с ними сыграли? Да им пары дней хватит, чтобы нас разыскать! И еще одного – чтобы выцарапать отсюда.

– Девчонку-то мы уберем, – подал голос Василий. – Как нас без нее найдут?

Бондарев покачал головой:

– Боюсь, Вася, они и без девчонки справятся. Тут Марк прав. Если

решат нас в Москве разыскать – разыщут. Мы так и собирались сделать: затеряться, пока никто ничего не сообразил.

– Но если возьмем наличку банка сразу – ничем не рискуем, – вкрадчиво сказал Паулс. – Мы хорошо подготовились. Тачка стоит в гараже, даже заправлять не надо, спасибо механику! Это раз.

Польщенный Василий усмехнулся.

– Снаряжение имеется – это два, – продолжал Марк. – Каждый знает, что ему делать – это три. Детки, да мы могли бы отправиться в этот поганый банк хоть завтра!

– Формы нет, – напомнил Юрка.

Паулс повернулся к Бондареву:

– Умник?

– Форму купить проще простого, – честно ответил тот. – Она не заказная. В любом магазине спецодежды, я узнавал.

– Значит, форма тоже есть – это четыре. Тогда зачем ждать? Вернемся с дела, *подчистим* за собой, отдохнем – и экспроприируем сумки с налом потихому. Все безопасно, если грамотно к этому подойти.

Слова Марка звучали убедительно, и первым, соглашаясь, кивнул Василий, а за ним и Умник. Юрка хотел сказать, что есть еще один путь: плюнуть на инкассаторов с их миллионами и смыться с деньгами казино и новыми паспортами. Но воспоминание о перекошенном от бешенства лице Марка было слишком свежо, и он не стал ничего говорить вслух. Если Паулс вбил себе в голову, что они возьмут деньги в банке, значит, этого ограбления не избежать.

«Чертов агент, – про себя выругался Юрий. – Не мог подождать со своими новостями!»

– Постой, Марк, – встрепенулся Андрей. – Кое-что не учли.

– Ты о чем?

– Сумки с выручкой из казино! Если мы рассчитали правильно, их будет не меньше пяти. Не ехать же с ними в банк!

Паулс помрачнел. Юрка снова воспрянул духом: пожалуй, это препятствие обойти не под силу ни ему, ни Умнику.

Между ними давно было решено, что глупо пересекать границу с чемоданами, набитыми купюрами. Поэтому Марк навел справки об одной из «черных» московских фирм, занимавшихся переводом наличных денег в безналичные, и счел плату в восемь процентов за эту операцию сравнительно умеренной. «У нас не те суммы, чтобы мелочиться, – сказал он тогда своей группе. – Безопасность дороже».

– Контора открывается в десять, – вслух размышлял Андрей, – около

банка мы должны быть в восемь. Нет, Марк, извини. Ничего не получится.

«Ничего не получится! Ничего-о-о не полу-уучится! – на мотив „Беловежской пуши“ радостно пропел про себя Юрий. – Мне понятна твоя вековая печка-а-аль...»

– Отчего же не получится? – рассудительно спросил Марк, и Юркина песня оборвалась на полуслове.

Он во все глаза уставился на шефа.

– Здесь оставлять сумки нельзя. – Паулс говорил снисходительно, как с детьми. – В банк везти – тем более. Значит, нужно найти место, где можно их спрятать.

Василий недоверчиво хмыкнул:

– Где же ты их спрячешь? В лесу, что ли?

– Не самое плохое место. Но найдется и получше...

Он не успел договорить: вернулся Арнольд.

– Завтра едешь за амуницией, – с порога огорошил его Марк. – Четыре комплекта, два про запас. В субботу свидание с инкассаторами, нужно быть в форме.

И рассмеялся, довольный каламбуром.

Глава 11

В четверг провели последнюю тренировку. Никто из игроков больше не присматривался к чужим фишкам, никто не задумывался перед тем, как поставить один жетон на другой – все получалось непринужденно и будто бы само собой. Именно такого результата и добивался Бондарев.

Всю неделю группа под его руководством практиковалась дни напролет, исключая время «дежурств» возле банка, а по вечерам приезжала Ирина, и они играли одну партию за другой, представляя, что находятся в казино.

Последняя партия была исполнена виртуозно.

– Если завтра сыграете так же, выигрыш у нас в кармане, – сказала Ира, собирая карты.

Паулс едва заметно усмехнулся. «У нас», значит... Не «у вас», а «у нас». Возможно, подумал он, в этом и есть причина ее равнодушия к старику: Умник пообещал ей десять процентов. Такие деньги на дороге не валяются. И делиться ими она не хочет. Вот и проявилась натура девочки во всей красе!

– Я хочу увидеть деда, – неожиданно сказала Ира, обращаясь к нему.

Марк, задумавшийся о низменной природе женщин, не сразу понял, чего от него требуют. Только теперь он заметил, что девушка по-прежнему стоит у стола и не двинулась с места.

– Я – хочу – увидеть – деда! – раздельно повторила она. – И поговорить с ним.

– Обойдешься! – вмешался Василий. – Будете разговаривать, когда дело сделаешь.

Ирка равнодушно пожала плечами:

– Пожалуйста. Тогда ищите себе нового крупье. У нас договор: вы оставляете деда в живых и платите мне десять процентов от выигрыша. Он, – девушка презрительно кивнула в сторону Умника, – может подтвердить. Я исполняю все условия договора. И хочу убедиться, что вы исполняете свои.

– Мало ли чего ты хочешь! – вскипел Василий. – Арнольд, отвези ее домой!

– Разве ты здесь главный? – недоуменно спросила Ирка. – По-моему, нет. Твое место в гараже. Там и командуй.

Лишь отчаянным усилием воли Храпов удержал себя в руках. Но

желваки на его скулах яростно играли, когда он отвернулся в сторону, показывая, что больше не будет разговаривать с девчонкой.

– Ты не права, – мягко сказал Марк, решив, что пора навести порядок. – Зря обидела Васю.

– Я хочу поговорить с дедом, – в третий раз упрямо повторила Ирка, пропустив мимо ушей его замечание о Васе. – Завтра мне предстоит тяжелая смена. Я хочу убедиться, что он жив.

– Убедишься, убедишься, – успокоил ее Паулс. – Разговаривать вам не о чем, Вася прав. А вот посмотреть можешь. Арнольд! Помоги девушке...

По его знаку Арнольд взял девчонку за локоть и подвел к двери. Юрка подбежал, отодвинул засов и зажег тусклую лампочку.

Марк стоял чуть поодаль, наблюдая за Ирой, и видел, как исказилось ее лицо, когда она разглядела в углу комнатухи лежащего на матрасе старика.

– Дед... – тихо окликнула она, забыв о запрете на разговоры. – Дедушка...

Старик приподнялся, удивленно прищурился на свет слезящимися глазами:

– Ириша?.. Ты...

– Закрывай! – распорядился Марк. – Свидание окончено!

Девушка рванулась, но почти сразу расслабилась и покорно пошла за Арнольдом.

– Завтра увидимся в казино, – сказал ей вслед Бондарев, но Ира, кажется, даже не услышала его.

Марк был доволен. Он убедился, что несмотря на всю свою выдержку, девчонка по-прежнему переживает из-за деда. Она крепко сидела у него на крючке.

Паулс прикинул, не пригодится ли красавица им в будущем, но по всему получалось, что надо избавляться от нее сразу по окончании дела. Он не мог не признать, что на этапе тренировок она проявила себя великолепно и помогла им избежать массы ошибок. Взять хоть идею с отвлекающими игроками!

Первоначально задумывалось, что за столом с Ирой играют трое: Умник, Вася и сам Марк. Юрке с Арнольдом предстояло отвлекать на себя внимание инспектора. Когда девушка услышала об этом, она обвела всех удивленным взглядом:

– О чем вы говорите? За нашими покерными столами могут сидеть *пятеро* игроков.

Они не сразу поняли, и ей пришлось объяснить: если вы занимаете

только три места из пяти, будьте готовы к тому, что на свободные места придут другие игроки. Ваша игра провалится.

Осознав, что имеет в виду Ира, Паулс выругался. Весь их план мог накрыться из-за глупейшего просчета! И это выяснилось за неделю до игры! Несколько утешило его лишь то, что, судя по оторопелому виду Бондарева, Умник тоже не подумал о такой простой возможности.

Вспомнив этот случай, Марк даже испытал что-то, похожее на жалость, – такое чувство мог бы ощутить мастер, лишаящийся хорошего инструмента, пусть и взятого на недолгое время. Но внучка Гройса знала слишком много, начиная от их местонахождения и заканчивая именами каждого члена группы. Оставлять ее в живых было нельзя.

Они все обсудили. Гройса следовало убрать сразу по возвращении, девочку – когда приедет за деньгами.

– А вдруг не приедет? – засомневался Василий.

– Приедет, никуда не денется, – успокоил его Бондарев. – Если не за деньгами, то за дедом.

– Видал, как она на него смотрела? – поддержал Юрка. – От него воняет, как из помойки, а ей хоть бы хны! Даже не поморщилась!

– Ничем от него не воняло, – Арнольд снисходительно взглянул на младшего Храпова, – разве что скорой кончиной. Ты знаешь, что люди перед смертью начинают пахнуть по-другому?

– Не знаю и знать не хочу! – огрызнулся Юрка. – Кому-нибудь другому об этом рассказывай! Нашел тему, эсэсовец чертов...

Ему очень хотелось уйти из комнаты и не слышать деловитого обсуждения судьбы старика и девушки. Но уйти было нельзя. Приходилось слушать.

– Арнольд, выведешь Гройса к яме, кончишь его и сбросишь вниз, – сказал Марк. – Вася тебе поможет. Только наручники наденьте, чтобы не было сюрпризов.

– А ее? – спросил Василий, кивнув в сторону двери.

– То же самое. Главное, в доме не пачкать. Следы оставлять ни к чему.

– Земля подмерзла, копается плохо, – подал голос Арнольд. – Я вчера проверял. В кучу, которую мы выкопали с Васькой, лопата еле входит.

– Тогда сделаем по-другому...

Разговор закрутился вокруг способов зарыть тела так, чтобы их не обнаружили. Юрка Храпов сидел в стороне, не произнося ни слова. В пальцах его крутились четыре «дамы»: то сердитая трефовая, то лукавая бубновая оказывались сверху, но мгновенно оборачивались «рубашкой», а затем снова ныряли вниз. Казалось, все Юркино внимание приковано к

картам.

Но случайно взгляд его упал в сторону кладовой, и он выронил карты. «Дамы» мягко спланировали на пол. Юрка, широко раскрыв глаза, смотрел на узкую щель, в которую из комнаты падал клин света, теряясь в глубине кладовой.

Они забыли запереть засов. После того как девчонка заходила к деду, они забыли запереть засов! Теперь дверь была приоткрыта, и Юрка отчетливо видел желтоватое ухо и скрюченные пальцы, подложенные под голову.

Старый Гройс лежал на полу и внимательно слушал, как их с Ирой будут убивать и закапывать.

Юрке отчего-то вдруг представилось, что это он лежит, прижавшись щекой к холодному полу, а Умник с Паулсом решают, как лучше от него избавиться. Перед глазами как живой встал парнишка, утонувший в Крыму.

«Ты уж извини, – с сожалением сказал паренек и развел руками в знак того, что ничего не может изменить. – Меня убили, и их убьют. Всех вас убьют».

По спине Храпова пробежал озноб. Он дернулся, подскочил к двери и захлопнул ее, словно опасаясь, что оттуда вот-вот вылезет чудовище. В кладовке раздалось шуршание, а затем все стихло.

– Ты чего, Юрок? – удивленно обернулся к нему Паулс. – А-а-а, бдишь! Молодец. Иди сюда, мы уже все решили...

В пятницу вечером Ирка забежала в казино, ежась от пронизывающего зимнего ветра, и остановилась перед охранником.

– У меня с собой пистолет, – неуверенно сказала она, расстегивая сумочку. – Куда мне его?

Проносить в казино оружие строго запрещалось. И там, где проходили гости, и там, где находился вход для персонала, стояли детекторы, а рядом с ними бдили два охранника.

– Сдавай в сейф, после окончания смены заберешь.

Ирка скользнула в гардероб, повесила пальто как можно ближе к входу, положила пистолет в ячейку и на всякий случай проверила, хорошо ли та запирается. Но замки на ячейках были сделаны на совесть, и девушка успокоилась: за судьбу пистолета в казино можно было не опасаться.

Два дня назад они встречались с Олегом. За полтора часа до встречи Ира принялась кружить по городу, проверяя, не следят ли за ней. Как назло, в этот день разыгралась метель, и в каждой фигуре, следовавшей за ней, Ирке чудился кто-то из помощников Марка.

В конце концов она остановилась перед витриной магазина,

внимательно разглядывая отражения пешеходов и машин, заштрихованные серым снежным пунктиром, и стояла неподвижно несколько минут, ощущая, как от снега тяжелеет накинутый на голову капюшон. И неожиданно осознала, что в магазине чуть наискось от нее стоит Арнольд.

Ирка вздрогнула. Она боялась перевести взгляд на Арнольда и видела его боковым зрением. Но это, несомненно, был он: высокая фигура, небрежно завязанный длинный шарф, очень светлые волосы. «Как ему удалось зайти в магазин, опередив меня?!»

Бессмысленный вопрос, не требовавший ответа. Сейчас ей предстояло сообразить, как избавиться от слезки, но Иру будто парализовало от неожиданности. В голове не было ни одной идеи. А до встречи с Олегом оставалось меньше получаса.

Так ничего и не придумав, она с отчаянной решимостью взглянула прямо на Арнольда. Пусть видит, что она его заметила! Плевать!

Вместо Арнольда в витрине магазина стоял манекен. Пластиковый мужчина в дубленке и длинном разноцветном шарфе. На голове у него красовалась модная этой зимой шапка с лохматым ворсом из торчащих в разные стороны желтых ниток – их-то Ирка и приняла за светлые волосы.

Девушка остолбенело таращилась на манекен несколько секунд, а затем начала смеяться. Отсмеявшись, она вытерла выступившие на глаза слезы и направилась к условленному месту, возле которого должен был ожидать ее в машине Олег. Слежки она больше не боялась. После происшествия с витриной ей вдруг стало совершенно ясно, что Паулсу не до того, чтобы выслеживать ее: вскоре предстояло серьезнейшее дело, и все его люди были поглощены подготовкой.

Олег передал ей оружие и все, что она просила, не задав ни единого вопроса. Только в конце встречи, когда она уже собиралась уходить, он дотронулся до ее руки и поморщился, будто от неприятного вкуса:

– Ир... Тебе точно не нужна помощь?

Ирка улыбнулась:

– Спасибо, Олежек. Не бойся, я справлюсь.

Девушка переоделась в униформу, спрятала ключ от ячейки с пистолетом в потайной карман, чтобы он находился при ней. Она не хотела рисковать, оставляя его в сумочке. Поправила жилетку и нервно взглянула на часы. До начала смены оставалось двадцать минут.

Ира подкрасилась, убрала волосы наверх. Размяла пальцы, используя гимнастику, которой учил их Яша Шульман.

Десять минут.

– Лебедева, тебя спрашивали.

– Иду, Сереж, спасибо!

Восемь минут.

Она мысленно повторила все, что ей предстояло сделать. Паулс предупредил, что если их «возьмут» в казино, она может не рассчитывать на спасение Гройса – старика все равно убьют. Ирка не знала, правда ли это, но сдавать шулеров службе безопасности она не собиралась. У нее был свой план.

Пять минут.

Приветливые крупье, смеющиеся гости, шелест карт, стук фишек, рассыпающихся по сукну...

«Добро пожаловать в игру!»

Арнольд уже час сидел за рулеткой. Ставил понемногу, то отходил, то возвращался, – скучающий гость столицы, которому нечем занять время. Когда в зале появился Василий, они даже не взглянули друг на друга.

Марк с Андреем приехали вместе, и Бондарев не смог сдержать улыбку, увидев в зеркале возле гардероба отражение «отца». Шрамы спрятались под аккуратными старомодными баками, бритый череп был прикрыт париком: Марк обзавелся седыми волосами, аккуратно разложенными вокруг намечающейся лысины. Молодящийся мужчина в летах, которого сын привел познакомиться с нравами казино.

У подъезда одно за другим останавливались такси, и Бондарев с тревогой взглянул на Паулса: им предстояло занять весь стол, за которым работала Ирина, а гости все прибывали.

– Успеем, – спокойно ответил Марк на его невысказанный вопрос. – Главное – не суетиться.

Юрка забежал в казино последним и тотчас рванул к кассе, где накупил фишек самого разного достоинства.

– Сегодня рискну в покер! – сообщил он только что сменившемуся дилеру и возбужденно потер руки. – Ну что, сыграем?

– Обязательно! – улыбнулась Ира. – Делайте ваши ставки!

Наблюдающий инспектор обосновался возле нее и никуда не собирался уходить. Его переполняли недобрые предчувствия. Сложный покерный стол доверили неопытному дилеру, и потому инспектор заранее настроился на неприятности.

Он слышал похвальные отзывы о Лебедевой и видел девочку в работе, но лишь на легких дневных сменах. «Сейчас набежит толпа, – обреченно думал инспектор. – Разве она справится? Вот уже какой-то нефтяник нарисовался...»

Определение «нефтяник» относилось к Василию, который

неторопливо обошел зал, примеряясь, куда бы сесть, и наконец выбрал место возле Юрия.

Марк, Арнольд и Бондарев должны были вот-вот подойти, и Храпов-младший уже предвкушал начало игры... Но справа от него вдруг примостился невесть откуда взявшийся молодой хлыщ и замахал рукой, подзывая двух девиц. Юрка стрельнул глазами, выискивая Паулса и Умника, но они были далеко.

«Как зарядят сейчас эти трое играть всю ночь, считай, дело накрылось медным тазом», – с горечью подумал Юрка, покосившись на хлыща, к которому уже подходили подружки.

Ирка с непроницаемым видом наблюдала, как они повисли на шее у приятеля, требуя объяснить им правила покера.

– Делайте ваши ставки! Спасибо, ставки сделаны!

– Веселитесь, девочки мои! – Юноша подмигнул Ирке. – Давайте-ка вот эту карту поменяем... Оба-на! Удача с нами, лапочки!

Лапочки веселились и подпрыгивали. Она из них подтолкнула под локоть Василия, но тут же поспешно извинилась. Недовольный Храпов буркнул в ответ что-то не слишком вежливое, но на него никто не обратил внимания.

Ирка поймала встревоженный взгляд Юрки и чуть заметно качнула головой: не торопись, быть может, они скоро уйдут.

Но троица, судя по всему, облюбовала ее стол надолго.

Чем громче визжали девицы, тем мрачнее становился Василий. Юрка держался, даже зубоскалил о чем-то с хлыщом, но улыбка его выглядела натянутой.

Пришли Марк с Андреем и тоже вступили в игру, выдерживая свои роли. Груда разноцветных фишек лежала перед каждым, и Умник даже бесцельно выкладывал из них столбики... Но каждому было очевидно: их план проваливается на глазах.

Одна из девиц небрежно поставила сумочку на стол между собой и Юрой, и Ирка тут же сделала ей замечание.

– Ой! Простите, я не знала! – извинилась девушка и сдернула сумочку. Та проехала по столу со странным шуршащим звуком.

И тут Ирка насторожилась. Она пристально посмотрела на хорошенькую брюнетку, перевела взгляд на ее приятеля, отпускающего двусмысленные шутки. Вторая девушка, повисшая на нем слева, создавала звуковой фон: попискивала, ахала, задавала вопросы.

Ира снова раздала карты, открыла верхнюю, начала партию... Но теперь все ее внимание было сосредоточено не на игре, а на шумных

клиентах. Брюнетка непринужденно облокотилась на стол, заглядывая в карты своего друга. Сумочка болталась у нее на плече.

– Пожалуйста, встаньте сзади, вы мешаете игрокам, – попросила Ира, но ее не услышали. – Будьте добры, не опирайтесь на стол! – настойчиво повторила она. – Вы нарушаете правила.

– Что? – встрепелась брюнетка.

– А где у вас правила? – неожиданно агрессивно спросила вторая. – Если вы запрещаете игрокам сидеть как им удобно, об этом нужно предупреждать!

– У нас нет подобных запретов, – любезно ответила Ира. – К тому же вы пока не игроки, а зрители. Будете играть?

– Нет!

Девушка продолжала что-то капризно выговаривать в пространство, но Ирка больше не позволяла себе отвлекаться на нее. Она сделала условный знак инспектору, и тот сразу подошел, остановился рядом.

– Сережа, кажется, они фишки воруют, – очень тихо сказала Ирка. – Видел, как брюнетка за сумку схватилась?

– Продолжай партию, – так же тихо ответил тот и отошел в сторону.

Вернулся он меньше чем через минуту. Ирка могла только гадать, что предпринял инспектор. Она вела игру, ощущая, как накаляется атмосфера за ее столом, и старалась думать только о том, чтобы не ошибиться.

– Простите, не могли бы вы пройти с нами? Служба безопасности.

Одна из девиц громко ойкнула: за плечом ее приятеля выросли двое мужчин в строгих костюмах. Брюнетка попыталась шмыгнуть в сторону, но ее остановили:

– И вы тоже, прошу вас.

– А в чем дело?!

– Действительно! Мы играем...

– Пройдите с нами, пожалуйста, – повторил мужчина. – Для выяснения некоторых формальностей. Как только мы все уладим, вы вернетесь в зал.

Троица поняла, что сопротивляться бесполезно. Спустя минуту их уже вывели, и Арнольд, все время державшийся неподалеку, тут же занял место хлыща.

Теперь вся группа была в сборе.

– Через десять минут перерыв, – сказал Ирке инспектор. Подмигнул и вполголоса добавил: – Медаль тебе, Лебедева!

Когда Ирка вошла в брейк-зал, ее тут же окружили со всех сторон и зашумели, спрашивая наперебой. В однообразной жизни сотрудников

казино любое событие становилось предметом всеобщего любопытства. А уж история, связанная с разоблачением клиентов-мошенников, считалась из ряда вон выходящим.

– Лебедева, не молчи, расскажи интересующейся общественности все подробности!

– Я ничего не знаю! – воскликнула Ирка. – Честное слово! Мне самой интересно, что с ними! Их увели – и все...

– И расстреляли, – мрачно сострил кто-то.

– Ничего с ними не случилось, – громко сказал вошедший менеджер по имени Паша Косенко. Все обернулись к нему. – Сидят, голубчики, беседуют с охраной. Ирина молодец, получит премию за бдительность!

– Я сказала Сергею... – несмело начала Ирка.

– А вот Сергей получит штраф, – перебил ее Косенко. – Он должен был первым заметить, что за его столом творится. А не клювом щелкать по сторонам!

Пока девушка пила кофе, он рассказал, что после ее предупреждения Сергей, действуя строго по инструкции, сразу же поднялся в комнату контролеров. Запись с камеры просмотрели заново, и на замедленном режиме стало отчетливо видно, как работают мошенники.

– Одна шумит, другой отвлекает, третья тащит фишки. У нее ко дну сумки приклеена «липучка». Да и ручками она потрудилась.

У Ирки упало сердце. В голове стремительно пронеслась мысль о том, что теперь и в самом деле все провалилось. Милиция, Юрий в качестве потерпевшего... Что за проклятое невезение...

– Но самое смешное, что ни одной фишки утащить им не удалось, – добавил менеджер. – Столько трудов, и все впустую.

– Как – не удалось? – поразилась Ира.

– Не успели. Сначала ты девицу отогнала, а потом подросли наши ребята. Кстати, твой перерыв заканчивается через пять минут.

– Через семь, – машинально поправила Ирка, не глядя на часы. – Значит, мне вернуться обратно?

– Разумеется. Там сейчас Ольга, вы с ней поменяетесь.

Ира осторожно выглянула в зал и с облегчением увидела всю группу, спокойно игравшую за ее покерным столом.

– Спасибо, Паш! – выпалила она, обернувшись. – Большое спасибо!

– Мне? За что? – удивился тот, но Ира уже вышла в зал.

Два часа спустя

– Ваш выигрыш, пожалуйста!

Ирка подвинула к Марку груды фишек и заметила совершенно одинаковое выражение ужаса на лицах двух менеджеров, контролировавших покерные столы. В первый час менеджер был один, затем к нему прибавился второй, а последние двадцать минут от них не отходил и сам пит-босс, «надсмотрщик» над всем залом.

Ирка понимала их состояние. Один из покерных столов по необъяснимой причине стремительно «обваливался», и никто не мог с этим ничего поделать. Везение игроков можно было назвать чудовищным – или сказочным, в зависимости от того, чью сторону принял бы говорящий.

В комнате, располагавшейся над игровыми залами, контролеры смотрели на экран.

– Она им подыгрывает? Подыгрывает? – в отчаянии спросил Паша Косенко.

– Третий раз говорю – не вижу! – огрызнулся сотрудник. – Паш, не дави! Как она может им подыгрывать, если все на твоих глазах?

– Техника? – предположил другой.

– Нет никакой техники, уже два раза мимо них ходили с нашей аппаратурой. Руки у всех чистые, у двоих даже рукава закатаны!

На экране девушка придвинула очередной выигрыш к клиенту, и Косенко едва не взвыл:

– Ребятки, милые, так не бывает!

– Почему? Помнишь, в две тысячи шестом на рулетке банк сорвали? А на баккаре год назад какие были выигрыши? Парочка играла, парень с девчонкой... Три раза приходили – три раза уносили по мешку. Везунчики! Может, и эти такие же.

– Все пятеро?! Типун тебе...

В комнату влетел пит-босс.

– Ну?! – рявкнул он. – Чего молчим?

– А что тебе сказать? – флегматично спросил контролер. – Все в норме. Играют спокойно, не шумят, не суетятся. Лишних движений не делают.

– Замедляли?

– Само собой. Обижаешь, начальник.

– Может, попросить их оставить стол? – предложил Косенко.

– На каких основаниях? Придраться не к чему. А репутацию портить – себе дороже, и нас с тобой по головке за это не погладят. Кто они вообще такие, черт их подери?!

– Не знаем. По базе постоянных игроков не проходят, в черный список ни один из них не внесен.

– Надо поменять им стол, – твердил Паша, – надо поменять им стол.

– Для начала надо им дилера поменять! Предупреди кого-нибудь, пусть готовятся сменить Лебедеву, когда она уйдет на брейк.

Косенко выскочил из комнаты, сгоряча хлопнув дверью.

Внутренний Иркин голос отчаянно кричал, что пора заканчивать. До сих пор все внимание проверяющих было устремлено на необычайно успешных игроков, но она понимала: близок тот момент, когда под лупой будут изучать ее, а не их. И хотя последние два месяца она каждый день по несколько часов тренировалась «тасовать» колоду, не перемешивая карт, опытный контролер рано или поздно заметил бы, в чем фокус.

А самое главное – башенки! Постройки из фишек, благодаря которым все игроки, в том числе и она сама, знали карты друг друга. Ирка уповала лишь на то, что в ближайшее время в зале не появится человек, способный взглянуть на их стол свежим взглядом. Бросались в глаза не столько сами башенки – они-то как раз не привлекали особого внимания, учитывая, какая гора фишек громоздилась на подносах, – сколько действия участников, продолжавших в каждой партии методично возводить все новые и новые столбики. Через некоторое время они рушились – и все повторялось сначала.

– Мне скоро придется вас оставить, у меня перерыв, – извиняющимся тоном сказала Ира, обращаясь к игрокам.

– Но вы вернетесь? – спросил Бондарев.

– Надеюсь.

Она улыбнулась. Но когда глаза ее встретились с глазами пит-босса, взгляд у Ирки стал жалобный и просящий. Он словно говорил: «Заберите меня отсюда, замените кем-нибудь! Я ничего не могу сделать!»

Инспектор остановился рядом, наблюдая, как она собирает фишки во флот.

– У тебя еще десять минут, – наклонившись, шепнул он.

«Десять минут – и меня отведут прямиком в службу безопасности. Они что-то заподозрили».

Но Ира не дала голосу паники разрастись внутри, заглушив разум и осторожность.

«Мне нужно переиграть их всех, – думала она, идя от стола к брейк-залу и ловя на себе взгляды охранников. – Службу безопасности, чтобы она дала мне уйти сегодня невредимой. Охрану, чтобы я могла выйти с пистолетом. Ящера. Всех его людей. Вспоминай, вспоминай все, чему тебя учили!»

В комнату отдыха Ирка не вошла, а ввалилась, кулем упала в кресло.

Возле нее сразу оказались пит-босс и менеджер, а остальные сотрудники неслышно растеклись по углам.

– Много выиграла? – страдальчески спросила Ирка. Ей не ответили – вопрос был явно бессмысленным. Она сама сдвигала к игрокам фишки и могла примерно подсчитать, в какую сумму обошлись казино два часа игры за этим покерным столом.

– Покажи руки. – Пит-босс быстро засучил ей рукава и внимательно осмотрел запястья и сгибы локтей.

– Сергей, я ни при чем, – устало сказала она. – Поставь кого-нибудь вместо меня, а еще лучше – закрой стол. Что-то неладное сегодня за ним творится.

– Как мы его закроем? – ответил вместо питбосса менеджер. – Пять человек играет!

– «Как» – это вы знаете лучше меня. Пролейте на него что-нибудь! Пусть кто-нибудь пройдет мимо с виски и случайно уронит бокал! Они же теперь до утра не уйдут! – Она махнула рукой в сторону зала.

– Виски – это вчерашний день, – сосредоточенно сказал пит-босс, выпуская вторую Иркину руку. – Рассказывай, что ты заметила.

Девушка огорченно покачала головой:

– Ничего. Вообще ничего. Обычные игроки. Двое – даже туповатые. Они сами не поверили, когда начали выигрывать. А потом уже играли, не могли остановиться.

Пит-босс оценивающе посмотрел на нее:

– Сиди здесь, никуда не уходи. Я с тобой еще поговорю.

– А моя смена? – робко спросила Ирка.

– Сиди, – повторил мужчина и вышел.

Ирка закрыла глаза и прижалась затылком к теплому подголовнику.

– Ладно, не расстраивайся ты так, – неожиданно сказал оставшийся с ней менеджер. – Бывают выигрыши намного больше.

– А мне кажется, что это я виновата, – всхлипнула девушка, не открывая глаз. Из-под длинных ресниц потекли слезы.

– Всем так кажется. Успокойся, не реви. На, возьми...

В Иркину ладонь ткнулось что-то мягкое. Платок. Она вытерла слезы и с благодарностью посмотрела на своего утешителя сквозь пелену, застилавшую глаза.

– Правда, бывают выигрыши больше? – спросила она, шмыгая носом.

– Конечно. Чему вас в школе учили?

Менеджер сам рассмеялся своему вопросу, и Ирка несмело улыбнулась в ответ.

В комнату вошел пит-босс. Заплаканные глаза девушки могли растрогать его не больше, чем крокодила мычание забравшейся в воду антилопы. Но контролеры только что определенно сказали ему, что не видят ни одного нарушения игры, которое могло бы привести к таким выигрышам. Собственно говоря, они вообще не видели нарушений.

И это решило дело.

– Когда закончится перерыв, встанешь на третью рулетку, – сказал пит-босс. – Чиперов не хватает, так что сегодня ручками поработаешь сама.

Ирка послушно кивнула, не веря услышанному. Ее отпускают?!

– А ты, – пит-босс обернулся к менеджеру, – проследи, чтобы на покер ее пока больше не выводили. Чтобы все казино по миру не пустить.

Он ухмыльнулся своей нехитрой шутке и ушел.

В течение следующего часа все члены группы Марка Паулса по очереди покинули казино.

А в четыре утра, отработав остаток смены за рулеточным колесом, из «Королевского Двора» вышла Ирка. Сумка оттягивала ей плечо. Внутри, рядом с помадой и проездным на метро, лежал пистолет с восемью патронами.

Вторая смена контролеров заступила на работу в пять часов утра. Вскоре все они знали, что один из покерных столов, за которым вела игру девочка-новичок, ночью «обвалился».

«Повезло мужикам, – кратко охарактеризовал ситуацию менеджер. – Уехали счастливые и при деньгах».

Во время перерыва один из контролеров нашел запись игры и включил ее. Его считали вредным человеком, и он подтвердил свою репутацию, высмеяв предыдущую смену.

Ему говорили, что его коллеги при пересмотре записи в замедленном режиме не обнаружили шулерства. Из духа противоречия новый контролер поставил игру на ускоренную перемотку и следующие двадцать минут с большим интересом смотрел, как мелькают руки игроков, то и дело хватающихся за фишки. На его глазах несколько раз поднялись и рассыпались разноцветные башенки, и в конце концов он сумел уловить закономерность между началом новой игры и масштабным строительством на столе.

После этого контролер выбрал для просмотра тот момент, когда дилер перетасовывал колоду. Но в отличие от своих предшественников, поставил замедление не в три раза, а в десять. Дважды посмотрел, какой фокус дилер проделывает с картами, и негромко рассмеялся.

А когда узнал, что дилер покинул казино полтора часа назад, рассмеялся чуть громче.

Он и впрямь был язвительный, желчный и вьедливый человек, этот контролер. В казино его не любили, и он прекрасно об этом знал. Поэтому не отказал себе в маленьком удовольствии: позвонил старшему по смене и ласково сказал, вздохнув для приличия:

– Ребятки... Мне кажется, вас сегодня красиво надули.

Глава 12

– Мы это сделали! Мы это сделали! – возбужденно повторял Василий, склонившись над сумками, туго забитыми пачками банкнот. – Марк, мы это сделали!

Его трясло. Ни на кого не глядя, он водил ладонями по пачкам, гладил их, не осмеливаясь вытащить ни одной, но если бы кто-нибудь попробовал отнять сумку, Храпов бросился бы на него.

Арнольд старался держать себя в руках, но видно было, что он тоже не в себе. По лицу эстонца блуждала диковатая улыбка. За все время, прошедшее после возвращения из казино, он не проронил ни слова – лишь сидел и смотрел на Василия.

– Арнольд! – позвал его Юрка.

Тот даже не повернул головы.

– Вась! Ва-а-ася!

Храпов не ответил.

– Слушай, хочешь, анекдот в тему расскажу? – Юрий присел на корточки возле брата. – Двое выходят из казино: один голый, другой в трусах. Первый второму говорит: вот за что уважаю тебя, друг, так это за то, что умеешь вовремя остановиться!

Василий прервал завороченное созерцание денег и посмотрел на Юрку. По глазам его было ясно, что он не слышал ни слова.

– Я это к тому рассказал, что хватит, Вась, заканчивай, – умоляюще попросил Юра. – Надо уметь вовремя остановиться. Полюбовался – и будет!

– Тем более, – раздался сзади холодный голос Марка, – что у нас, если вы не забыли, еще есть *дела*.

Слова Паулса подействовали как удар кнута. Арнольд встрепенулся, улыбка исчезла с его лица, и он выпрямился во весь рост, став похожим на гвардейца, которого оклик командира позвал в строй. Василий мотнул головой, будто просыпаясь.

– Марк, я ничего, – пробормотал он, оправдываясь. – Просто глазам не могу поверить. Никогда столько не видел, честное слово.

Паулс позволил себе улыбнуться:

– Скоро увидишь еще больше. Но для этого нам придется напрячься в последний раз! Не расслабляемся, дети мои, не расслабляемся! Тем более, – тут из его голоса начисто пропала шутливость, – что наша помощница уже

едет к нам.

Юрка похолодел.

– За десятью процентами, – выговорил он, не думая о смысле произносимого.

Марк метнул на него испытующий взгляд, но лицо Юрия совершенно ничего не выражало.

– И за этим тоже, – согласился Паулс. – У нас все готово к ее встрече?

Никто не успел ответить – в дом с улицы зашел Бондарев, и с ним внутрь ворвался холодный воздух.

– Матрасы в яме, – выдохнул он, утирая пот со лба. – Отпечатки наверху я стер. В кухне ничего не осталось, только две банки консервов, но мы их спрячем в сумку – потом пригодятся. Кажется, все готово.

Это «все готово», прозвучавшее ответом на вопрос Марка, отдалось в голове Юрки похоронным звоном. До этой секунды он изо всех сил отгонял мысли о том, что им предстоит сделать. Но теперь правда встала перед ним в полный рост.

Сейчас они убьют старика.

Потом – девушку.

Неотвратимость этих событий стала ясна ему так, как если бы все уже свершилось и Юрке предстояло заново пройти через это. Он наяву видел, как Василий вытаскивает сонного Гройса из его каморки, несет на задний двор, и голые ноги старика беспомощно волочатся по снегу. Гройс старается вырваться, но его жалкие попытки уже не могут ничего изменить. Василию хватит одного удара: старик обмякнет и скрючится на земле, не в силах сопротивляться. А потом над ним наклонится Арнольд...

Когда приедет Ира, все произойдет так, как запланировал Марк. Ее заведут в каморку, якобы для того, чтобы она помогла вытащить старика, и там придушат – в точности как и ее деда. Василий будет держать под рукой нож, но Паулс предупредил, чтобы оружие использовали лишь в крайнем случае: в доме не должно оставаться крови.

«В доме не должно оставаться крови».

Второе тело в предутренней темноте сбросят на первое и завалят землей, заранее разложенной на мешках в сарае. «Военные учения» прошли позавчера: два человека поднимали мешок, переворачивали над ямой, и мерзлые комья со стуком падали вниз. Теперь все будет точно так же, разве что без стука...

А потом, закончив все дела, они отправятся в город, чтобы ограбить инкассаторов.

Арнольд проверил электрошокер, подмигнул Храпову и неспешно вышел, накинув куртку. Юрке не нужно было смотреть в окно, чтобы узнать, куда он направился. Эстонец ждал старика возле выкопанной ямы.

Василий, полностью пришедший в себя, старательно шнуровал ботинки. Марк возился с деньгами, раскладывая пачки по запасным сумкам. Умник накручивал на свой пистолет глушитель. Он переоделся в тонкий белый свитер с высоким горлом, придавший ему до смешного торжественный вид. Будто Умник собирался не на ограбление, а на встречу одноклассников, где собирался хвастаться пистолетом.

Чудовищная обыденность происходящего оглушила Юрия. Никто не придавал значения тому, что должно было произойти. Если бы члены группы ругались, подзадоривали друг друга, даже если бы били Гройса! – Храпову стало бы легче. В его глазах ненависть оправдывала убийство.

Но ненависти не было ни в ком, кроме Арнольда. Да и в эстонце она давно уже не клокотала черным бешенством, как прежде, а спрессовалась камнем, легла на дно души.

– Застрелите его, а? – запинаясь, вдруг попросил Юрка. – Не надо душить. Застрелите!

Умник вскинул на него недоуменный взгляд:

– Зачем? Арнольд все сделает.

– Застрелите... – выдавил Юрка, мучаясь от невозможности выразить все, что он хотел сказать.

Картина унижительной смерти старика стояла у него перед глазами.

– Юрок, ты в последнее время какой-то нежный стал, – усмехнулся Марк, оторвавшись на минуту от своего занятия. – Или наоборот? Жаждешь крови?

Не дожидаясь ответа, он застегнул сумку и вскинул на плечо.

– Юр, подумай сам, зачем оставлять такой след? – будто маленькому объяснил Андрей. – Найдут труп, вытащат пулю... Выходит, придется ствол бросить здесь, а мне его жалко.

Он нежно погладил вороненую сталь.

Юрка опустил голову, признавая его правоту.

Вернулся Арнольд.

– По улице шляются какие-то бомжи, – обеспокоенно сказал он. – Не помешали бы... Девчонка едет на такси?

– Нет, на метро! – съязвил Умник. – На машине, конечно. Обещала поймать попутку. Бродяги нам не помешают, они сегодня здесь, а завтра уже на другом конце Москвы. Даже если что-нибудь и услышат, свидетелей из них не выйдет – они с милицией не связываются.

– Резонно, – согласился Паулс. – Но надо поторопиться. Скоро начнет светать, да и девчонка вот-вот появится.

Василий тяжело поднялся.

– Я сделаю...

Он протопал к каморке. Юрка тупо смотрел на его тяжелые ботинки с тугой шнуровкой, и в голове у него была только одна мысль: «Лишь бы побыстрее».

Василий отодвинул засов, зашел внутрь и почти сразу вывел старика, придерживая его за плечо. Вопреки Юркиным ожиданиям, Гройс вовсе не выглядел сонным. И он не пытался сопротивляться: с присутствующим ему смиренным видом покорно брел туда, куда вел его, подталкивая, Храпов.

Четверо мужчин не сводили взгляда со старика. При ярком электрическом свете его худоба бросалась в глаза еще сильнее, чем тогда, когда он сидел в заточении. Гройс пошатывался, сам цеплялся за руку Василия, словно боясь, что вот-вот упадет. Видимо, из-за этого Храпов утратил бдительность, уверенный, что старик не сделает попытки сбежать, и ослабил хватку на его плече.

– А скажи мне, милый друг, – внезапно прохрипел Гройс, исподлобья косясь на Василия, – ты и внучку мою убьешь, а?

Услышав его, Юрка вздрогнул. Не потому, что старик заговорил о смерти девушки, а потому что он *заговорил*. Отражение своего изумления он увидел и на лице Арнольда. Для каждого из них, хоть они и не осознавали этого, старик был уже мертвецом.

Василий в первый миг оторопел, но через миг пришел в себя.

– Пошел! – Он со злобой толкнул Гройса.

– Вась, ты бы с ним поаккуратнее... – начал Бондарев, приподнимаясь со своего места.

Но его предупреждение запоздало.

Гройс вывернулся из-под руки Храпова и отскочил в сторону, оскалив зубы. Но вместо того чтобы броситься к окну – единственной его возможности прорваться наружу, он с проворством хорька прыгнул на Василия. Нападение было столь внезапно, что Храпов упал. В кулаке старика блеснуло что-то, похожее на острие ножа, и он без единого звука вонзил это «что-то» в тело Храпова.

Василий закричал, но крик его заглушили выстрелы. Андрей Бондарев шел на старика, вытянув вперед обе руки с зажатым в них пистолетом, и беспрерывно стрелял.

Первый же выстрел сбил Гройса на пол. От второго он выгнулся дугой и попытался отползти к стене, словно надеялся спрятаться. Третий,

четвертый, пятый... Юрка окаменел, в ужасе глядя на старика. Каждая пуля выбивала из его груди фонтан крови, заливавший все вокруг. Лицо старика покрылось алыми брызгами, по полу протянулся страшный след.

Умник выстрелил в последний раз, затем пистолет щелкнул вхолостую. Действуя с автоматизмом робота, Бондарев перезарядил пистолет и отступил назад.

В комнате повисла могильная тишина.

Окровавленное тело лежало у стены. Вокруг него лениво растекалась лужа. Юрка заворуженно смотрел, как от нее отделился красный ручеек и потянулся к нему, словно осторожное щупальце.

– Эк ты его разворотил... – хрипло проговорил вдруг Василий и сделал попытку встать.

– В кровь не наступи! – предостерегающе крикнул Марк. – Что стоите, идиоты, помогите ему!

От резкого окрика Арнольд и Юрка вышли из столбняка и бросились к Храпову. Его оттащили назад.

Паулс подошел к Умнику и остановился, разглядывая дело его рук.

– Андрюша, ты спятил? – недоверчиво спросил он, словно не веря себе.

– Испугался, что он Васю заколет, – каким-то чужим, сдавленным голосом ответил Бондарев. – У него что-то было... Нож?

– Это вилка, – сказал Арнольд, издали рассматривавший предмет, лежащий в темно-красной луже. – Откуда он ее взял-то? Два месяца, наверное, затачивал... Ждал, пока пригодится. Вовремя ты, Умник, глушитель купил!

Андрей перевел взгляд на заряженный пистолет, который по-прежнему держал в руке. В глазах у него что-то мелькнуло.

– Ох, грехи мои тяжкие... – Марк сокрушенно покачал головой. – Вот тебе и «не оставили следов». Но Гройс-то каков, а?!

Он обернулся к Храпову, и на лице его мелькнула тревога:

– Вась, что у тебя? Покажи...

– Ерунда, дыра небольшая... – Василий, морщась, показал след на бедре. – В ногу ударил, тварь. А целился-то, поди, по соседству! Спасибо Умнику, снял он его, будто в мишень палил.

– Арнольд, бинты на кухне – быстро принеси! Надо повязку...

Прибежал Арнольд с полной аптечкой, и Марк сперва протер рану перекистью, а затем ловко и умело перебинтовал ногу Храпова.

– Встань! – попросил он. – Идти можешь?

Теперь Юрка понял, почему Марк так встревожился из-за раны Василия. Его беспокоило, сможет ли тот участвовать в налете.

– Все нормально, – проскрипел Василий. – Царапина. Ерунда.

Он, как и Юрка, не сводил взгляда с убитого старика.

– Хорошо, что помогло... Иначе пришлось бы тебя пристрелить, как Гройса.

Произнося это, Марк ослабился, но его шутка пришлась Храпову не по душе.

Ирка остановилась у ограды, прижала ледяные пальцы к щекам и осмотрелась. Никого. Только чуть поодаль стояла машина, превратившаяся в сугроб, а возле нее сидел молчаливый лохматый пес – единственное живое существо на всей улице. Ирка ожидала, что пес хотя бы облает ее, но он не двинулся от машины, словно сторожил ее.

Она запыхалась, пока шла от остановки, где ее высадил водитель-частник, всю дорогу развлекавший неразговорчивую пассажирку бородатыми анекдотами. Надо было отдышаться, согреть руки... Только тогда можно было идти в дом.

Она еще раз повторила про себя все, что должна сделать. «Войти. Подойти к деду. Обнять его или просто повернуться так, чтобы они не видели. Достать пистолет. Направить на Марка. Потом выстрелы. Будет кровь, нельзя терять сознание. После этого...»

Что будет после этого, она обдумывать не стала. Предстояло привести в исполнение первую часть плана.

– Марк! – негромко окликнул Арнольд, отодвинувший штору и осторожно выглядывавший наружу. – У нас гости.

В следующую секунду в дверь постучали условленным стуком.

Все замерли. Юрию неожиданно вспомнилось, как в детстве они играли в «Море волнуется, раз». Нужно было стоять не шевелясь, пока водящий ходил вокруг «морской фигуры», и тот, кто первым терял равновесие, выбывал из игры.

Пятеро взрослых мужчин, застывших в разных позах, как куклы, представляли бы собой смешное зрелище, если бы не мертвое тело рядом с ними.

Стук повторился, и первым пришел в себя Паулс.

– Арнольд, живо за дверь! – вполголоса скомандовал он. – Как войдет, души ее сзади! Юр, открывай!

Юрий не двинулся с места, и тогда Марк, яростно прошипев что-то в

его адрес, сам метнулся к двери.

Щелкнул замок, и Паулс отступил, пропуская Ирку.

Девушка неуверенно шагнула внутрь, щурясь от яркого света. Юрий заметил, что одну руку она держит в кармане пальто. Арнольд выдвинулся из-за двери, но Ира увидела тело раньше, чем он успел что-либо сделать.

С губ ее сорвался даже не крик, а стон. Она бросилась через всю комнату и упала на колени рядом с дедом. Дрожащими руками оцупала его голову, отдернула руки. И повернулась к Паулсу, вставая.

– Вы... – прошептала она бескровными губами. – Вы его убили...

Арнольд с Марком еще только подбегали к ней, а Ирка уже выхватила из кармана пистолет, по сравнению с которым оружие Андрея казалось игрушечным.

Но Умник, стоявший рядом, все-таки успел первым.

Он выстрелил три раза – прежде, чем девушка успела нажать на курок. Приглушенные хлопки выстрелов отразились эхом от стен. В ответ громыхнуло, пистолет в Иркиных руках вздрогнул, и белоснежный свитер Умника вдруг стал пропитываться изнутри красным. По горловине расплзлось пятно, похожее на огромный маковый лепесток.

Андрей замычал, прижав ладонь к горлу.

Он сделал шаг к девушке, одной рукой удерживая свое оружие. Но выстрела не последовало. Ирка неловко повалилась набок, выронив пистолет, дернулась, попыталась перевернуться и наконец затихла, подтянув ноги к животу, как засыпающий ребенок.

Больше она не шевелилась.

Андрей стоял над ее телом, по-прежнему прижимая ладонь к горлу, и между пальцами у него сочилась кровь.

– Умник... – осипшим от ужаса голосом позвал Юрка, уже все поняв.

Бондарев пошатнулся и сел в лужу, выпустив оружие из пальцев. Никто даже не сделал попытки подойти к нему. Андрей посидел немного, глядя перед собой в одну точку, покачнулся, будто собираясь встать, и упал назад. Тело его ударилось о влажный пол с мягким стуком и застыло.

Теперь Гройс, Ирка и Умник лежали рядом. Старик – раскинув руки, Ирка – съжившись подле него, будто доверчиво уткнувшись носом в его разорванную рубашку. Пальто задралось, открыв худенькие коленки, все в темных пятнах крови. Сейчас она казалась маленькой девочкой. Маленькой неосторожной девочкой, вздумавшей поиграть в чужую игру по чужим правилам.

Бондарев так и не отнял руки от горла. На лице его, обращенном в потолок, застыло удивленное выражение, словно он так и не смог до конца

поверить, что его все-таки убили, и игра закончилась.

– Господи... – Юрий перекрестился. Лицо его посерело. – Спаси и помилуй... Раба твоего... грешного... И упокой душу его, Господи...

Он не знал ни одной молитвы, но слова будто сами выскакивали откуда-то изнутри. Ему не удавалось отвести глаз от тела Умника.

– Молиться будешь в церкви, – хрипло сказал Паулс. – А сейчас нужно решить, что делать дальше.

Он обвел взглядом свою группу. Василий прислонился к подоконнику, тупо глядя на пистолет, который выронила девчонка. Юрий шевелил губами, и в глазах его читался страх. Один только Арнольд, хоть и побледнел, держал себя в руках. Он первым отреагировал на слова Марка:

– Уходить надо, вот что. Только прежде следы подчистим.

Василий смог наконец оторвать взгляд от пистолета.

– Как она его... А он!.. С ним точно – все? – выдавил Храпов, кивнув на Андрея. – Может, проверить?

– Даже не сомневайся, – мрачно отозвался эстонец. – Пуля в шею попала. Он еще долго продержался.

Храпов поворочал шеей, будто это в него стреляли, и встал. Боль в ноге заставила его поморщиться.

– Надо было раньше эту сучку грохнуть. Я же говорил... А теперь валить надо. Да поживей.

Арнольд поддержал его:

– Правда, Марк, смываемся. Кто-нибудь мог услышать выстрелы. Если нас здесь накроют с тремя трупами...

Он не закончил. Все и без слов было ясно.

Марк покачал головой. Эстонец осторожно приблизился, разглядывая убитую девушку.

– Дура какая, – почти с сожалением сказал он. – Надо же, какая дура...

– Эта дура едва нас всех не положила! Да, недооценил я ее... И Умника прикончила, тварь... Стой!

Восклицание относилось к Василию, который, прихрамывая, подошел слишком близко.

– Куда полез? – грубо рявкнул Паулс. – К ним в компанию захотел? Если кто в крови перепачкается, то ляжет рядом, ясно?!

Храпов поспешно отошел назад.

– Как она его... – повторил он потрясенно. – Черт, а? А я говорил... Говорил ведь... Слышь, Юр! Ты помнишь, я говорил?

Юрий бессмысленно взглянул на брата.

– Простыня... – без выражения сказал он.

Потоптался на месте, словно решая, куда идти, и наконец двинулся к лестнице, бормоча себе под нос: «Простыню нужно...»

– Эй! – Марк нахмурился. – Стой! Куда?!

Арнольд в два прыжка догнал Юрия, схватил его за плечо.

– Юр, ты чего? – ласково заговорил эстонец. – Далеко собрался?

– Закрывать их хочу, – тихо ответил Юрка. – Не по-человечески они лежат. А под лестницей полный мешок тряпья. Я там видел старую простыню. Пусти.

Он высвободился и пошел, огибая лежавших по широкой дуге. Паулс молча проводил его недобрый взглядом.

– Не наследит он под лестницей? – вполголоса спросил Арнольд. – Нашел время...

Но Юрий уже вернулся, неся в руках грязно-желтую скомканную тряпку. Он расправил ее и неуклюже набросил на тела. На ткани тотчас начали проступать красные пятна.

– Вот так хотя бы... – пробормотал Юрка, отворачиваясь.

Его начала колотить дрожь. Сперва она сидела где-то в животе, затем поднялась к груди и ледяной стружкой скользнула к кончикам пальцев. Ладони Юрки покрылись холодным потом. Он резко вытер их об штаны и поймал на себе изучающий взгляд Марка.

– Вась, дружок, выйди-ка и проверь машину, – попросил Паулс. – Заодно посмотри, не отирается ли кто-нибудь возле дома. И принеси из гаража форму.

Василий попятился, повернулся и выскочил из комнаты, забыв накинуть куртку.

– Слушай, Марк, зачем форма? – спросил Арнольд. – Видишь, как нехорошо все получилось?

Марк отошел, сел на стул, закурил, коротко затягиваясь. К нему быстро вернулась способность здраво соображать. Сожаление о смерти Умника сменилось пониманием выгоды, которую можно было извлечь из случившегося.

– Может, оно и к лучшему, – негромко сказал он. – Да перестань ты тарачиться на них! – крикнул он Юрке, и тот вздрогнул. – Отойди оттуда!

Юрий повиновался. На негнущихся ногах он подошел к столу и сел напротив Марка, плохо соображая, что делает. Ему казалось, что в комнате висит и с каждой минутой усиливается страшный запах, который не перебивает даже дым от сигареты Паулса.

– Надо бы дверь открыть... проветрить, – с трудом сказал он. – Пахнет

от них... пахнет.

– Хватит блажить, – бросил, будто выплюнул, Марк. – Арнольд, иди сюда.

Эстонец тяжело опустился рядом. Юрий заметил, что он сел спиной к накрытым простыней телам.

– Сматываться надо, Марк, – во второй раз повторил Арнольд, потирая виски.

– В банке справимся вчетвером, там работы на полчаса, – сказал Паулс, будто не слыша его. – А делить выручку придется не на пять частей, а на четыре.

– Ты серьезно?!

– Внутри пойдём мы с тобой, Юрок будет в кузове, Вася за рулем. Легко обойдемся без Умника. Один раз мы это проделали, проделаем и второй. Потом я вернусь сюда за деньгами – и уедем.

Он говорил отрывисто и с таким напором, что Юрка на секунду усомнился, осознал ли Марк, что произошло.

– Если упустим такой шанс, второго уже не будет, – добавил Паулс.

Арнольд ничего не ответил, в задумчивости потирая руки. Юрий видел, что он колеблется. Гибель Умника для него ничего не значила – он изо всех сил пытался сообразить, какой ущерб она может нанести их плану. Марк помог ему.

– Мальчишка исчерпал свой ресурс, – хладнокровно сказал он. – Придумал три неплохих плана. Но на большее он не был способен, так что рано или поздно от него пришлось бы избавляться. Подумай сам: если бы мы прикончили старика и девчонку как планировали, а трупы все-таки нашли бы, то кого стали бы искать? Всех нас. А теперь и искать никого не нужно! Менты исследуют улики и поймут, что наш Андрюша сперва застрелил Гройса с внучкой, а затем скончался от полученных ран. Преступник уже наказан! Дело закрыто.

Арнольд кивнул, соглашаясь, но затем встрепенулся:

– Стой! А простыней он тоже сам закрылся? Завернулся, чтобы ползти на кладбище?

– Очень смешно, – без тени улыбки отозвался Паулс. – Простыню снимем и выкинем. Юрок сделал глупость, а я его вовремя не остановил. Но это поправимо. Самое главное – все поняли? – на нас вины нет. Даже если схватят, ничего не докажут. Скажем спасибо Умнику, сделал нам предсмертный подарок.

Он шутовски поклонился в сторону трупов.

– И не забывай: все поделим на четыре части! Риск минимальный.

После дела пересядем в «Форд». Тачка нигде не засвечена, мы тоже. Андрюша, светлая душа, сам настаивал на том, чтобы каждого из нас можно было заменить. Поэтому ты оглушишь инкассатора вместо него. Арнольд, вспомни, как все было в прошлый раз! Можешь считать, что основную работу мы уже выполнили – нашли банк, подготовились, отрепетировали. Осталось только снять пенки. Если работать четко и согласованно, у нас все получится!

Паулс был очень убедителен. Даже Юрий почувствовал, что попадает под воздействие его настойчивого голоса. В спокойствии Марка, в размеренности его речи было что-то гипнотическое. Он смутно осознавал, что уверенность Паулса проистекает не из реальной оценки положения, а из страстного желания получить то, на что он рассчитывал. Марк не мог отступить, когда они были так близко от цели.

– Сколько осталось до выезда? – спросил Арнольд, и Юрка понял, что эстонец сдался.

– Тридцать минут. Переодеваемся, прячем сумки, убираем следы – и уезжаем.

«Даже если бы всех нас убили, Марка это не остановило бы», – подумал Юрка с озадачившим его самого равнодушием.

Но ему стало почти безразлично, чем все закончится. Он слишком устал.

Вернулся Василий с ключами от машины, бросил в угол пакеты с формой.

– Сейчас поедem к банку, – сухо сказал ему Марк, вставая. – Юр, переодевайся.

Храпов от изумления выронил ключ, и они жалобно звякнули на полу. Василий застыл с открытым ртом, издав невнятный звук.

– Тихо! – шикнул Арнольд. – Марк дело говорит. Умника жалко, конечно. Но если бы он не погиб, то мог бы впутать нас в такое, что мало бы никому не показалось. К тому же прикрыл нас со всех сторон. Сейчас поедem в банк, все закончим, а потом разбежимся! Все ясно?

Василий был обескуражен. Все происходило слишком быстро и совсем не так, как они запланировали. Бондарева убили... Не то чтобы это сильно огорчило Храпова, но здорово выбило из колеи. Мысли его разбежались, он не мог заставить себя сосредоточиться, подумать о чем-то одном.

Однако Василий привык всегда полагаться на суждения других, и особенно – Марка... Марк всегда знал, что делать.

Это соображение окончательно разрешило его сомнения. Он натянул перчатки, сгреб самый тяжелый мусорный пакет и быстро вышел из дома.

Юрий встал, подумав, что ему надо бы сделать то же самое: перетащить собранный мусор в машину, чтобы в доме не осталось никаких свидетельств их проживания. Но на полпути к двери его остановил голос Марка:

– Ну что, Юрок, все вышло, как ты хотел?

Он непонимающе взглянул на Паулса.

– Их же пристрелили, – усмехнулся тот, кивая на тела под простыней. – Ты просил Умника об этом? Можешь считать, что он тебя послушался.

Юрка перевел взгляд на красные брызги на стене и почувствовал, как волна острой тошноты подкатывает к горлу.

– Я сейчас, – сдавленно пробормотал он и опрометью бросился в туалет.

Когда Юрий вернулся, вытирая губы, сумок с деньгами уже не было. Марк и Василий ушли. В комнате остался лишь Арнольд, успевший переодеться в форму охранника.

– Где все? – безучастно спросил Юрка.

– Марк, наверное, скоро придет, – туманно ответил эстонец. – А Вася уже в гараже, проверяет, все ли на месте. Пора ехать.

– Пора ехать, – эхом повторил за ним Юрий.

Он тряхнул головой и пошел к двери. Возле нее стояли большие черные мешки, забитые мелким мусором и вещами, которыми они пользовались в доме. В приоткрытое окно задувал ледяной ветер.

– Юр! – окликнул его Арнольд. – Юр, подожди!

Храпов неохотно остановился.

– Послушай, – мягко сказал эстонец, – я понимаю, ты выбит из колеи. Но Гройс едва не убил твоего брата, а Ирина перестреляла бы нас всех как куропаток. Так что Умник поступил правильно. Хотя мне тоже очень жаль его.

Юрка молчал.

– Юр, – вновь проникновенно заговорил Арнольд, не дождавшись ответа, – у нас осталось одно-единственное дело. Считай, что это последний марш-бросок. Если мы его провалим, Марк не успокоится. Ты ведь его знаешь! Он найдет другой способ раздобыть денег на свою гостиницу. Хочешь, чтобы это продолжалось бесконечно?

Он попал в точку. Юрий представил, как это будет, и содрогнулся. Нет, ни за что! Окончить этот ад сегодняшним днем – и точка.

Юрка подумал об этом – и сам удивился твердости своего решения.

Ограбление инкассаторов будет последним делом, в котором он участвует. Все. А потом уедет к тетке под Севастополь. Станет там жить, разводить кур... или кого можно разводить под Севастополем...

– Но для этого нужно, чтобы сегодня все прошло успешно, – вкрадчиво сказал Арнольд, внимательно наблюдавший за ним. – Постарайся, Юрок.

Тот кивнул и вышел из дома, решительно настроенный не допустить ни единой ошибки. «Последнее дело – и свобода! Последнее дело – и свобода!» – крутилось у него в голове.

Когда он вошел в гараж, Марк уже ждал там, переодетый в униформу охранников банка. Он не стал избавляться от бакенбард и парика, и противоречие между обликом пожилого дядюшки и цепким звериным взглядом теперь еще сильнее бросалось в глаза.

– Давай в машину! – приказал он. – Мы – в салон, ты рядом с водителем.

Послышались шаги. Запыхавшийся Арнольд запрыгнул в машину и с силой хлопнул дверью.

– Выбиваемся из графика! – хмуро бросил сзади Марк. – Слишком долго возились!

– Нагоним! – успокоил его Василий.

Он резко выжал педаль, и «Газель» вылетела наружу, едва не зацепив боковым зеркалом косяк.

Выехав из поселка, Храпов сбросил скорость.

– Чтоб не тормознули за превышение, – пробормотал он себе под нос.

Сзади висело тяжелое молчание. Юрка пытался заставить себя думать о деньгах, которые он получит, когда все закончится, но эта мысль не вызвала в нем ничего, кроме глухого протеста. Тогда он напомнил себе, что это его последнее дело, и стал смотреть в окно.

На небольшом расстоянии за ними следовала грязно-белая «девятка». Юрка подумал, что сейчас она пойдет на обгон, и хотел предупредить Василия, что справа у него в слепой зоне машина, но не успел: пытаясь вписаться в поворот на скользкой дороге, Храпов-старший резко вывернул руль, и «девятка» едва успела уйти от столкновения. Юрий подумал, что шофер обязательно догонит их и выскажет все, что думает о таких маневрах, но «девятка» отстала, и он вздохнул свободно. «Не хватает нам сейчас только свары на дороге...»

Паулс наклонился вперед и тронул Василия за плечо.

– Вася, ты не забыл, куда мы едем? Если нас остановит патруль, я тебе

голову разобью.

– Понял. Больше не повторится!

Василий и в самом деле поехал медленнее. Юрка искоса посмотрел на него. Брат был похож на человека, который в первый раз сел за руль: челюсти крепко сжаты, руки напряжены. Юрию очень не понравилось то, что он увидел.

– Вась, ты чего? – тихо спросил он.

– Сам не знаю, – сквозь зубы ответил тот. – Непокойно мне что-то.

Юрка хотел сказать, что ему тоже не по себе, но промолчал. Не стоило вести такие разговоры за двадцать минут до прибытия к банку.

Однако обманывать самого себя он не мог: что-то шло не так. Юрку охватило дурное предчувствие, и захотелось на ходу выпрыгнуть из машины, скрыться в заснеженных дворах, откуда смотрели желтыми глаза фонари.

Сзади негромко переговаривались Марк с Арнольдом, и до Юрки доносились отголоски их разговора. «– Не найдут... – Утром туда никто не сунется... – Возвращаться не боишься?.. – Главное – не по дороге... С другой стороны подъедем». Первый раз у Юрки мелькнула мысль, что он не знает, куда Марк спрятал деньги. «Пес с ними, с деньгами, – отчетливо сказал внутренний голос. – Живым бы выбраться».

Они затормозили на светофоре, Юрка поднял глаза вверх и обомлел. Дорогу пересекала рекламная растяжка: «Умри ты сегодня, я – завтра!»

– Да вы спятили! – адресуясь неизвестно к кому, пробормотал он.

– Что? – не понял Василий. – Кто?

Юрий присмотрелся и вдруг увидел, что на растяжке написано совсем другое. «Купи ты сегодня, а я – завтра!» – предлагал настойчивый слоган, а под ним мелкая строчка сообщала, что всех покупателей зовут в магазин электроники за лучшими в мире пылесосами.

– Тьфу, заразы! – в сердцах выругался он.

– Да кто?!

– Пылесосы... Мать их!

Марк перегнулся сзади и приказал:

– Вась, сворачивай. Пересаживаем Юрку.

Они остановились, и Юрий живо перебрался из кабины в салон. До банка оставался один квартал.

– Скотч проверил? – негромко спросил Паулс.

– Да. Здесь.

– Шокер?

– У меня, – отозвался Арнольд.

– Ремень поправь. Не то штаны съедут в самый неподходящий момент. Или хочешь голым задом напугать инкассаторов?

Все рассмеялись. Даже эта незамысловатая шутка слегка снизила напряжение в машине. Арнольд, усмехаясь, затянул ремень, Юрка проверил, не скользят ли подошвы ботинок по дну машины.

– С богом, ребятки, – негромко сказал Марк. – Вася, трогай.

Весь оставшийся путь до банка никто не проронил ни слова. Снаружи доносились сигналы автомашин, но вскоре гудки стали глуше, и Юрка, не глядя в окно, догадался, что они свернули во дворы.

– Подъезжаем, – глуховато сообщил Василий.

Машина ткнулась носом в сугроб и встала.

– Что там? – тихо спросил Марк.

– Пусто, – так же тихо ответил Храпов.

– Ясно. Ждем.

Первая минута. Вторая. Третья... Юрка подумал, что в прошлый раз ожидание давалось им легче. Мысли его, ничем не занятые, возвращались к одной и той же картине: он набрасывает нечистую тряпку на лежащие тела, и она тотчас пропитывается кровью, скрывающей желтоватые пятна.

Юрий мотнул головой, отгоняя жуткое видение.

– Ты чего? – резко наклонился к нему Арнольд.

Юрка мотнул головой, показывая: ничего, все в порядке... Но про себя подумал, что каждый из них сейчас на взводе. Даже Арнольд кажется взвинченным.

– Ну где же ты?! – Марк приподнялся, нетерпеливо заглядывая в зеркало заднего вида, в котором отражался подъезд перед входом в банк. – Давай, малыш, выходи! Э-эй, твоя сигаретка ждет тебя!

Он почти замурлыкал, будто выманивал кошку ласковыми словами.

– Выходи-выходи... Дружок, мы тебя ждем! Скорее! Цыпа-цыпа-цып! Тю-тю-тю!

На этот раз в ответ на сюсюканье Паулса никто даже не улыбнулся. Было что-то бесноватое в том, как он с умильной улыбочкой бормотал эту чушь, не отрывая взгляда от зеркала.

Однако его шаманство неожиданно дало плоды. Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел грузный охранник лет пятидесяти, голову которого венчала крошечная вязаная шапочка, едва закрывавшая макушку.

– Есть! – шепотом воскликнул Марк.

Мужчина прислонился спиной к перилам и задымил, жадно затягиваясь, как будто старался выкурить сигарету побыстрее.

– Приготовились... – скомандовал Марк. – Пошел!

«Газель» резво сдала назад, приближаясь к выходу. Юра с Арнольдом переглянулись.

– Сделано! – негромко оповестил их Василий, подогнавший машину вплотную к выходу.

Паулс кивнул помощникам и толкнул дверь. Юрка успел заметить, какое глупое и растерянное лицо у мужчины с сигаретой, а в следующий миг они рывком втащили его внутрь, и Арнольд с обезьяньей ловкостью выкрутил ему руки, связал и заклеил рот. Над широкой коричневой полосой скотча, которой эстонец второпях залепил пленнику пол-лица, блестели вытарашенные в испуге глаза. Юра сдвинул охраннику шапочку на лоб, чтобы бедняга ничего не видел.

Он перебрался вперед, приготовился и увидел в зеркале, что Марк уже стоит снаружи, закуривая сигарету. Арнольда не было видно. Значит, все шло по плану: один проник в банк, второй оставался на крыльце, поджидая инкассаторов, которые должны были подъехать с минуты на минуту. Инкассаторы с сумками войдут в длинный узкий коридор и там встретят Арнольда с шокером. Он отключит первого, а второго возьмет на себя Марк. Самому Юрке даже не понадобится выходить из машины...

И вдруг Юрия второй раз за это невыносимо долгое утро отчетливо кольнуло дурное предчувствие. Что-то шло не так. У него вспотели руки, он лихорадочно стянул перчатки и вытер ладони об куртку.

– Не суетись, – буркнул Василий. Он сидел неподвижно, как каменное изваяние. Взгляд его был прикован к просвету между домами, откуда вот-вот должна была появиться инкассаторская машина.

Юрий незаметно огляделся, пытаясь понять, чем вызвано его смятение. Двор был безлюден, если не считать грязно-белой «девятки», прижавшейся к углу пятиэтажки. Через темные окна ему не удалось рассмотреть, есть ли кто-то внутри. Юрка попытался вспомнить, была ли эта машина здесь, когда они приехали... А если не было, то в какой момент она появилась?

– Вась, послушай... – решил он. – Что-то здесь неладно...

Вдруг картинка с фотографической четкостью вспыхнула в его памяти. Дорога, снег, летящий на лобовое стекло... Вася слишком резко поворачивает, белая «девятка» уходит вправо.

Секунда – и картинка сменилась другой. Арнольд заходит в дом, потирая руки, и говорит о том, что к соседу кто-то приехал. «Кажется, на белой „девятке“... Надо бы притихнуть, а, Марк?»

Белая «девятка»!

События последнего месяца замелькали в памяти Юрки с

калейдоскопической быстротой. Он лихорадочно припоминал, где и когда видел эту машину. Коттедж... шоссе... казино... Или возле казино ее не было?

Инкассаторский автомобиль с зеленой полосой на боку въехал во двор, тяжело переваливаясь на ухабах, и остановился возле банка.

Василий напрягся, готовясь выскочить из машины, если понадобится его помощь.

– Все, – процедил он сквозь зубы, – началось. Сейчас Марк их сделает, как бог черепаху.

– Вася, стой! – громко сказал Юрка. – Это не...

Дверь бронированного «Соболя» отъехала в сторону. Но вместо двух инкассаторов оттуда посыпались люди в черных масках с автоматами наперевес. Девятка сорвалась с места и перекрыла выезд из двора, отрезая «Газели» путь к отступлению.

Василий страшно выругался, утопил педаль в пол, и машина рванула с места, подняв снежную пыль. Но далеко уехать им не удалось: «Газель» врезалась в инкассаторский броневик, и ее развернуло боком.

Марк попытался укрыться в банке, но ему не дали даже открыть дверь. Удар сзади на несколько секунд оглушил его. Паулс пришел в себя от того, что в ноздри и в рот забился грязный снег, истоптанный ботинками. Он лежал рядом с крыльцом, а рядом с ним валялась недокуренная сигарета.

Арнольда выволокли изнутри и швырнули в двух шагах от Марка. Спустя минуту к ним присоединился Василий, бессильно скрипящий зубами.

Единственным, кто остался на свободе, был Юрка. Стоило ему увидеть людей в черных масках, как он выпрыгнул из машины, сшиб одного из бегущих и, петляя как заяц, рванул прочь. Он слышал, как сзади кто-то заорал диким голосом, а следом за криком последовали оглушительно громкие выстрелы. Старый двор вздрогнул, а с веток безмолвных тополей вскинулись в небо вороны и суматошно закружились над местом недолгого сражения.

Юрка мчался, не оборачиваясь, спиной чуя погоню, как заяц чувствует гончих. Он нырнул в первую попавшуюся арку, молясь о том, чтобы с другой стороны никто не ждал, проскочил ее насквозь, перепугав какую-то пенсионерку с собачкой, и под злобный остервенелый собачий визг вылетел на улицу.

Он еще долго бежал, петляя, срывая дыхание, и остановился только тогда, когда понял, что бежать дальше нет смысла. Беглец всегда привлекает внимание. Юрка сел на скамейку, отдышался и пошел к метро.

Глава 13

Марк Паулса, Василия Храпова и Арнольда Саара взяли при попытке ограбления банка. Следователь еще раз проглядел оперативные отчеты и взглянул на сидящего напротив человека. Его бакенбарды с одной стороны испачкались в крови, парик съехал набок, и человек стал похож на умалишенного.

Следователь знал, что только одному из грабителей удалось бежать, а остальных захватили «чисто», то есть без членовредительства. Кровь на лице Паулса была от ссадины: при задержании стоявшего на крыльце главаря провезли лицом по шершавым перилам. Остальные отделались синяками.

– Марк, давайте поговорим, – задумчиво произнес следователь. – Вы же умный человек, понимаете, что вам светит. Вам и вашей гоп-компании.

– Мне непонятен ваш жаргон, э-э-э...

– Владимир Максимович, – подсказал следователь.

– Владимир Максимович. Обычно мне светит ясное солнце, а сейчас – лампочка в вашем кабинете.

Марк издевательски указал на лампу.

– Хорошо, – согласился следователь, – объясню доступнее. Вам грозит, выражаясь языком канцеляристов, длительное тюремное заключение.

– Откуда же длительное? – удивился Паулс. – От одной неудачной попытки проникнуть в банк?

– Почему же от одной? – в свою очередь удивился следователь. – От двух попыток, уважаемый, от двух! Первая из которых завершилась вполне удачно. «Азия-банк» – помните такой?

Он приподнял очки и с любопытством посмотрел на задержанного. Марк ничем не показал, что ему знакомо это название, лишь пожал плечами:

– А что у нас с «Азия-банком»?

– О-о, там у нас интересная история! – с неподдельным удовольствием ответил следователь. – Рассказать? Расскажу, – не дожидаясь ответа, решил он. – Итак, в ноябре месяце текущего года некие люди – следствие потом установило, что их было пятеро, – совершили оригинальное ограбление «Азиябанка». Точнее сказать, ограбили-то они инкассаторов, но ограбление произошло на территории банка. Эти некие люди – кстати, вы заметили, Марк, что я пока говорю о них «некие»? – скрутили охранника, спрятали

его в машине, а сами вошли в банк, переодевшись в форму. Подменили его, понимаете? Так что когда ничего не подозревающие инкассаторы вошли внутрь, лжеохранники напали на них и отобрали сумки.

– А могли бы и убить... – подал голос Марк.

– Безусловно! Безусловно! Но не убили, что похвально. Хотите, чтобы я вас похвалил?

– Меня-то за что? – хмыкнул Марк. – Мне ваша похвала без надобности.

– Тогда слушайте дальше. Преступники скрылись с деньгами на угнанной машине. Машину, кстати, потом нашли. Аккуратно протертую изнутри и снаружи, как и следовало ожидать. Так что она нам ничем помочь не смогла. Зато на месте преступления нашли улику.

– Неужели?

– Именно так. Вы не поверите, Марк – телефон!

Следователь рассмеялся и одобрительно похлопал ладонью по столу.

– Те-ле-фон... – повторил он по складам. – Дело в том, что преступники порой оставляют на месте преступления удивительные вещи. Например, забывают собственные документы. Или оружие с отпечатками пальцев. Или роняют телефоны. Вижу по вашему лицу, Марк, что вы сейчас мучительно стараетесь вспомнить, не терял ли кто-то из ваших подельников телефоны... А по выражению уверенности понимаю, что вы только что твердо убедились в мысли, что нет, не терял. И в этом вы совершенно правы! Это был новехонький телефон с сим-картой, которая никогда прежде не использовалась.

– Сотрудники банка, – обронил Марк.

– Именно так мы вначале и решили, – подхватил Владимир Максимович, – что телефон принадлежит кому-то из сотрудников банка! Однако выяснилось, что это не так. Инкассаторы тоже не теряли телефонов, не говоря уже о том, что они пользуются рациями. Оставалась одна версия: телефон случайно выронил тот, кто напал на них в узком коридоре. Вам все еще неинтересно, Марк?

Паулс не ответил.

– Сим-карту исследовали. Выяснилась удивительная вещь: на этот телефон в течение короткого промежутка времени – буквально одного вечера – поступило четыре звонка от четырех разных абонентов. При этом разговоров между ними не было! Звонок – принятый вызов – обрыв сигнала. И так четыре раза. Странно, не правда ли?

Паулс по-прежнему безмолвствовал.

– Оперативники, конечно, мигом установили, с каких телефонов

поступали звонки. Вы не хуже меня знаете, дорогой Марк, что нынешние преступники никогда не регистрируют телефоны на самих себя. Они выбирают подставных лиц, чтобы их самих потом невозможно было связать с преступлением. Трое из наших четырех таинственных абонентов именно так и поступили. Но один допустил ошибку! Он опрометчиво попросил свою родственницу купить ему карту, и та конечно же оформила ее на себя. Это некая Елена Храпова, проживающая в Севастополе. Через нее мы вышли на двух ее племянников, Юрия и Василия Храповых, а там уж добраться до вас и Арнольда Саара было делом техники. Вы слишком долго работаете вместе, чтобы не оставлять следов. Наследили в Таллине, не так давно прошлись по Новосибирску... Тем более, когда мы знали, кого подозревать, то без особого труда смогли связать подставных лиц с вами. Вы, например, свой телефон оформили на бывшую любовницу.

– Подогнали решение под ответ, – усмехнулся Марк.

– Не без этого. Но ответ оказался верным. Итак, у нас имелся следующий факт: за два дня до ограбления банка вы, Арнольд и оба Храповых поочередно звонили на чей-то телефон, который зарегистрирован вообще на какого-то бомжа, но для нас это не имеет значения. Далее – следите за руками – этот телефон мы находим в банке: он валяется за дверью у запасного выхода. А свидетели утверждают, что налетчиков было то ли пятеро, то ли четверо.

– Это еще ни о чем не говорит, – хрипловато сказал Паулс и откашлялся.

– Ни о чем, дорогой Марк, ни о чем! – воскликнул Владимир Максимович. – Но поставьте себя на наше место. У вас есть четверо подозреваемых, которых никак нельзя привязать к ограблению. Телефон – это не улика! Это всего лишь след, и след весьма странный. Что же предпринять? Ведь нельзя оставить его без внимания! Кроме него, других ниточек нет! Будут предположения? Что бы вы сделали? А? Молчите? Не знаете?

– Понятия не имею, – ответил наконец Марк.

– А я вам скажу. Охотно поделюсь. Мы установили за ними наблюдение.

Паулс вздрогнул и поднял взгляд на следователя. Глаза их встретились. Минута прошла в молчании. Следователь снял очки и сказал совершенно другим тоном:

– Могу сейчас дать бумагу, вы сами все напишете. Будем считать, что я вам ничего не рассказывал, оформим как добровольное признание.

– Нет уж, спасибо, – с кривой ухмылкой отказался Марк. – Я из-за

ваших сказок на зону идти не собираюсь.

– Сказок? – переспросил Владимир Максимович, и лицо его стало обиженным. – Ну вы и скажете тоже. Эх, а я надеялся... Ну, раз так, тогда слушайте дальше.

Он вновь нацепил очки, поправил их на переносице, и голос его приобрел убаюкивающие нотки:

– Наблюдение вели долго. Вы сняли дом на юго-западе и тихо жили там, время от времени наведываясь в Москву и играя в казино. За вами очень аккуратно следили. Большое наблюдение мы выставить не могли, не было достаточных оснований, но и двоих, как выяснилось позже, оказалось достаточно. Вы так долго ничего не предпринимали, что мы уже планировали убирать слежку... И вдруг ваши люди принялись по очереди дежурить неподалеку от «Гарант-Москвы»! Честно скажу вам, Марк, мы обрадовались! С этого момента наблюдали за вами уже не двое, а четверо, причем постоянно. И телефоны ваши прослушивались... Правда, вы осторожничали, но это уже не имело значения.

Потому что сегодня, Марк, вы поехали в банк, чтобы ограбить инкассаторов. Машина с оперативниками последовала за вами. Вы добрались до банка «Гарант-Москва» и там остановились. Пока все верно?

Паулс молчал.

– Когда моим ребятам стало очевидно, к чему все идет, мы дали команду подкреплению. А подкрепление взяло вас в банке, переодетыми в форму охраны. Не забудьте еще про того бедолагу, который, как и в первом случае, валялся оглушенный в вашей «Газели»! Между прочим, открою вам небольшой секрет: это вовсе не охранник. Мы решили не подвергать опасности гражданское население, – тут следователь улыбнулся, – и поставили своего человека. Но боюсь, уважаемый Марк, вам не отвертеться от суда на том основании, что в «Газель» вы сунули связанного омоновца.

Он покачал головой, словно удивляясь самому себе:

– А началось-то все с телефона. С телефона! Без него мы бы никогда на вас не вышли. Теперь вы понимаете, почему я называю эту историю интересной?

Марк наклонился вперед. Маска напускного безразличия слетела с него.

– Не докажете! – выдохнул он. – Первое дело не докажете!

– Первое – не докажем, – не стал спорить следователь. – А вот второе пройдет как по маслу. И этого, поверьте мне, Марк, вам вполне хватит на солидный срок. Ну что, будете подписывать признание? Вы ведь понимаете, что мне это не слишком нужно. Признание у нас уже давно не

«царица доказательств», а так, лишнее подтверждение в нашу копилку.

Паулс медленно кивнул.

– Вот и хорошо, – обрадовался Владимир Максимович, перебирая бумаги. – Меня мучает только один вопрос... Скажите уж, признайтесь честно – чей это был телефон? Тот, что мы нашли в банке? Ведь только благодаря ему, Марк, мы вышли на вас. Во всем остальном вы провели свою партию безупречно!

Паулс открыл рот, чтобы ответить, что и сам хотел бы это знать. «Только благодаря ему, Марк, мы вышли на вас...»

И вдруг в памяти его всплыло воспоминание. Умник, ноющий, что у него слишком простой телефон, в котором нет любимой игры. Умник, забирающий по очереди у каждого из них телефоны и весело забавляющийся с ними.

Звонкий, почти мальчишеский голос: *«Марк, не дашь мне телефон на десять минут? Я б сыграл!»*

Паулс побледнел.

Это было незадолго до того, как они напали на инкассаторов... Кто, как не Умник, предложил этот план? Кто, как не он, настоял на том, чтобы они с Марком вошли внутрь? Только у него была возможность подкинуть улику в надежде, что она наведет на след.

Марк прозрел.

Бондарев поставил на своем телефоне режим, позволяющий не отвечать на звонки, и включил автоответчик. Все его действия были рассчитаны на оперативников: ему необходимо было сделать так, чтобы позже в распечатках они увидели всех дозвонившихся абонентов. Он просчитал все их действия, подготовился. И спокойно сел играть на чужих телефонах.

«– Опять будешь червяками баловаться?»

– Ну, буду... А что такого?!»

С ужасающей очевидностью Марку открылось все, что делал Умник. Между играми он набирал с их сотовых свой собственный номер, дожидался, когда в его кармане бесшумно завибрирует телефон, и отключался. Наверняка стирал звонок из памяти того телефона, который был у него в руках. И продолжал играть как ни в чем не бывало.

Чтобы его ни в чем не заподозрили, он достоверно изобразил готовность идти за Марком до конца. Паулс вспомнил два плана ограбления, один за другим предложенных Андреем... Именно после этого он стал доверять мальчишке! И только теперь запоздало понял, что Бондарев не мог не знать о переезде банка, к ограблению которого они

готовились. Не мог! А нападение на первый банк он предложил, будучи уверен в том, что они откажутся, не желая брать на себя несколько убийств сразу.

Умник добился того, чего хотел: все они, включая Марка, решили, что мальчишка созрел для серьезных дел. А он всего-навсего вел их к ограблению последнего банка – того, в котором их должны были схватить.

Следователь, наблюдавший за главарем банды, увидел, как тот изменился в лице.

– Марк, – окликнул он.

Но Паулс не отозвался. В голове у него звучал голос Арнольда, вернувшегося в дом: «По улице шляются какие-то бомжи! Не помешали бы...»

Но откуда взяться бомжам в коттеджном поселке?! Как, как он мог не сообразить этого раньше? Как он мог не понять, что за домом следили?!

«Марк, у нас, кажется, объявились соседи... Только что видел около кирпичного дома с мансардой белую „девятку“».

Если бы они заметили наблюдение, то скрылись бы и сейчас он не сидел бы со скованными руками, бессильно скрипя зубами.

– Умник, – прошептал он. – Умник, мразь!

События завертелись перед глазами Марка, подобно картам, оборачиваясь рубашкой вместо той масти, которую он видел за миг до этого. Новый поворот – и он снова видел масть... Но на этот раз другую. Словно с ним играл опытный шулер, которому ничего не стоило построить вокруг него карточный дом. А потом разрушить одним движением пальца.

В тот день, когда он вернулся после разговора с агентом и сказал, что «Ласточку» могут купить...

«Почему „Ласточка?“ – спросил его тогда Умник. – Ты же говорил – „Чайка“?»

И он, кажется, пропустил вопрос Бондарева мимо ушей.

– Но я не говорил... – вслух сказал Паулс, постигая истину. – Я никогда этого не говорил... Откуда же...

ОТКУДА ЭТОТ ЩЕНОК ЗНАЛ, КАК НАЗЫВАЕТСЯ ОТЕЛЬ?!

Червовый король крутанулся в воздухе, и вместо него перед глазами Марка возник ненавидимый им трефовый валет. Валет подмигнул: «Нужно было заставить тебя отправиться на второе ограбление, Марк! Если бы тебя не подгоняла жажда денег, ты мог бы отказаться, счесть это слишком опасным! Но ты был убежден, что отель вот-вот уплывет из твоих рук, и ничто не могло тебя остановить».

– Он подкупил агента... – прошептал Паулс, забыв про следователя. –

И тот соврал мне. Не было никакого второго покупателя на отель...

Не было! И никто не повышал цену! Он не потрудился перепроверить факты, доверившись агенту, и его обвели вокруг пальца.

Марк застонал и схватился за голову. Наручники звякнули на его руках.

Наверняка окончательный план Бондарева предусматривал, что он незаметно скроется, когда начнется переполох. Марк и Арнольд оказались бы внутри банка как в ловушке, а он бы удрал, как успел удрать Юрка. Все, все они попались бы, кроме него!

Паулс с силой ударил скованными руками об стол и разразился проклятиями.

– Сволочь! – бушевал он. – Мразь! Шею бы тебе, тварь, свернул голыми руками! Повезло тебе, что ты сдох, падаль! Вовремя тебя застрелили!

– Тише, тише... Тише, я сказал! – крикнул следователь, пораженный этим всплеском ярости. – Кто сдох-то?

– Умник... – просипел выдохшийся Марк. – Гнида! Его рук дело!

Владимир Максимович задумчиво посмотрел на него.

– Голубчик... – начал он с осторожной интонацией врача, пытающегося сообразить, не буйнопомешанный ли пациент ему достался. – Вы о чем?

Паулс опомнился. Он понимал, что в коттедже будет проведен обыск и тела найдут, но в эту минуту был не в силах объяснить следователю, что там произошло. Слишком сильным оказалось потрясение. Его, Марка Паулса, одурачили и загнали в капкан. И кто?! Щенок, которого он считал надежно посаженным на цепь. Подставил их всех – и сдох! Даже смерть Умника Паулс не мог расценивать иначе, как побег: Бондарев скрылся там, откуда достать его не было никакой возможности! Перехитрил их, оставил в дураках, и теперь нож с отпечатками его пальцев, который Марк заботливо хранил в тайнике, был ни к чему.

Он всех их обманул.

– Его рук дело... – повторил Паулс.

Глаза его остекленели. Лицо приняло бессмысленное выражение.

– Марк, что с вами? Чьих рук, скажите!

Но Паулс не слышал вопросов следователя. В ушах его отчетливо раздавалось шуршание рассыпающегося карточного домика.

В кафе на тенистой набережной сидели три человека. Огромный красно-белый полосатый зонт, распахнувшийся над их головами, трепетал

и пытался раздуться, будто парус, когда прилетавший с моря ветер проносился по улице. Кричали дети, их перекрикивали чайки, нырявшие за кусками хлеба, и вся длинная набережная с полосатыми зонтами и отелями, увитыми бугенвиллеей, казалась наполненной солнцем и жизнью.

Тем удивительнее показались бы случайному прохожему слова одного из троих, сидевших под зонтом.

– На мой взгляд, быть мертвым не так уж и плохо, – по-русски сказал элегантно одетый старик. К его плетеному креслу была прислонена длинная трость. У старика были живые глаза и умное худое лицо: он выглядел как человек, оправляющийся после долгой болезни, но полностью победивший ее. – Более того, я нахожу в нашем положении массу преимуществ!

Девушка, сидевшая напротив, посмотрела на него с нежностью. Они были похожи: оба невысокие, узкоплечие. У обоих одинаково выдавались вперед упрямые подбородки. Случайный прохожий, посмотрев на них, решил бы, что перед ним, без сомнения, дед с внучкой... И был бы очень удивлен, узнав, что это не так.

Если бы прохожий стал пристально рассматривать девушку, он обнаружил бы, что у нее мелкие черты лица, ничем не примечательная фигура и совершенно заурядный облик. Но несмотря на это, она была запоминающейся. В ней чувствовалась сила духа, редко присущая молодым девушкам ее возраста, и бьющее ключом жизнелюбие.

Именно об этом думал третий, сидевший за столиком на набережной, не зная, как облечь свои мысли в слова, и даже не уверенный в том, что стоит это делать. Молодой человек лет двадцати пяти с открытым привлекательным лицом казался спокойнее и сдержаннее своих собеседников, но флегматичность его была обманчива. Старик с девушкой знали об этом лучше других.

Все-таки Андрей решился высказать то, о чем он думал.

– Ира – уникал, – сказал он наконец. – Я никогда не встречал подобных людей. Михаил Степанович, поверьте: ни один другой человек не справился бы с тем, с чем справилась она. Давайте выпьем за нее!

– Нет, – остановила его слегка покрасневшая Ирка. – Первый тост – за удачу!

– А что удача? – пожал плечами Бондарев. – Эмерсон сказал: слабые люди верят в удачу, сильные – в причину и следствие.

– А Джозеф Конрад сказал, что если человек не верит в удачу, то у него небогатый жизненный опыт! – парировала Ирка.

– А я говорю, что нам давно пора выпить, дети мои, хоть за что-

нибудь, – заметил Гройс. – У меня пересохло в горле.

Все-таки они выпили за удачу, и старик немедленно попросил официанта принести ему еще бокал. В ожидании вина он выбил из красивого серебряного портсигара сигарету, но не закурил ее, а повертел в пальцах и положил обратно.

– Ответь мне на несколько вопросов, мальчик мой, – попросил он Андрея. – Хочу, так сказать, заполнить белые пятна.

– На любой.

– Не кажется ли тебе, что с кровью ты перестарался? На мой невзыскательный взгляд ее было многовато.

– Ни в коем случае! – горячо возразил Бондарев. – Поймите, требовалось сделать так, чтобы ни у кого не возникло искушения подойти к трупам! То есть к нам... Был момент, когда я даже пожалел, что не приклеил к себе еще пару пакетов.

– Когда кто-то спросил, точно ли ты умер? – любопытствовала Ира.

– Да. Я испугался, что Юрка или Василий решат подойти ко мне и тогда все вскроется. И они бы так и сделали, я уверен! Если бы не море крови... Ее вид подействовал именно так, как мы и надеялись. Кроме того, это было эффектно. Сразу становилось понятно, что все мы мертвы. Конечно, можно было обойтись банальной дыркой в сердце, но я предпочитаю перестраховываться в деталях.

– Только один раз сплоховал, – укоризненно сказала Ирка.

– Да, причем так, что едва все не провалил, – подтвердил Андрей. – Марк при нас никогда не упоминал, как называется его будущий отель. Но я-то знал! И когда он сказал, что какой-то чиновник вот-вот купит его «Ласточку», я брякнул, не подумав, что она не «Ласточка», а «Чайка». Нам всем исключительно повезло, что Паулс был взбешен и не обратил на это внимания.

Старик в задумчивости пожевал губами:

– А зачем, скажи на милость, ты измазал меня в той зловонной дряни, от которой потом я едва отмылся? Чтобы твой приятель Юрий шарahalся от меня?

– И не только он, – усмехнулся Андрей. – Но ведь сработало же!

– Пахло скверно, – проворчал Гройс. – Думаю, это все-таки было лишним.

– Это было необходимо, Михаил Степанович! Если бы нас не оставили одних, как бы я прилепил пакеты с кровью?

– Положим, с пакетами я бы и сам справился.

– Не справился бы! – возразила Ирка. – Я чуть с ума не сошла, пока

налепляла их на себя! Тысячу раз пожалела, что не попросила Олега помочь. Они тяжелые и все время выскользывают из рук.

– И потом, Михаил Степанович, куда бы вы спрятали скотч?

Гройс вынужден был согласиться, что скотч в камерке спрятать ему было некуда. Затем вспомнил, как Андрей стрелял в него, и по лицу его пробежала довольная усмешка.

– «Кто бы мог подумать, что в старике столько крови!» – процитировал он. – Отличный спектакль, ребятки, просто отличный!

– А я боялась, что потеряю сознание, – призналась Ирка. – Увижу красную лужу – и все, сразу в обморок. Представьте: полежала бы окровавленная, а потом очнулась!

– Если бы Паулс такое увидел, то сам бы сознание потерял, – рассмеялся Андрей. – Но ты молодец, Ириша, Михаил Степанович, жаль, что вы не могли оценить этот спектакль! Какая актриса пропадает!

– Мне было не до спектакля, – проворчал старик. – Очень трудно, знаете ли, притворяться покойником двадцать минут кряду. И эта сырость... Все липкое, все пахнет... Все двадцать минут я думал, что убедительностью некоторых деталей можно было и пожертвовать. К примеру, настоящей кровью. Боюсь спросить, чья она?

– Свиная, – вздохнул Андрей.

– Так и думал. Кстати, мне казалось, что выстрелы будут куда громче. И даже был несколько разочарован!

– Я специально прикрутил глушитель. Психологический эффект от настоящих выстрелов был бы, конечно, сильнее. Но тогда бы нас услышали снаружи, а это поставило бы крест на всем плане.

– А пули? Мне показалось, что я почувствовал толчки, когда ты стрелял.

– Всего лишь толчки? – фыркнула Ирка. – Мне показалось, что меня осел лягнул в грудь всеми копытами сразу!

– Пули должны были прорвать и одежду, и оболочку пакетов, – пояснил Андрей. – Это ведь специальное оружие, а не простые пейнтбольные стрелялки, заряженные шариками с краской. Им пользуются в Америке, когда хотят инсценировать смерть свидетеля, чтобы тот избежал расправы. Я опасался, что Паулс или Арнольд возьмут у меня пистолет и увидят, что он другой, не тот, который я всем показывал. Но к счастью, всем было не до того. А еще Юрка косился на мой свитер. Наверное, удивлялся, с чего это я так вырядился.

– А с чего, в самом деле? – спросил Гройс.

– У него горловина высокая, – ответила Ира вместо Бондарева. – Под

ней легко было спрятать пакет с кровью. Мы тренировались стрелять так, чтобы я попадала Андрею в шею.

– А если бы не попала?

– Выстрелила бы еще раз. Но два месяца тренировок... Поверь, дед, мы не теряли времени зря, пока тебя держали в кладовке!

– И сколько же раз вы разыгрывали сцену нашей гибели? – хмыкнул старик.

Ира и Андрей переглянулись.

– Раз двадцать, – хором ответили они и рассмеялись.

– Кучу одежды перепортили, – с сожалением добавила Ирка. – Эх...

Официант принес жареную рыбу, и на некоторое время над столом повисла тишина, нарушаемая лишь позвякиванием ножей и вилок. Справившись со своей порцией, Гройс придвинул к себе портсигар, вынул сигарету, но закуривать не стал. Он задумчиво посматривал на Бондарева, с аппетитом поедавшего рыбу, и думал о том, что мальчишке удалось реализовать самый сложный план, не допустив ни единого крупного промаха.

«Когда Паулс решил, что держит его на крючке, он начал обдумывать, как выпутаться из этого дела. И пришел к выводу, что сможет добиться своего только в том случае, если всю банду посадят, а он останется на свободе. Наверное, сначала паренек хотел просто-напросто сбежать и начал готовиться, исходя из того, что в последний банк они поедут все вместе.

Интересно, сколько он ломал голову, прежде чем придумал эту улику – телефон? Или сразу сообразил, что это идеальная зацепка? Все предусмотрел: и то, что за ними выставят наблюдение, и то, что Марк согласится на ограбление банков лишь на определенных условиях... Сначала загнал их в первый банк, где сбросил телефон, а через пару месяцев привел прямехонько во второй, зная, что там их будут ждать.

Между делом придумал аферу с казино. И тут единственный раз его план дал сбой! Случай подкинул ему Иришу, а значит, и меня. Дело грозило обернуться убийством, а не только ограблением... Но ведь этот умник и такой поворот событий обернул в свою пользу! Сообразил, что выйдет куда лучше, если он не поедет с Паулсом в банк, а останется лежать мертвым. И остался.

Впору задуматься, была ли его встреча с Ирой случайностью...»

– Меня удивляет одно: почему вас не задержали, когда вы вышли из казино? – сказал Гройс, крутя сигарету в пальцах. – У вас в руках были мешки с деньгами...

– Ну и что? – удивился Андрей. – Мы честно выиграли свои деньги,

никакого основания для задержания не было. И еще не забывайте, что оперативники ждали, когда мы отправимся в банк! На мелочи вроде обыгранного казино они не отвлекались. Все чуть не сорвалось, когда Арнольд заметил машину, из которой велась слежка. Правда, оперативники изображали соседей, приехавших к себе домой, но очень уж был велик контраст между богатым домом и их скромной «девяткой»... Я опасался, что кто-нибудь из банды сообразит это.

– Для слежки использовали только одну машину?

– Если и было больше, то других я не замечал. А вот «девятка» особенно не скрывалась, только меняла номера. К счастью для нас, все обошлось.

Андрей рассказал, каких трудов ему стоило уговорить агента, номер которого он нашел в телефоне Марка, на один звонок Паулсу. Тот до смерти боялся собственного нанимателя, и лишь круглая сумма подтолкнула его к действиям.

– А скажи мне, дружок, вот что, – прищурился Гройс. – И будь с нами честен, пожалуйста. Когда ты подставил Иришу перед светлые очи Паулса, ты знал о том, что у нас с ним старые счеты?

– Бог с вами, – почти с испугом сказал Андрей. – Я Ирину увидел случайно! Клянусь вам, это совпадение! У меня в мыслях не было никого из вас подставлять!

– Ну ты еще побожись! – проворчал старик. – Ладно, верю. Хотя от тебя, от умника, всего можно было ожидать. Зачем ты ей рожицу исполосовал? А?

– Я сама согласилась, – заступилась за Андрея девушка. – Иначе могло бы не получиться.

Она взглянула на Бондарева, прищурилась. Набережная с чайками и бугенвиллией, полосатый зонтик, море – все растворилось, и вокруг нее снова встали стены холодной комнаты с плотно зашторенными окнами. Человек, которого она считала своим врагом, наклонился к ней и взял ее за руку.

«– Меня зовут Андрей, у нас с тобой на знакомство и все формальности есть пятнадцать минут. Поэтому не перебивай меня и слушай внимательно. И вот еще что... Постарайся не кричать».

Ему хватило пяти минут, чтобы объяснить, почему он не может уйти от Марка Паулса. Еще пяти – чтобы изложить свой план. Ира практически не раздумывала, и не потому, что Бондарев не оставил ей выбора. Она ему поверила.

– Мне придется что-то сделать с тобой, как будто я силой вынудил тебя

согласиться. Наверное, порезать руки. Если ты закричишь, они ворвутся сюда, и эффект будет не тот.

– Режь лицо, – сказала Ирка. – И не смотри на меня так! Ты должен ошеломить их. Эмоции отшибают разум, меня дед этому учил. Да не бойся ты! Три царапины под челкой заживут через месяц. Я не закричу.

Она даже не застонала, когда острое лезвие вдавилось в кожу и из-под него закапала кровь.

– Все, теперь иди, быстро! – попросила Ирка, не открывая крепко зажмуренных глаз. – Зови этих... своих чудовищ».

Об остальном Михаил Степанович знал сам. Когда Андрей вернулся и выпустил их из запертого коттеджа, они тотчас же бросились за сумками.

– Если что-то пойдет не так и Паулса не задержат, – запыхавшись, говорил на бегу Андрей, – то первым делом он вернется сюда за деньгами. Вот тогда нам всем придет конец!

– Не придет, – пропыхтел старик. – Послушайте, юноша, а вы не могли придумать другое место для того, чтобы спрятать эти чертовы сумки?

– А это и не я придумал! – выдохнул Бондарев, остановившись возле болота. – Я придумал только идею с неотложным ограблением, чтобы Марк не успел завезти наличные в контору и перевести их на свой счет. А куда их спрятать на время ограбления, он решил сам. И не называйте эти сумки чертовыми, они заслуживают лучшего отношения! В них лежат тридцать пять миллионов...

– Подозреваю, намокших, – фыркнул Гройс.

– Ничего подобного. Сумки инкассаторов в огне не горят и в воде не тонут. Вернее, не мокнут. Материал... Эх!.. Со специальной! Пропиткой!

Бондарев в три рывка вытащил сумки из болота и повалился на землю.

– Тяжелые, – посочувствовал старик, не сделав ни малейшей попытки помочь.

– Не то слово! А нам их еще тащить до машины!

Они почувствовали себя в безопасности, только когда коттедж остался далеко позади. Ирка выдохнула и прижалась к деду.

– Михаил Степанович, паспорта готовы, – сказал Андрей, поглядывая в зеркало заднего вида. Гройс видел умные темные глаза, то и дело обеспокоенно останавливающиеся на девушке. – Мы не знаем, как все прошло в банке, и не скоро узнаем. Мы с Ирой сейчас поедem в аэропорт, а вам придется заехать в казино.

– Почему именно мне?

– Потому что ее схватят сразу, как только она попадет в поле

видимости камер. Сам я не хочу светиться с деньгами. А ваш поступок будет понятен: вы – ее родственник, и вы возвращаете украденные деньги. Мы сможем быть спокойны: после этого Иру точно не станет искать собственная служба безопасности казино.

– Допустим. Но почему вы думаете, что меня не задержат?

– Вас обязательно задержат! – с глубокой убежденностью сказал Андрей. – Обязательно! Но отпустят, потому что вы совершенно ни при чем. Нашли деньги у внучки, решили, что она их украла, и принесли обратно. Мы будем ждать вас в...

Он произнес название страны, и Михаил Степанович вскинул брови:

– А поближе ничего не нашлось?

– Нашлось, – невозмутимо ответил Бондарев. – Но там везде холодно. А мы с Ирой решили, что вам нужно погреться после двух месяцев заточения в холодной кладовой.

«Мы с Ирой решили!» Они с Ирой! Вспомнив об этом, Михаил Степанович снова вознегодовал и, чтобы вернуть душевное равновесие, заказал десерт. Подумать только! Этот прохиндей втянул их черт знает во что, в какую-то кровавую авантюру! По его милости девочка прошла драконовскую школу и помогла украсть из казино тридцать пять миллионов, а он сам едва не сыграл в ящик. А теперь эта дурында сидит и смотрит на Бондарева преданными глазами!

Принесли десерт – три подтаивающих шарика, похожих на розовые снежки. Гройс попробовал его и смягчился. Мороженое было чудесным.

– И что же вы теперь собираетесь делать, Андрей? – спросил он, жмурясь от солнца.

Тот не успел ответить – на площади в глубине домов раздались торжествующие крики, и до них донеслась ритмичная музыка. Ирка вскочила:

– Мы собираемся пойти на праздник! Скорее!

– Нет уж, – отказался старик. – Вы идите, а я посижу, видами полюбуюсь. Встретимся в отеле.

– Хорошо!

Девушка наклонилась и поцеловала его в щеку. Андрей хотел что-то сказать, но она схватила его за руку и потащила за собой туда, откуда доносились звуки, – на главную площадь.

Гройс проводил их взглядом, покачал головой. Дети... Умные, способные, но дети! «Вы вернете казино украденные у него деньги!»

Старик открыл портсигар.

Достал оттуда сигарету.

Закурил.

И негромко рассмеялся, как понимающий человек смеется хорошей шутке.

Эпилог

В холле отеля было тихо и прохладно. Гостей только что проводили в комнаты. Стих шум голосов взрослых, собачий лай, радостные выкрики детей, увидевших море. Собачку привез с собой один из постояльцев. Он останавливался в «Чайке» уже третий раз, и весь персонал был предупрежден о том, что Жужу нельзя кормить сладостями.

Менеджер, встречавший гостей, вспомнил, как Жужа облаяла его, и вздохнул. Крошечного капризного терьера предстояло терпеть целых две недели. А все потому, что хозяин «Чайки» – единственный из всех владельцев гостиниц на ближайшие двадцать километров, разрешающий постояльцам привозить с собой животных.

– Олеся, сегодня еще будут заезды? – спросил менеджер, перегнувшись через стойку.

– Нет, Саш, это последний, – живо ответила кокетливая кареглазая Олеся. – Куда уж больше! Все номера заняты.

«Чайка» переживала наплыв постояльцев. Нынешний владелец отеля разогнал весь прежний персонал, от поваров до уборщиц, убежденных в том, что гости приезжают в гостиницу лишь для того, чтобы осложнить им жизнь. Набрал новых людей и распорядился сменить во всем здании... шторы и покрывала.

Вместо тяжелых коричневых портьер и немарких серых покрывал привезли яркие, бело-синие, с чайкой, расправившей крылья над волной. Отель повеселел, оживился, засверкал чисто вымытыми окнами, отражая в стеклах морскую синеву. Перед входом соорудили небольшой фонтан, неизменно радовавший детей и удивлявший взрослых: очень уж неподходящая, на первый взгляд, скульптура была выбрана для него.

– Пойду отчитываться, – сообщил менеджер красавице Олесе. – Не поминай лихом.

Он работал недавно и все еще побаивался хозяина. Станный человек, непростой, с причудами. Взять хоть этот фонтан... А отчеты! Каждый день в четыре часа старший менеджер обязан был доложить, все ли в порядке. Простое дело, но Саша отчего-то всегда робел, когда выпадала его смена.

Он пешком взбежал на третий этаж, торопливо прошел по коридору и остановился перед дверью с тем чувством, с которым вызванный к директору школьник замирает возле учительской. Одернул пиджак – и лишь затем постучал.

Кабинет, куда его провели, выходил окнами на море. Возле окна стоял огромный глобус, а возле него на маленьком столике россыпью валялись фишки. Рядом возвышалось искусственное дерево всего с тремя ветвями – толстыми, короткими, росшими строго перпендикулярно стволу.

Хозяин «Чайки» сидел в глубоком кресле с книжкой О’Генри и отложил ее, когда менеджер вытянулся перед ним.

– Александр, мальчик мой, ты же не на плацу, – ласково сказал он. – Вольно. Что у нас новенького?

– Все в порядке! – отрапортовал Саша, не отреагировав на команду «вольно». – Последний заезд был в пятнадцать тридцать, жалоб не поступало.

– С завтраками разобрались?

– Да, фрукты уже привезли. С поставщиком договорились.

– Славно, славно...

Человек, сидящий в кресле, задал еще несколько вопросов и отпустил менеджера, вполне удовлетворенный его отчетом. Когда паренек ушел, держась навтыжку и разве что не маршируя, он поднялся и встал возле окна.

– Прр-рошу! – раздался хриплый простуженный голос из угла.

– О чем ты меня просишь? – любопытствовал старик, не оборачиваясь.

К нему подлетел попугай и уселся на одной из ветвей дерева, осторожно переступая когтистыми лапами.

– Пр-ррошу! – строго повторил он и вдруг добавил совершенно человеческим голосом: – Долго не гуляй!

– Не буду! – пообещал Михаил Степанович.

Он погладил Прохора по макушке, и тот подставил голову, ластясь, точно кошка.

Старик взял трость, закрыл кабинет и неторопливо спустился по лестнице. Он миновал засаженную цветами террасу и вышел на небольшой балкончик, откуда была видна вся территория «Чайки». Облокотившись на перила, Гройс постоял пару минут, наблюдая за отдыхающими, и перевел взгляд вправо.

Там, неподалеку от входа, бил небольшой фонтан – достопримечательность отеля. Скульптор поработал на совесть и сумел передать сходство. Глядя, как из клюва мраморного попугая, надменно взирающего на плещущихся детей, выплескивается струя воды, Михаил Степанович негромко рассмеялся.

Солнце сверкнуло в россыпи брызг, и над головой попугая вспыхнула

крошечная радуга.